

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный
нефтегазовый университет»
**Научно-исследовательский институт
прикладной этики**

В.И. Бакштановский
Ю.В. Согомонов

**ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО:
ЭТИКА
ПУБЛИЧНЫХ АРЕН**

Тюмень – 2004

УДК 17:347

ББК 87.75

Б 199

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. **Гражданское общество: этика публичных арен** / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. – 268 с.

ISBN 5-88465-592-2

Новая монография авторов продолжает многолетний исследовательский проект, посвященный этике гражданского общества, и наиболее тесно связана с их монографией «Гражданское общество: новая этика» (2003). В первой части книги рассматриваются ценности гражданского общества, в том числе свобода выбора и ответственность, профессионализм, деловой и жизненный успех, во второй части – социальные технологии гражданской активности, в том числе гуманитарная экспертиза в теоретическом и методическом (игровое моделирование) аспектах. Особое место в книге занимает анализ опыта самопознания институтов гражданского общества.

Книга адресована исследователям процесса становления гражданского общества в современной России, преподавателям и аспирантам, гражданским активистам, журналистам.

ISBN 5-88465-592-2

© В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. 2004.

Оглавление

Введение

Исследование гражданского общества как «никогда не завершающийся проект»	5
---	---

Часть первая

«ОБЩЕСТВО СВОБОДНОЙ БЛИЗОСТИ И СВОБОДНОГО АНТАГОНИЗМА»	9
---	---

<i>Глава 1.</i> Свобода выбора как все еще не осознанная необходимость	9
---	---

<i>Глава 2.</i> Альтернатива «закон джунглей» – «террор социальности» и «взаимопитание» индивидуализма и солидаризма	36
--	----

<i>Глава 3.</i> Способен ли рационалист быть не просто «человеком экономическим», но и «человеком нравственным»?	50
--	----

<i>Глава 4.</i> «Служение в профессии» и/или «жизнь за счет профессии»?	64
--	----

<i>Глава 5.</i> «Госпожа Удача»? «Господин Успех»?	79
--	----

<i>Глава 6.</i> «Эспри де кор»	101
--------------------------------------	-----

Часть вторая

«ЛАБОРАТОРИЯ В ХРАМЕ СВОБОДЫ»	115
-------------------------------------	-----

<i>Глава 7.</i> Гражданская активность: искусство выбора методов	115
---	-----

7.1. Искусство выбора методов: ценностные ориентиры	115
--	-----

7.2. Испытание выбором: феномен общественной экспертизы	138
--	-----

7.2.1. Общественная экспертиза: в каком смысле «экспертиза», в каком смысле «общественная»?	138
---	-----

7.2.2. Гуманитарные ориентиры общественной экспертизы	153
--	-----

7.2.3. Игровое моделирование как метод общественной экспертизы	161
7.2.4. Сценарное обеспечение общественной экспертизы, проводимой в режиме игрового моделирования	166
7.2.5. Общественная экспертиза в режиме игрового моделирования: цикл «заказ – разработка – внедрение – рефлексия»	185
<i>Глава 8. «Познай самого себя»: анализ случая</i>	<i>200</i>
8.1. Кто мы такие, в чем наша роль, каковы наши ценности?	201
8.2. Пассионарии гражданского общества: от самоидентификации к выработке «повестки дня»	220
8.3. Взаимодействие институтов гражданского общества и власти: ориентиры обновления «правил игры»	249
<i>Вместо заключения</i>	<i>270</i>

Введение
ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
КАК «НИКОГДА
НЕ ЗАВЕРШАЮЩИЙСЯ ПРОЕКТ»

«Формирование гражданского общества – это никогда не завершающийся проект», – писали мы в предшествовавшей книге «Гражданское общество: новая этика». Однако на собственном опыте мы убедились, что и само исследование гражданского общества и его этики – тоже никогда не завершающийся проект. Во всяком случае не завершающийся предшествовавшей книгой.

Новая книга нашего многолетнего проекта представляет этику гражданского общества в новых гранях: ценности гражданского общества и ценностные ориентиры социальных технологий гражданской активности. Решение первой задачи книги – попытки представить этику гражданского общества через ее базовые ценности – предполагает преодоление как распространенного мифа о бездуховности гражданского общества, так и реальной трудности – несформированности общественного консенсуса относительно «набора» базовых ценностей такого общества. Очевидно, что без решения этой задачи вряд ли можно рассчитывать на то, что гражданское общество и его ценности станут предметом свободного морального выбора общества. Вторая задача книги – исследование достаточно новой для нашей этической мысли и практики публичной жизни проблематики – социальных технологий гражданского участия. Новой прежде всего с точки зрения анализа ценностных ориентиров этих социальных технологий.

Соответственно этим задачам книга состоит из двух частей. В первой части, метафорическое название которой, видимо, не требует расшифровки, – «Общество свободной близости и свободного антагонизма» (Василий Гроссман) – мы рассматриваем базовые, на наш взгляд,

ценности гражданского общества, являющиеся конкретизацией этики гражданского общества, которую мы охарактеризовали как рациональную мораль, пришедшую на смену традиционной морали. Речь идет о таких ценностях этики публичных арен, как свобода выбора и ответственность, рационализм, индивидуализм, профессионализм, деловой и жизненный успех и т.д. Мы считаем эти ценности основными в своеобразном «либеральном пакете», не претендуя на представление этого «пакета» по критерию достаточности¹. Отметим особенности глав первой части книги: по своему жанру они приближены к формату статей потенциального словаря, а по алгоритму развертывания содержания ориентированы на сочетание двух «измерений» – нормативная модель и отечественная реальность.

Метафорическое название второй части – «Лаборатория в Храме Свободы», – напоминающее известную формулу тургеневского Базарова о природе как мастерской и фильм Т. Абуладзе «Покаяние», расшифровки, видимо, требует. Отсылая заинтересованного читателя к развернутой рефлексии метафоры «Лаборатория в Храме Свободы» в специальной публикации о природе гуманитарной экспертизы как одного из методов прикладной этики², отметим, что речь идет о «лаборатории морального выбора», о поисках условий и способов совместимости языка, адекватного природе морального выбора, с языком социальных технологий, способствующих эффективности гражданской активности.

¹ О ряде других существенных ценностей гражданского общества, в том числе таких, как ценность середины, предприимчивость, диалогичность, экологические ценности и т.д., см.: В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. Этос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень, 2000; Они же: Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Т.1-2. Томск, 1992; Они же: Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень, 2001.

² Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (II). Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирование. Тюмень, 1990.

Эта часть книги начинается с главы, в которой представлена панорама современных социальных технологий гражданского участия («социальный заказ», «ярмарка социальных проектов», «общественный совет», «гражданские переговоры», «гражданская экспертиза», «гражданский контроль» и т.д.) и дана специальная разработка методологии и методики общественной экспертизы в режиме игрового моделирования («испытание выбором»), конкретизированная анализом многолетнего тюменского опыта гуманитарных экспертиз в режиме этико-прикладных деловых игр. Особое место во второй части книги занимает анализ опыта самопознания такой институции взаимодействия власти и гражданского общества, как региональный Гражданский форум, в том числе входящих в его состав лидеров таких институтов гражданского общества, как СМИ и НКО. Инициированный и организованный нами проект, активизирующий самопознание регионального Гражданского форума, мотивирован зависимостью перспектив становящегося гражданского общества от (не)успешности трансформации «ростков», «островков», фрагментов гражданского общества в целостный проект.

Самопознание – мотив и условие самоопределения. Большинство участников форума – лидеры общественных организаций, для многих из них оказалась значимой рефлексия смысла работы их организаций. Происходит ли реальная трансформация квазинезависимых общественных организаций советского типа как институтов квазигражданского общества – в действительно автономные НКО как институты гражданского общества? В какой мере сегодняшние общественные организации уходят от патерналистских устремлений со стороны власти? Тем более, что лидерам общественных организаций есть с чем сравнивать свои ориентиры: уже появляются общественные организации нового типа, автономные гражданские структуры. Они ориентированы на людей, осознавших свои интересы и права, готовых их отстаивать через свои ассоциации. Людей, способных к независимому

мышлению и поведению, стремящихся самостоятельно строить свою жизненную и деловую биографию. Такие люди иницируют автономные организации нового типа, например, правозащитные структуры, объединения предпринимателей, потребителей, «зеленых», благотворительные фонды и т.п. Возникают и ассоциации организаций такого рода. В этой главе слово получают участники экспертного опроса – лидеры НКО, входящих в региональный Гражданский форум, и участники совместного семинара лидеров НКО и журналистов, на котором была иницирована работа над совместной «повесткой дня» для форума, предполагающей, в частности, систему общественных экспертиз. В завершающем параграфе последней главы ставится вопрос об идентификации Гражданского форума с точки зрения двух моделей такой уже по учебной литературе известной социальной технологии взаимодействия власти и общества, как «общественный совет». Первая – общественный совет «при власти», вторая – ассоциирование общественных организаций «снизу». Соответственно, каждая из моделей отличается своей мерой гражданского (не)участия. Сегодня в работе форума доминирует первая модель со всеми «плюсами» и «минусами», обусловленными ее природой. Нами предложена гипотеза о целесообразности комбинирования в дальнейшей деятельности форума обеих моделей. В таком подходе мы видим потенциал трансформации Гражданского форума. Полагаем, что монографический характер нашей книги не исключает ее адресацию не только исследователям процесса становления гражданского общества в современной России, но и гражданским активистам, стремящимся разобраться в ценностных ориентирах и социальных технологиях своей деятельности, госслужащим, заинтересованным в эффективном взаимодействии властных структур и общественности, журналистам, считающим, что миссия избранной ими профессии связана с целенаправленным формированием в нашей стране основ гражданского общества.

Часть первая
«ОБЩЕСТВО СВОБОДНОЙ БЛИЗОСТИ
И СВОБОДНОГО АНТАГОНИЗМА»

Глава 1
СВОБОДА ВЫБОРА КАК ВСЕ ЕЩЕ
НЕ ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

СВОБОДА выбора – фундаментальная ценность гражданского общества. Свободный выбор – акт автономии человека, его самоопределения. Акт свободного выбора – первичная «клеточка» и универсальная структура целеустремленной активности субъекта в мире духа и мире действия; неслучайно принято считать, что жизненный путь человека складывается из сменяющихся ситуаций выбора, в своей целостности определяющих его биографию. Разные по субъекту и объекту, масштабу и напряженности, характеру и значимости (от выбора единичного поступка до «замысла жизни», от элементарных стереотипных решений до мучительных колебаний, взвешиваний «за» и «против» в сложных конфликтах) ситуации выбора как атрибута человеческого существования требуют от личности самостоятельного и ответственного решения и действия, в которых реализуются его ценностные предпочтения и убеждения. В этом смысле человек гражданского общества – лицо, принимающее решения (в самом демократическом смысле этого выражения, не сводящегося к деятельности ЛПР – профессиональных управленцев).

Рассматривая свободу выбора в целом и свободу морального выбора – особенно³ как сущностную характе-

³ См.: Будь лицом: ценности гражданского общества. Т.1,2. Томск:

ристику гражданского общества, начнем с тезиса о том, что свобода выбора прямо связана, во-первых, с объективной возможностью для субъекта поступать так или иначе: совершая акт самоопределения к одной из реальных и значимых альтернатив замысла жизни, линии поведения (мировоззренческий ярус свободного выбора, макровыбор) и/или выбирая конкретный поступок (микровыбор). Во-вторых – с субъективной способностью выбирать: добровольностью, автономностью, реальной зависимостью выбора варианта решения от самого субъекта, с рефлексивным, рациональным принятием им на себя ответственности как за ориентацию на моральные основания предпочтения той или иной альтернативы жизненной стратегии и конкретного акта поведения, так и за конкретизацию этих оснований в праксиологическом (инструментальном, операциональном) аспекте реализации принятого решения, особенно – в ситуациях нравственно-конфликтного выбора.

Таким образом, с одной стороны, выбор – условие свободы. С другой стороны, выбор оказывается свободным, если наряду с возможностью поступать так или иначе субъект принимает решение исходя из критериев не просто рациональности инструментальной, но и ценностной, из морально определенных оснований.

Изд-во ТГУ, 1992; Бакштановский В.И. Моральный выбор: альтернативы и решения. М.: Политиздат, 1983; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. М.: Центр прикладной этики, 2002; Бауман З. Мыслить социологически. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996; Дарендорф Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. М.: Ad Marginem, 1998; Моральный выбор // Ведомости. Вып. 20. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002; Капустин Б.Г. Моральный выбор политика. М., 2004; Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996; О свободе. Антология западно-европейской классической либеральной мысли. М.: Прогресс-Традиция, 1995; О свободе. Антология мировой либеральной мысли. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Соловьев Э.Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе К.Маркса // Вопросы философии. 1968. № 5; Шрейдер Ю.А. Этика. Введение в предмет. М.: Текст, 1998; Эпштейн М. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9.

Понять природу свободного выбора – значит увидеть ее социокультурную динамику⁴. Развитая свобода выбора – ценность именно гражданского общества. На ранних ступенях развития человеческого общества факт стремления человека к выбору мог восприниматься прежде всего как покушение на незыблемость канонов. Неслучайно по-гречески «выбор» – это хейрос, от которого произошло более позднее понятие «ересь». В качестве примера уместно обратиться к возможности проектирования человеком своей биографии, ибо свобода выбора наиболее полно характеризует переход от стандартизированных биографических проектов к рефлексированному, максимально индивидуализированному биографическому проектированию.

Как известно, в традиционном обществе, отличающемся слабой выраженностью социального динамизма и способности к мобилизации внутренних ресурсов развития, авторитаризмом архаического типа, характерной для этого общества «естественной» моралью, выбор предельно ограничен. Здесь личность принимает свою судьбу как неизбежность случайности факта своего рождения, не нуждающегося в обдумывании; границы жизненной активности личности четко прочерчены и она хорошо знает, кто она есть, что должна делать, каков ее земной путь. Понятно, что узник событий и обстоятельств не имеет проекта своего «Я».

По мере становления и развития гражданского общества простой социум заменяется сложным, происходит качественное изменение границ выбора и поля возможностей выбора. Человеческая практика выходит из того состояния, когда она, подавленная однообразием жизненных процессов, их изначальной заданностью, почти не стимулировала стратегический выбор. Интенсифицируются поиски обществом альтернатив самому себе, либе-

⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2001.

рализуются социальные узы, возникают новые источники долженствования и ответственности, способы их поиска, выявляются новые центры санкционирующей активности, образуются новые поведенческие ориентации.

В процессе развития гражданского общества идут перемены от порядков «массового общества» с принятыми в нем стандартизированными биографиями – к свободному выбору социальной идентификации (с рисками, следующими вслед за таким выбором), к индивидуализации рефлексивных жизненных проектов, к переосмыслению понятия социального неравенства в социализации личности в духе плюрализации жизненных стратегий и стилей поведения, что особенно присуще глобализирующемуся обществу. В таком обществе свобода выбора оказывается не только ядром все расширяющегося пакета прав человека, но и культурной доминантой личности. Эта доминанта возникает и утверждается благодаря в корне изменившемуся отношению личности как к обществу, так и к самой себе, к своим жизненным ресурсам и поведенческим стратегиям.

ПЕРЕХОДЯ от вводного эскиза к развернутой характеристике феномена свободы выбора, уместно начать с того, что *выбор* – слово, которое, кажется, не нуждается в комментариях. В нем – узнаваемость сказочного сюжета о перекрестке дорог и добром молодце, который выбирает один из возможных вариантов поступка и принимает решение для себя и для всех нас, приобщающихся через народную мудрость к опыту человечества. В этой древнейшей модели выбора действительно «схвачена» очевидная суть человеческой свободы: возможность поступать так или иначе и необходимость самоопределения, принятия решения и совершения действия.

Ситуация выбора? Мы выбираем себе область деятельности, место жительства, супруга(у), политическую позицию, образ жизни. Выбор совершается на работе и дома, в отношениях с людьми и миром искусства. Выбор политический – если у избирателя сохраняется возмож-

ность реального сравнения и рационального предпочтения кандидатов и позиций; если он не «бежит от свободы» и не стремится избавиться от самой альтернативности выборов, искренне благодаря тех, кто «освободит» его от бремени самостоятельного выбора. Выбор отношения к носителям разных культурно-нравственных систем, идеологических концепций. Выбор той или иной оценки человека, выбор контакта, выбор степени откровенности в общении, выбор своего места в определенной группе людей. Кого взять с собой в путешествие? С кем пойти в разведку? Перечень завершить практически невозможно.

Типичные альтернативы? Прежде всего на память приходят классические альтернативы, известные из истории философии, произведений искусства, передающихся по житейским каналам преемственности нравственного опыта человечества. Выбор Понтия Пилата: принять решение или «умыть руки»; альтернатива Сократа: спасти жизнь или достоинство; «быть или не быть» Гамлета и другие.

Множество «неклассических» альтернатив. Куда пойти учиться: туда, где будущая профессия – твое призвание, или туда, куда легче поступить? «Служение в профессии» – или «жизнь за счет профессии»? Следовать принципу безудержной и завистливой конкуренции с другим – или духу соревнования с самим собой вчерашним? Брак по любви – или по расчету? Рождение ребенка со всеми вытекающими отсюда обязанностями – или отказ от детей во имя сохранения свободы, пусть и самым лучшим образом используемой, предположим, для духовного, творческого роста? Развод и вступление в новый, желанный брак – или сохранение старой семьи во имя детей, во имя прошлых, хотя и угасших чувств? Поддаться соблазну нечестного заработка – или предпочесть честную скромность дохода? Как лучше себя вести: быть всегда на виду – или «в тени»? Промолчать – или ответить? Оперировать больного в ситуации с рискованным

прогнозом последствий – или уклониться? Остаться в телекомпании (вынужденно, в том числе из-за политического давления), сменившей свое руководство, и тем самым смириться с навязанным решением – или уйти с высоко поднятой головой? Выбрать школу традиционного типа, которая нередко навязывает ученику ту или иную стратегию развития в искренней уверенности, что только по определенному школой сценарию и должна развиваться личность, – или «школу самоопределения», которая дает возможности выбора стратегии образования и ученику, и учителю?

Если воспользоваться метафорой поэта, «вопросы-громады» и «вопросы-карлики», «вопросы-океаны» и «вопросы-капли», то первое впечатление от этого списка – беспредельная разнородность, хаотическое многообразие, разноплановость сюжетов. В том числе и неразделенность ситуаций выбора в частной и публичной жизни. Можно ли навести в этом многообразии определенный порядок, помогающий понять природу свободного выбора? Есть смысл попытаться типологизировать ситуации выбора по ряду критериев: субъект выбора, масштаб ситуации, значимость ситуации, степень творчества или стереотипности решения.

Субъект выбора? Во-первых, индивид. Родители и менеджеры, полководцы и политики, учителя и журналисты – люди разных социальных ролей и в разных сферах жизни, производственной и непроизводственной, частной и публичной; каждый из них вовлекается в ситуацию выбора, должен принять решение, совершить то или иное действие, а часто – подвергнуть его суду своей совести.

Во-вторых, субъектом выбора может быть общность, организация или ассоциация, формирующая нормы взаимоотношения своих членов. Например, редакция СМИ или весь профессиональный «цех», стремящиеся к созданию этического кодекса как инструмента саморегулирования и рефлексирующая альтернативные миссии профессии. Субъектом выбора может быть и социальная

группа, старающаяся изменить или сохранить свое социальное положение. Так, например, после дефолта августа 1998 года выбор совершало поколение нового среднего класса, менеджеров – выбор между жизнью в стране и эмиграцией. Взвешивая две альтернативы – жизнь в обладающих надежным будущим странах, предоставляющих все блага западной цивилизации, или сохранение своей социальной значимости, возможности влиять на будущее России, – эта активная часть постсоветского общества предпочла вторую альтернативу. Предпочла, вероятно, потому, что не считала себя бессильной перед обнаружившимися обстоятельствами, не захотела «поставить крест» на стране, смириться.

В-третьих, субъектом свободного выбора может быть и социальный институт. Например, ситуация выбора для отечественной системы образования: сохранение прежней ценностной «системы интеллектуальной дрессуры» – или вариативное развивающее образование, в результате которого человек становится «мастером выбора в непредвиденных ситуациях»? Выбор, значимый и для общества: какую из нормативно-ценностных систем оно предпочтет – «культуру пользы» или «культуру достоинства»?

Наконец, субъектом выбора может быть и общество в целом, решающее вопрос о перспективах своего развития (ведь можно проектировать не только индивидуальную биографию, но и биографию своей страны). Достаточно вспомнить, что на протяжении почти всех постсоветских лет для газет, журналов, научных статей и монографий характерны заголовки типа «Куда идти России?». О чем они? О жизненном пути для целой страны, о выборе, субъектом которого является российское общество. О цивилизационном выборе: «западный», «восточный», «особый» путь? Как видим, сказочный сюжет о витязе на перепутье перед дорожным камнем может иметь и такой смысл: «витязь по имени Россия», побуждающий размышлять о том, какое направление изберет общество-го-

сударство.

Очевидно, что в процессах избирательной активности субъекта важно выделять акты выбора, отличающиеся принципиально разным масштабом. Масштаб выбора может быть стратегическим, «смысложизненным» – и ситуативным, касающимся конкретных решений, действий, поступков. При этом между выбором в ситуациях разного масштаба существует и обратная связь: выбор «замысла жизни», вероятно, важнее, чем, например, профессиональное самоопределение, но ведь и ошибка в предпочтении какой-либо специальности может повлиять на отношение человека к труду, семейному долгу и т.д. (нелюбимая профессия, например, прямо скажется на качестве трудовой деятельности).

Не менее важно различать ситуации выбора по их значимости для человека. Не очевидна ли разница: одно дело – выбрать партнера для игры в домино, другое – ответить на вопрос: «Кого бы ты взял с собой в разведку?».

Наконец, речь идет о том, что весьма часто человеку приходится осуществлять выбор в повторяющихся обстоятельствах, в ситуациях, которые хорошо известны ему по личному опыту, доступны для решения на уровне рассудка, а то и просто для действия по привычке. Иное дело – необходимость творчества в процессе поиска новых, нестандартных решений, нарушающих сложившийся шаблон поведения, требующих от личности мобилизации всего ее опыта, проявления высокой культуры. В таких ситуациях выбор не может быть сведен лишь к перебору неких известных альтернатив или к поиску готовых ответов на все возможные ситуации выбора (которые были бы размещены в конце некоего школьного задачника по этике). Свободный субъект, принимая решение в нестандартных ситуациях выбора, рискует – современное общество характеризуют как «общество риска» и на этом основании.

В ПОПЫТКЕ упорядочивания многообразия ситуа-

ций выбора уместен и поиск фундаментальных признаков свободы выбора. На этом пути прежде всего можно констатировать, что все ситуации свободного выбора, при всегда новой в изменчивых условиях сложности столкновения альтернативных вариантов (если нет возможности выбирать, то нет и свободы выбора), характеризуются как вечное перепутье, на котором может оказаться любой человек, как неизбежность для личности совершить акт самоопределения (уклонение от выбора – тоже выбор), решиться на выбор жизненной позиции или отдельного поступка.

Далее необходимо выделить фундаментальную предпосылку свободного выбора – автономию субъекта выбора. Речь идет о зависимости решения от самого человека, от его мотивов, целей и ценностей, а не от чужой воли или стечения обстоятельств, ему не подвластных (в последнем случае человек выступает скорее как объект). Возможно, продуктивной окажется и предлагаемая в исследовательской литературе гипотеза о делении действий человека на три категории событий: поступки, происшествия, свершения. Здесь две первые категории различаются в зависимости от того, является ли в них человек субъектом или объектом, а третья – характеристика события в человеческой жизни, совершающегося и не по воле человека, и не по воле обстоятельств, а в соответствии с той закономерностью, с какой произвольные действия человека – поступки – ведут к определенным, не подвластным ему, происшествиям⁵. Но в любом случае характеристика свободы выбора подводит нас к давней, но от этого не потерявшей своей актуальности, проблеме активности/пассивности субъекта в определенных обстоятельствах.

Перед каждым человеком, вовлеченным в ситуацию выбора, возникает проблема поиска такого варианта по-

⁵ Эпштейн М. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9.

ведения, который сочетал бы в себе, с одной стороны, решимость реализовать свою свободу, с другой – учет объективных обстоятельств. Радикальные формы подходов к этой проблеме выражаются в позициях «бездумной активности» и «мудрой бездеятельности», или, пользуясь литературными моделями, «донкихотства» и «гамлетизма». В первом случае речь идет о форме «нерассуждающей» активности, которая во имя свободы (долга, возвышенного идеала и т.п.) пренебрегает обстоятельствами и последствиями своего выбора. Во втором – о поведении людей, стремящихся рациональным анализом исчерпать все последствия вмешательства в сложную, противоречивую ситуацию и из боязни ошибиться (и тем самым опорочить достоинство цели) так и не решающихся на выбор.

Обращение к истории человеческого общества может показать разновидности этих модельных позиций, выявить их роль в реальном выборе конкретных людей. В самом же общем виде «донкихотство» является во многом понятной и естественной реакцией не только на приспособленчество, пассивность, возведенные в ранг добродетели на том основании, что они обеспечивают человеку благополучие и комфорт, но и на поведение людей, настолько акцентированных на рациональном анализе всех последствий своей активности в ситуации выбора, что из боязни ошибиться и исказить цель они не решаются на выбор.

В свою очередь, мотив «гамлетизма» вполне благороден: не допустить неверного решения, взвесить все последствия выбора. И если эти последствия негативны, уклониться от решения, во всяком случае не торопиться с ним. И задачей такой своеобразной формы выбора, как уклонение от активности, является сохранение личного достоинства, «спасение души» личности. Не в силах изменить обстоятельства и активно противостоять им, человек стремится не дать этим обстоятельствам поработить себя, изменить себе. Другой вопрос, что позиция

«уклонения», давая возможность принять решение о том, «чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах», может обернуться и решением «умыть руки», когда отказ от выбора оборачивается своеобразной формой выбора, вмешательством особого рода.

С одной стороны, человек должен учитывать обстоятельства, считаться с ними. Благоразумие в этом смысле – вполне добродетельно. И «человек середины» – вовсе не обязательно беспринципный оппортунист. С другой стороны, человек не только продукт обстоятельств, он и их творец. Кто-то из мыслителей сказал, что человек свободен в акте первого выбора, а результаты этого выбора и создают то, что мы называем «объективные обстоятельства». Понятно, что речь идет не только об индивидуальном выборе, но и выборе масштабном, историческом, когда снимается противоположность объекта и субъекта, – здесь индивид выступает одновременно и творцом обстоятельств, и их продуктом.

Обе метафоры – «донкихотство» и «гамлетизм» – помогают понять проблемность как активной, так и пассивной позиции в ситуации выбора. Легче всего было бы сказать, что истина находится «посередине». Но более точен известный подход, согласно которому посередине между крайностями лежит проблема. Рассуждения о феноменах «гамлетизма» и «донкихотства» дают возможность взвесить аргументы «за» и «против» каждой из этих альтернативных позиций. А собственно решение этой проблемы – предмет и удел творчества личности, вовлеченной в ситуацию выбора.

СРЕДИ сущностных характеристик свободы выбора – ориентация решения на критерии эффективности и ценности (целерациональное – и ценностно-рациональное поведение, праксиологические – и моральные критерии). При этом наиболее трудный вопрос свободы выбора – сочетание двух ориентаций.

В соответствии с праксиологическим видением понятие «выбор» предполагает, что кто-то выбрал «то-то и

то-то», кто-то предположил: можно сделать то, а можно сделать иное; сравнил первое и второе; умышленно сделал так, чтобы было одно из двух, и умышленно не сделал так, чтобы не было другого; в одном случае сделал это успешно, в другом – неуспешно. Выбор здесь предстает как четкая рациональная процедура по строгим критериям целесообразности.

Второй критерий предполагает, что свобода выбора требует не просто рациональности, но, прежде всего, выявления смысла деятельности, ее ценностной направленности, сориентированности в мире добра и зла. Если бы деятельность человека представляла собой не более чем ряд разобщенных актов, достаточно было бы столь же фрагментарных знаний о его потребностях и возможностях их удовлетворения в тех или иных ситуациях, хватило бы ограниченной способности ставить разрозненные цели, подбирать эффективные средства их достижения и оценивать успешность результатов каждого такого акта деятельности в отдельности. Но человеческая деятельность не дробится на изолированные акты, а представляет собой чрезвычайно сложную систему поступков, образующую более или менее последовательную цепь, линию поведения. Отсюда значимость для свободного выбора умения выдвигать не только близкие, но и далекие цели, подчинять одни цели другим, подвергать систематическому анализу как непосредственные результаты, так и отдаленные последствия деятельности, ее сопрягаемость с деятельностью других людей, вписанность в деятельность больших групп, общностей.

В этом смысле свобода выбора – это, прежде всего, свобода *морального* выбора⁶, предполагающего смыслообретения (и смыслоутраты) человека на его жизненном пути в процессе нравственных исканий, самоопределения

⁶ Бакштановский В.И. Моральный выбор: альтернативы и решения. М.: Политиздат, 1983; Моральный выбор // Ведомости. Вып. 20. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002.

в мире ценностей и идеалов; выход на исходную точку для оценки и самооценки; формирование нравственной позиции; становление линии поведения и выбор конкретного поступка.

ИТАК, свобода выбора предполагает наличие такого фундаментального условия и вектора, как моральное основание выбора и решения, ценностные ориентиры выбора (в том числе такого ориентира, как выбор свободы) и его регулятивы, а проблема свободного выбора интерпретируется как свобода морального выбора.

В таком значении моральный выбор представляет собой сторону, грань любого вида целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности. Но мораль в этом случае не просто «еще один вид», а «срез» всех остальных аспектов человеческой деятельности, их общественный и личностный смысл. Не располагая своей собственной «территорией», мораль, подобно проникающей радиации, проявляет себя во всех сферах деятельности человека – политической, хозяйственной, профессиональной, культурной, семейно-бытовой и т.п. Так, например, выбор профессии может трактоваться и как акт морального выбора.

Моральный выбор – фундаментальный акт автономии человека, его самоопределения в отношении: (а) той или иной системы (и подсистемы) норм и ценностей (определенной системы общих моральных ориентаций, прежде всего целей большого ранга, придающих смысл всей нравственной деятельности личности, определяющих ее стратегию, «замысел жизни», жизненный проект) и/или (б) варианта конкретного поступка (во всех его составляющих: в постановке нравственной цели, принятии решения об адекватных цели средствах и в практическом исполнении морального решения, воплощении его в реальном действии, а в конечном счете – в соответствующем намерению результате).

При этом линия поведения не есть простая сумма поступков, их произвольный набор. Она вытекает из них и

в то же время является фактором, воздействующим на выбор поступков. Но и сам поступок так или иначе верифицирует всю линию поведения, содействует ее принятию или отклонению. Более того, когда в экстремальных, пограничных ситуациях производится выбор особо важного поступка, решающего шага в биографии лица, оба уровня выбора настолько сближаются, что, в сущности, можно говорить об их наложении, совпадении. Поступок тогда оказывается узловой мерой развертывания линии поведения, способом проверки ее на прочность в ценностном плане, фактором закрепления или, напротив, смены направленности деятельности, ее характера.

В таком понимании преодолевается распространенное сведение свободного морального выбора либо к предпочтению того или иного варианта поступка, либо к свободе выбора той или иной нормативно-ценностной системы. Соответственно, свобода морального выбора предполагает как выбор исторически изменчивой системы морали в ее вертикальном и горизонтальном измерении (выбор касается и самого понимания природы добра и зла, а не только желания выбирать между добром и злом, следуя предписанию или уклоняясь от него), так и выбор единичного поступка, его смысла, адекватности используемых средств, соответствия намерений и результатов.

Говоря о выборе исторически изменчивой моральной системы, важно отметить, что современная мораль продуцирует напряженный выбор мировоззренческих ориентиров. Выбор между уже сформированными нормами рационального поведения, ориентированного на личные интересы, – и косными правилами обычая. Выбор между нормами сословно-общинного солидаризма – и нормами рациональной морали рыночного, «открытого» общества. Выбор между ценностной ориентацией на природный статус – и ориентацией на обретаемый достижительный статус, на успех в деятельности и социальное перемещение. Выбор между самостоятельным поис-

ком долженствования – и патерналистски определяемым долженствованием. Выбор между поведением «экономического человека» с готовностью к жесткой конкуренции, минимизацией социальной подстраховки – и поведением «социализированного человека» с его готовностью к мягким формам конкуренции, с ориентацией на позитивные санкции общества. Выбор между ориентацией на конвенциональные, контрактные нормы поведения – и ориентацией на нормы органических, исторически сложившихся, общностей. Выбор между групповой, корпоративной моральной ответственностью – и персональной моральной ответственностью за свое поведение, свои поступки не только «перед кем-то», но и «за что-то».

Свобода морального выбора предполагает, что такой выбор совершается по внутреннему убеждению, а не по указанию инстанций и отдельных лиц, включая и моральные авторитеты: он несовместим со стремлением избежать личной ответственности, с попытками переложить ответственность на официальные распоряжения, на чей-то авторитет. Свободный выбор не оправдывают принуждением обстоятельств или ссылками на обычай – он тогда перестает быть свободным.

Еще раз: ситуация выбора образуется в том случае, когда объективные обстоятельства предлагают несколько вариантов поведения и личность должна предпочесть один из них вопреки всем другим. Если нет возможности сравнить и выбрать один из вариантов, сознательно определить позицию и воплотить ее в действии, субъект лишен свободы выбора. (Речь идет о действительных альтернативах, – реально отличающихся друг от друга. Например, нынешним российским телезрителям, как отмечают социологи, нравится возможность не столько выбирать канал или программу – их различия невелики, – сколько *перебирать* их.)

Возможность поступить так или иначе, сравнить и предпочесть варианты поведения, способность сознательно определить свою позицию прямо обуславливают

свободу выбора. И все же бывают ситуации, применительно к которым можно говорить о свободе морального выбора и при наличии, казалось бы, единственного варианта поступка. В жизни человека неизбежны такие положения, когда опыт выбора на всех прошлых жизненных «перекрестках» диктует ему лишь одно решение по лютеровскому принципу «Не могу иначе», не допускающему перебора всех формально возможных вариантов поступка. Учет *нравственной* допустимости возможных альтернатив обуславливает решение не меньше, чем осознание объективно недопустимых возможностей выбора в определенных социальных обстоятельствах. Вспомним еще раз выбор Сократа. Ведь он был продиктован именно нравственной позицией, а не только обстоятельствами. Они-то как раз искушали Сократа бегством и таким образом спасением жизни, а запрещало побег, диктовало решение отдать предпочтение чувству чести – сознание нравственной невозможности поступить иначе.

СВОЕОБРАЗНЫМ испытанием способности субъекта к свободному выбору является ситуация нравственного конфликта. Его особенность заключается в том, что моральное сознание личности, которой предстоит решение, констатирует противоречие: осуществление каждой из выбранных возможностей поступка во имя какой-либо нравственной цели-нормы одновременно приведет к нарушению другой цели-нормы, тоже представляющей для человека определенную моральную ценность. От личности требуется совершить выбор между сталкивающимися моральными ценностями в пользу одной из них и в ущерб другой и только через разрешение данного противоречия реализовать свои нравственные цели. Сложность решения заключается в этом случае не столько в том, что человек не знает нравственных норм или не желает их выполнять, сколько в необходимости найти рациональные критерии разрешения их столкновения.

Обнаженность и острота проблем свободы выбора в ситуации конфликта ценностей и норм иногда порождают

представление о том, что любая ситуация выбора конфликтна уже потому, что требует предпочесть один вариант решения другому. Хотя всякая ситуация выбора требует акта преференции, вряд ли все такие ситуации надлежит считать конфликтными, то есть предполагающими взаимоисключающее столкновение нравственных ценностей с вынужденным принесением в жертву одной из них. При этом важно отличать реальные конфликтные ситуации от мнимых конфликтных ситуаций, возникающих из-за неспособности личности понять механизм функционирования нравственных норм, хотя бы на интуитивном уровне, из-за неумения творчески соотнести норму с особенностями ситуации.

К нравственным конфликтам обычно относят два типа столкновения ценностей и норм: в рамках одной системы моральных ценностей и между различными моральными системами (размещенными по исторической долготе или пространственной широте). Особый случай – конфликт между системами и их собственными подсистемами, например, противоречие между моральными универсалиями, так называемыми абсолютами, и локальной императивностью, между универсалиями и нормами профессиональной этики. Типичными оказываются столкновения между личностным и надличностным долгом перед какой-то микрообщностью и макрообщностью, организацией, полуинституализированной системой.

Свобода морального выбора в нравственно-конфликтных ситуациях в определенной степени регулируется иерархией ценностей, системой предпочтений и одновременным осознанием сложного соотношения абсолютного и относительного в применении нравственной нормы. И с неперменным учетом исторических обстоятельств, главное из которых – устойчивость подобной ценностной вертикали в застойных и малоподвижных социумах; неустойчивость, подвижность, динамизированность подобной вертикали в индустриальном социуме, и, наконец, с учетом состояния, близкого к развалу данной вертикали

в обществе постиндустриальном – постсовременный мир не склонен к строгой иерархии ценностей, полон неопределенностей; связи между целями, средствами, результатами и отдаленными последствиями поступков многозначны и отнюдь небесспорны; утрачивает свою былую действенность институт моральных авторитетов и т.д.

В целом вопрос о возможности сравнения и иерархизации моральных систем – с одной стороны, субординации внутрисистемных нравственных ценностей и норм и, соответственно, выявлению среди них более значимых как критерия выбора в нравственном конфликте – с другой, остается открытым. Например, абсолютна ли логика выбора, согласно которой общественный долг рассматривается как более высокий по сравнению с частным? При любом ответе можно ли забыть о нравственной цене такого решения, о тезисе, согласно которому «чистая совесть – изобретение дьявола»?

Большинство нравственных конфликтов не имеют однозначного решения, предполагая всякий раз акт творчества, с которым связана личная ответственность за ближайший результат и за отдаленные последствия, когда меняется объем и природа такой ответственности.

СУЩЕСТВЕННАЯ сторона свободы выбора поступка описывается метафорой о двух Рубиконах: ценностном, определяющем достоинство цели, и инструментальном, операциональном, определяющем эффективность средств для достижения цели. Дело в том, что объективное свойство ситуации свободного выбора – возможность и необходимость для каждого человека иметь хотя бы расхожие житейские представления о том, «что такое хорошо...», – нередко оборачивается моральной самоуверенностью, своего рода романтической убежденностью в том, что для свободного выбора самодостаточны «благие намерения» и «добрые чувства». С такой точки зрения кажется естественным сведение всего содержания культуры свободного выбора к способности чтения предписаний на «придорожных указателях», легко разводящих по-

рядочных и бессовестных людей в разные стороны. В действительности же речь должна идти о моральных заслугах (или вине) человека с точки зрения соответствия в его поступках нравственно оправданной цели – и выбираемых для ее достижения средств, достоинства намерений – и адекватности их воплощения в конкретных деяниях, успешности этих деяний.

В решении проблемы соотношения цели и средств нередко практикуются два радикальных подхода. В первом из них, условно называемом «иезуитским», выдвигается идея полного безразличия достойной цели к нравственности/безнравственности средств ее достижения: цель, заведомо предполагаемая вполне нравственной, освящает любые средства, способные с максимальной эффективностью привести к желаемой цели. Последствия подобной беспринципности чаще всего приводят к откровенному аморализму. Более того, они могут быть поистине чудовищными, как это засвидетельствовал трагический опыт XX века.

Альтернативный подход к данной проблеме основан на том, что нравственный характер цели ни при каких условиях не может оправдать применение безнравственных средств: средства должны быть одновременно и целесообразными, и нравственными, ибо они способны управлять целями и изменить их природу. Положительные аспекты данной точки зрения заключаются в утверждении ценностей «этики ненасилия», тогда как негативные ее аспекты связаны с догматической оценкой самих средств, которым приписывается вечный и безупречный статус «святости» или же «подлости» везде и всегда, что, в свою очередь, чревато поведением, вдохновляемым нейтралистской «этикой недеяния» даже перед лицом агрессивного зла – в его персональной или же анонимной форме.

Стремление преодолеть такого рода антиномию «беспринципной силы» и «бессильного принципа» ориентируется на ряд критериев. Во-первых, ценность средств

ва в значительной степени обусловлена нравственным характером цели, для достижения которой это средство применяется, но цель именно *определяет* средства, а вовсе не *оправдывает* их. Во-вторых, выбор не соответствующих духу цели средств ведет к нежелательному результату – искажает природу цели, делает ее безнравственной. В-третьих, целесообразность выбора «любого» средства оказывается в действительности лишь видимостью: игнорируя объективные свойства, момент абсолютности в ценности средства, действие на основе подобного выбора лишь препятствует достижению цели. В-четвертых, нравственная цель и средства ее достижения не только взаимоопределимы, но и соотносительны, а это означает, что любая цель в иной ситуации может выступать в роли средства и, наоборот, то, что было лишь средством, в новой ситуации морального выбора способно оказаться целью. Дело в том, что смысл цели смещается в системе отдаленных целей, их дальних горизонтов, где действуют принципы соподчиненности и иерархии целей. Если ближайшая цель может быть достигнута лишь ценой, уничтожающей нравственный характер более значимой цели, то такое средство достижения должно быть отвергнуто как лишенное целесообразности.

В-пятых: в ситуации, не дающей возможности применить безукоризненное с нравственной точки зрения средство, возникает необходимость поиска *наименьшего зла*. Здесь необходимо видеть три смысловых грани проблемы. (А) Речь может идти о принципе выбора, который в положительном ключе формулируется как требование максимизации добра, отрицательное выражение которого и звучит как принцип минимизации зла. (Б) Через понятие меньшего зла возможна трактовка результатов согласования объективных и субъективных элементов ситуации морального выбора, скажем, проблема компромисса желаний и условий, и принцип меньшего зла играет роль своеобразного балансира, требуемого неблагоприятным стечением обстоятельств выбора. (В) Нравственно-конф-

ликтная ситуация требует согласиться с осознанной жертвой одними моральными ценностями во имя сохранения ценностей более высокого порядка. При таком подходе делается равное акцентирование на разнозначные моменты этого критерия выбора: *меньшее* зло, однако, все же *зло*.

Нравственно-конфликтные ситуации выбора актуализируют вопрос о моральных компромиссах, об их неизбежности и допустимости, о готовности личности к риску их реализации. Вовлеченной в такую морально рискованную ситуацию личности предстоит, с одной стороны, преодолеть искушение действовать по логике «либо-либо», но, с другой, не нарушить границ, за которыми велик риск подрыва нравственного характера цели в процессе ее достижения. Стало быть, речь идет о соблюдении *меры* компромисса, об объеме и характере «вынужденных средств», применяемых в качестве меньшего зла в различных сферах жизнедеятельности. Это предполагает наличие у действующего лица как укорененных гуманистических ориентаций, так и способности к творческим, нестандартным решениям.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за выбор – ценность, прямо связанная со свободой выбора. Сориентировать себя на традиционную, стандартную, биографию или предпочесть решение строить биографию рефлексивную, нестандартную? Выбор зависит от человека и он несет ответственность за то или иное решение. Или другая ситуация выбора: отнестись к выбору профессии с позиции «экономического» человека, который интерпретирует ситуацию профессионального самоопределения как элементарное трудоустройство, предполагающее готовность на любую работу лишь бы добыть кусок хлеба? С позиции «человека социального», который выбирает профессию? «Человека духовного», который ищет смысл жизни? Такие этапы, слои видят за проблемой выбора социологи. И говорят не только о человеке «в трех лицах», но и о

том, что каждый шаг его тройной. И ответственность тройная.

Как и свобода, ответственность – фундаментальная ценность. Ответственность за выбор симметрична свободе выбора. Чем свободнее становится выбор, тем более возрастает ответственность за него. Чем свободнее ситуация выбора – при возрастающем многообразии форм уклонизма, дезангажмента, – тем более адекватных ответов требует она. При этом речь идет не о простой адаптивной реакции на вызов ситуации, не только и не столько о буквальном «ответе на...», тем более – не о вынужденной обстоятельствами или другими субъектами реакции, но о поведении неадаптивном, добровольном возложении на себя ответственности, заслуги или вины, как за само свободно принятое решение, так и за его результаты.

Добровольное принятие ответственности исходит из недопустимости «переложить» ее на кого-то, из восприятия такой ответственности как самовозложения долга. Поэтому принятие ответственности перекрывает путь соблазнительному поиску самооправданий, когда, например, подавляется желание начать изменение мира с самого себя. Принятие ответственности требует отказа от стремления получить крохи свободы из «чужих рук», повелевает возвращать свободу в самом себе и сейчас, в своей деятельности и, одновременно, в творении самого себя как неперемennого условия и признака свободы.

Если ответственность симметрична свободе, значит, она предполагает интеграцию двух максим – «этики убеждения» и «этики ответственности». Человек отвечает как за выбор ценностных ориентиров, истинность содержания своих нравственных убеждений, их чистоту, так и за результаты и последствия поступков.

Стремление понять феномен ответственности требует не останавливаться на рассуждениях об «ответственности как таковой» и определиться в вопросе о том, о каком виде ответственности идет речь, имея в виду рас-

пространенную классификацию: о социальной, правовой, профессиональной, этической? Или, в другой типологии, об уровнях ответственности: ответственность за те или иные действия, ролевая ответственность, ответственность универсально-моральная, правовая ответственность.

Конкретизация проблемы ответственности может идти по логике симметрии с конкретизацией граней ситуации выбора (субъект, масштаб, значимость и т.п.). В то же время исследователи феномена ответственности полагают необходимым определенным алгоритм рассуждения об ответственности, согласно которому следует выделять несколько граней отношения ответственности: субъект ответственности (кто?), предмет ответственности (за что?), адресат ответственности (перед кем?), санкционирующая инстанция и в соответствии с каким критерием⁷.

Итак, совмещая разные основания конкретизации, важно, во-первых, определить о каком субъекте идет речь – об ответственности индивидуальной, коллективной, групповой, корпоративной? Уместно напомнить, что в традиционных социумах доминирует коллективная ответственность, а при индустриальной цивилизации в сочетании индивидуализма и солидаризма доминирует индивидуализм. Неслучайно, например, профессиональное сообщество журналистов стремится конкретизировать понятие ответственности в СМИ, выделяя ответственность перед обществом, государством, издателем, владельцем, профессией, коллегами, аудиторией. О каком субъекте ответственности должна идти речь в этом случае: журналист-индивид? редакция СМИ? профессиональное сообщество журналистов? Казалось бы, поставь

⁷ См.: Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996; Социальная ответственность журналиста: опыт современного прочтения темы / Под ред. Ю.В. Казакова. М.: Издательский дом «Стратегия», 2003; Йенс Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрекс-пресс, 2004.

магическое «и/или» – и все просто? Но как быть с идеей ответственности самого журналиста за профессию, за «цех» в целом? Прежде всего на уровне самообязательства. И не просто о коллективной ответственности, как об этом говорят исследователи этики инженера применительно к крупному техническому проекту, например, в трагической ситуации с Чернобыльской АЭС, а об ответственности за миссию профессии.

Во-вторых, важно соотнести предмет ответственности («за что?») и инстанцию («перед кем?»). Рассуждая на метафизическом языке, в самом сжатом виде это соотношение можно описать, например, следующим образом: все мы ответственны перед собой, перед собственной совестью («перед кем?») за конкретный смысл своей жизни, за реализацию личного жизненного призвания («за что?»). Более прагматичный пример ответственности «перед кем?» – т.н. вертикальная ответственность, чаще всего перед вышестоящими инстанциями. Примером ответственности «за что?» можно считать Дело, которому служит человек. В этом случае человек идентифицирует себя со своим Делом, т.е. обладает духом призвания, прежде всего профессионального, и уже потому несет ответственность за судьбу Дела.

Важным условием понимания ответственности за свободу выбора является прояснение экзистенциальной основы человеческой деятельности. При этом в специальной литературе, в публицистике и в обыденном сознании нередко обнаруживается альтернативная постановка вопроса о природе ответственности, соответствующая в общих чертах либо фаталистическим, либо волюнтаристским представлениям.

В первом случае понимание ответственности основывается на подчинении поведения личности обстоятельствам, сводя возможности агента морального выбора к роли безропотного «винтика» социального механизма. По сути дела, обыденное «моя хата с краю», более рафинированное – «от меня мало что зависит», ссылка

«так делают все» и т.п. приводят к полному или частичному отрицанию, по меньшей мере – к девальвации моральной ответственности человека за содеянное им, освобождению его от велений совести, от сознания вины или заслуги за тот или иной поступок, причем, как правило, с прямолинейным или же рафинированным оправданием, ведущим к социальной пассивности или же к активистскому аморализму (формы того и другого многообразны, как и разнолики промежуточные позиции). Например, при тоталитарных и авторитарных системах правления и в процессе бюрократизации современных обществ вопрос о статусе членов организаций и всевозможных объединений как «винтиков» приобрел невиданную остроту и оказался тесно связан с обширной проблематикой дисперсии ответственности, с фактическим ее исчезновением в обезличенном соглашательстве и исполнительстве, которые стали негласной добродетелью в подобных системах как в их западной модели, так и в модели российской.

Определить свою действительную роль в ситуации, понять смысл предлагаемых ею вариантов выбора, осознать свою ответственность за поступок совсем не просто. Искушение укрыться за такие аргументы, как «сила обстоятельств», «приказ», «все так делают», трудность прогнозирования результатов деятельности в сложной и зачастую невидимой цепочке связей поступков одного человека, разных людей, целых групп нередко оказываются весьма велики. Но тем значительнее прозрение, тем важнее отказ от ложной позиции «винтика».

В противоположность фатализму, нередко оборачивающемуся безответственностью «винтика» и соглашателя, иногда выдвигается кредо «человек отвечает за все». В ситуации выбора этот подход отдаст человека во власть самому себе и безотносительно к обстоятельствам возлагает ответственность на его плечи: ничто не приходит извне, нет чужого зла, за все он отвечает и непременно виновен в метафизическом (мировом) и нравст-

венном зле. Стимулированное протестом против любых попыток освободиться от ответственности это кредо как альтернатива фатализму в своем истолковании и применении к конкретной ситуации морального выбора может быть весьма различным, в том числе и волюнтаристским.

Дело в том, что это кредо способно в значительной мере гипертрофировать личную ответственность. Желают того или нет сторонники такой позиции, но ее объективным результатом может оказаться и выгораживание как действительных социальных источников, так и конкретных виновников зла. Уравнительный, нивелирующий подход к реальной роли личности в ситуации выбора приводит к тому, что человек, который «отвечает за все», на практике нередко ни за что конкретно не отвечает. При всей беспощадной ригористичности по отношению к разным формам безответственного поведения (малодушию, трусости, предательству и т.п.) в рамках такого подхода трудно создать реалистическую концепцию ответственности.

Более конструктивным представляется подход с точки зрения поиска *меры* ответственности. При таком подходе личность ответственна за свои поступки в меру свободы выбора, т.е. отвечает за то, что она реально (с учетом наличных обстоятельств) могла и субъективно (в соответствии с предпочитаемыми ею ценностями) должна была выбрать и реализовать в поступке⁸. В этом смысле возможность выбора и способность выбирать определяют меру, а стало быть, и границы ответственности. Осознав объективную возможность поступать так или иначе, личность должна действовать определенным образом – именно ее выбор является условием разрешения ситуации.

Подход с позиции меры ответственности позволяет преодолеть абстрактную противоположность между очер-

⁸ См.: Соловьев Э.Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе К. Маркса // Вопросы философии. 1968. № 5.

ченными выше крайними позициями, которые обрекают личность на нарушение меры ответственности в ту или иную сторону, оставляя нерешенной проблему контекста, в поле которого должно быть найдено оптимальное решение. Причем отнюдь не обязательно в виде «золотой середины» – в ряде случаев выбор должен сместиться в направлении к крайностям, которые тогда оказываются предпочтительнее в моральном смысле, чем «ослабленные крайности» безликой середины нравственного оппортунизма.

Свобода выбора и ответственность за свободный выбор – удел человека гражданского общества. Очевидно, что очень часто этот удел ощущается как тяжелое бремя. Но в свободном выборе – и гордость принятого на себя решения, и мужество ответственности, и счастье исполненного долга.

Глава 2

АЛЬТЕРНАТИВА «ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ» – «ТЕРРОР СОЦИАЛЬНОСТИ» И «ВЗАИМОПИТАНИЕ» ИНДИВИДУАЛИЗМА И СОЛИДАРИЗМА

Человек гражданского общества ориентирован на ценность индивидуализма, предполагающую приоритет свободы личности, ее прав, интересов над групповыми, коллективными, организационными, утверждающего в качестве мировоззренческого ориентира свободу и благо личности как высшей цели.

Аргументации тезиса о ключевой роли индивидуализма в ценностной системе гражданского общества и собственно характеристике индивидуализма в мировоззренческом и поведенческом аспектах – в отличие от такой ценности, как свобода выбора, – посвящено большое число публикаций, что позволяет адресовать к ним заинтересованного человека⁹.

Учитывая такую возможность, мы считаем целесообразным сконцентрировать внимание на вопросе: можно ли считать индивидуализм ценностью, характерной для человека с российской ментальностью? Дело в том, что, рассматривая индивидуализм как ценность гражданского общества, следует иметь в виду такую особенность отечественной ментальности, как нагруженность термина «индивидуализм» негативными значениями, тем самым бросающими тень на ценности становящегося гражданс-

⁹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002; Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый // Полис. 1999. № 3; Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1999. № 1, 2; Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи // Полис. 1997. № 2; Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Модернистский проект для России // Ведомости. Вып.21. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002; Энциклопедический словарь по этике. М.: Гардарики, 2001; 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989; Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998 и др.

кого общества в целом. Утвердится ли индивидуализм в качестве базовой ценности в стране, где этим понятием часто обозначают не просто отклоняющееся поведение, а откровенно аморальные деяния с четко выраженным игнорированием интересов любых общностей – от дружеской компании до народа в целом? Возможна ли конвергенция индивидуализма и антииндивидуализма, хотя бы в некоторых из обличей, в которых последний выступает (солидаризма, коллективизма, традиционализма, патернализма, соборности, коммунализма и т.п.), или хотя бы сближение этих корневых ориентаций?

Еще раз: с образом индивидуалиста в российской речевой практике, в художественной литературе, в антилиберальных идеологиях, в ряде секторов общественного мнения связаны отступничество от нравственных начал, равнодушие к другим, обреченность на «войну всех против всех», жизнь по «законам джунглей», на пожизненное заключение в «одиночной камере» самоизоляции. Крайними в таком случае служат образы человека, либо не прошедшего «санобработки» в социуме в ходе первичной или вторичной социализации, либо – сломленного нарастающим «террором социальности», а потому готового безропотно исполнять любые навязываемые ему социумом роли (быть попеременно палачом или жертвой, «серой скотинкой» в бессмысленных войнах, участником «крысиных бегов» в огромных организациях и т.п.), стать «ролевиком» с духом конформистского самодовольства, принимающим средства гашения собственного недовольства.

Поэтому необходимо сразу подчеркнуть, что, характеризуя в качестве одной из ключевых ценностей гражданского общества индивидуалистическую ориентацию, мы отнюдь не отождествляем индивидуалиста с человеком, не ведающим голоса долга и совести, чувства виновности, греховности, раскаяния, подвига преодоления греховности, духовного вознесения, нравственного самосовершенствования.

Если обратиться к тенденциям развитых обществ, можно увидеть, что современный человек, сохраняя ориентацию на рационализм и индивидуализм, вместе с тем в духовном смысле претерпел значительные изменения и оказался весьма далеким от негативного образа, смоделированного нами выше.

За спиной такого человека стоит многотрудный опыт понимания нового соотношения материальных и постматериальных потребностей и соответствующей мотивации поведения. Это опыт предпочтения современным человеком *качества* жизни количеству потребляемых благ, существования в значительно менее *поляризованных* социальных структурах с размытыми и заниженными классовыми перегородками, формирования развитой способности к *солидарности*¹⁰. Современный человек является агентом уже не просто экономики развития индустриального общества – с ее стихийностью и погоней за эффективностью (пришедшей, в свою очередь, на смену застойной «экономике пропитания» традиционного социума), но и экофильной экономики, согласованных интересов социализированных корпораций. В обновленном социуме ослабили приоритеты максимизации прибыли, сделан решающий шаг от экономики производства материальных благ к экономике услуг и производства информации, в которой исчезающе малыми становятся различия между производительным и непроизводительным трудом, трудом – и «продуктивным» потреблением, собственничеством – и наемничеством; наконец, в этом со-

¹⁰ См.: Померанц Г.С. Опыт философии солидарности // Вопросы философии. 1991. № 3; Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990; Ядов В.А. Ищем «других», чтобы найти себя // Пресса в обществе (1959-2000). М.: Моск. школа полит. исследований, Институт социологии РАН, 2000; Согомонов А.Ю. Дух общины (или о значении морального фактора в трансформации нашей цивилизации) // Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002 и др.

циуме удалось создать более гибкую механику сочетания общественных и личных интересов.

Современный человек живет в условиях, когда в достаточной мере выявились пределы маркетизации общества, в ситуации информационной революции, открывшей общественному сознанию простую истину о том, что экономическая эффективность сама по себе еще не может восприниматься в позитивно-нравственном смысле. Более того, сама нравственность рыночного поведения оказывается обязательной предпосылкой этой, столь взыскуемой, эффективности (варваризированный рынок малоэффективен, он расточает общественное состояние и обременен катастрофическими последствиями для социума в целом).

В такой ситуации мотив максимизации прибыли «экономического человека» ведет к свободе личности, ее самореализации, к осуществлению жизненного призвания и т.п. *только в том случае, когда индивидуализм этого человека соединяется с солидаризмом и отношения между этими ориентациями перестают быть конфронтационными, несовместимыми в моральном плане.*

Примером совместимости индивидуалистических ориентаций и солидаризма может служить уже факт огромной массы общественно-полезного труда, который в самых «индивидуалистических» странах осуществляется на безоплатной основе¹¹. Видимо, прав Ф. Фукуяма, утверждающий, что в постиндустриальную эпоху успех страны зависит уже не столько от развитости в ней индивидуализма и предприимчивости, сколько от оптимального соотношения индивидуалистических и коммунитаристских (солидаристских, коллективистских и т.п.) тенденций. К тому же современный индивидуализм перестал быть элитарным. Он носит массовый характер, социально ори-

¹¹ См.: Согомонов А.Ю. Дух общины (или о значении морального фактора в трансформации нашей цивилизации) // Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002.

ентирован и тем расширяет масштабы человеческой свободы.

При этом важно учесть, что коммунитаристская тенденция несет в себе и определенный риск «зашкаливания» маятника в противоположную сторону: в качестве альтернативы «радикальному индивидуализму» выдвигается идея постоянного корректирования индивидом себя в соответствии с ценностью солидарности вплоть до диктата последних над принципом индивидуальной свободы. В этом плане действительно важнейшим вопросом нашего времени является вопрос о том, как сбалансировать ценности индивидуализма и солидаризма.

Если обратиться к отечественным тенденциям, можно утверждать, что Россия вряд ли избежит этих общемировых тенденций. Несмотря на всю неопределенность духовно-нравственной ситуации в стране, на неизученные еще последствия советского ретрадиционализма, в современной России проявилась тенденция к постепенному отступлению традиционного и казарменного коллективизма, которые блокировали и отчасти продолжают блокировать утверждение ориентаций на достижение, на общедемократические принципы политической и экономической жизни, на «новое поколение» прав человека, на несогласие с идеократическими началами жизни общества, создававшими устойчивый каркас для привычных матриц ценностных суждений, для всего морального «кода» общения.

Социологические исследования показывают неправомерность утверждений о том, будто индивидуализм и русский национальный характер генетически несовместимы, подобно гениальности и злодейству. Эти же исследования свидетельствуют, что отступление традиционализма и неотрадиционализма обуславливалось и сопровождалось усилением развившихся задолго до перестроечных времен скрытых форм индивидуализма (таких, как потребительский индивидуализм и бюрократический рационализм, безопасности ради тщательно упакованные в

коллективистскую фразеологию и обрядность). Эти формы развились на базе десинкретизации ценностного мира как обязательного условия повышения эффективности деятельности специализированных подсистем социума, вынужденного – пусть и неохотно – идти по пути модернизации (даже если из нее изъята ее сокровенная суть – ценности гражданского общества).

Социологические исследования обнаруживают процесс слияния все более многочисленных «островков» продвинутых групп населения с развитой коммуникативной рациональностью и индивидуалистическими ориентациями во внушительный «архипелаг», пусть пока и не слившийся в целый «континент». Т.И. Кутковец и И.М. Клямкин пришли к выводу о том, что «постсоветский человек скорее индивидуалист, чем коллективист». Они полагают, что индивидуализм постсоветского человека утвердился в результате начавшегося в предшествующую эпоху «отщепления человека от государства». При этом ощущение преимуществ такого рода свободы в сознании постсоветского человека явно перевешивает неудовлетворенность ограниченностью реальных возможностей для самоутверждения и самореализации в новых условиях¹².

В последующем исследовании тех же авторов было установлено, что вектор развития общества явно направлен в сторону, противоположную традиционализму, и что дальнейшая модернизация блокируется не консервативным менталитетом населения, а правящей элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми¹³. После столетий доминирования досоветского, общинного и советского государственного коллективизма наметился сдвиг в сторону индивидуализма. При этом выбор в поль-

¹² См.: Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи // Полис. 1997. № 2.

¹³ См.: Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Модернистский проект для России // Ведомости. Вып.21. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002.

зу коллективизма чаще всего ассоциируется не с уравнительной справедливостью и ущемлением частных интересов во имя государства, а с некой мерой, позволяющей сочетать частные интересы с групповыми, соединяя с критикой анархистского, асоциального индивидуализма, отдавая предпочтения модернистской культуре.

И в этом смысле россияне вовсе не какие-то там «инопланетяне», как иной раз кажется, хотя, безусловно, существуют такие аспекты жизни и такие ситуации, когда приходится ставить интересы государственности на передний план. В целом же, вольно перефразируя слова В.И. Ленина, можно сказать, что Россия все еще страдает скорее не от индивидуализма, а от недостаточного его развития. Это связано со слабой укорененностью частной собственности, недостаточной верой в правду этой собственности, ее священности, как некогда писал С. Франк, для чего она должна в глазах народа перестать быть плодом воровства, грабежа, иметь статус нравственно оправданной, служить гарантом свободы¹⁴.

Рассуждая о специфике индивидуализма в России, важно отметить, что история знакома с различными видами многогранного феномена по имени «индивидуализм»: вавилонским, римским, византийским, рыцарским, протестантским и посттридентским католическим индивидуализмом, лишь в XVII-XVIII веках появляется «нововременной» индивидуализм, да и сам термин «индивидуализм». Причем каждый раз изменяется основание, по которому производится выделение типов индивидуализма.

И вместо того, чтобы ритуально произносить заклинания против «зловредного» индивидуализма, якобы «несовместимого с русской ментальностью», непременно его отвергающей, уместно допустить существование особого – русского-типа индивидуализма и попытаться проанализировать его видовые отличия, не присущие, скажем, индивидуализму англосаксонскому или японскому.

¹⁴ См.: Русская философия собственности. СПб, 1993; С.311.

Говорить о серьезной исторической традиции за спиной русского вида индивидуализма трудно (хотя духом индивидуализма были пропитаны искусство Серебряного века России и сопутствующий ему стиль жизни, образ жизни городской интеллигенции и вообще горожан, предпринимательских кругов страны), но петровская, ленинско-сталинская и более близкая к нам модернизация второй половины XX века незаметно продолжали делать свое дело, размывая устои соборности, расшатывая структуры общинно-роевого сознания, оттесняя все формы казарменного коллективизма и государственно-ведомственного патернализма.

Означает ли это некую обреченность индивидуализма на безраздельное господство на просторах русского не только «urbī», но и «orgī», которое не терпит ни конкуренции, ни кондоминиума? А может быть специфика русского индивидуализма как раз и заключается в его предрасположенности к отказу от безраздельной монополии в духовной жизни страны и готовности выработать особые формы сосуществования индивидуализма с солидаризмом? С новыми солидарностями на базе социальной идентификации при наличии множества форм солидаристического процесса, множества субъектов коллективистского социального действия как элементов гражданского общества? Такое допущение представляется нам вполне правдоподобным и продуктивным.

Во-первых, как мы уже говорили, нет оснований рассматривать индивидуализм именно в качестве продукта распада социальных связей, как нечто исключаящее стратегию сотрудничества, кооперативности, социального партнерства. При этом ясно, что в современной России имеет место, с одной стороны, *асоциальный* индивидуализм, а с другой – индивидуализм *нелиберальный*¹⁵.

¹⁵ См.: Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый // Полис. 1999. № 3; Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1999. № 1, 2.

Во-вторых, в современных обществах существуют как интегративные, так и дезинтегративные социальные институты, организации, установления, обычаи, которым соответствуют культурные образования, комплексы. Коммунитаристский комплекс организует и навязывает социальный порядок с помощью интегрирующего централизма, разделения труда с последующей связкой его результатов (механизмы обмена, распределения и перераспределения) и с помощью известной – но всякий раз различной – степени подчинения личных начал, интересов, запросов началам групповым и общественным.

Вопреки расхожим представлениям, индивидуализм также участвует в возведении и скреплении социального порядка, но делает это путем заключения общественных контрактов и «скромной этики контракта» (С.С. Аверинцев), обеспечения ответственных форм свободы действий, открывая дорогу к форсированному экономическому росту, защищая интересы суверенного, автономного субъекта исторического развития. В неиндивидуалистических, дотоварных цивилизациях крен производился в пользу коммуитаризма, а в индивидуалистических, либеральных цивилизациях либо создавался крен в сторону необузданных частных интересов, а потому – в ущерб интересам общественным, либо же достигался баланс интегративных и дезинтегративных культурных субстратов или комплексов.

На уровне индивида оба эти комплекса со своими идеалами и символами, ценностями и нормами, дозволениями и запрещениями, со своим «языком» вступают во взаимодействие, в «духовное взаимопитание», по образному выражению И. Ильина. Такое взаимопитание образуется с помощью сложной, многозвенной и многоступенчатой системы всевозможных переходных форм, образования множества гибридных соединений, путем постоянно возобновляемого внутриличного балансирования, с помощью тонкой настройки рационализированных форм права и морали.

Если данные культуры оказываются способными погасить собственный экспансионизм, стремление к единовластию, если они исключают центробежную тягу к крайностям, к движению через схватки противоположностей, то у подвластного такой культуре индивида скоро истончаются демаркационные линии между названными двумя комплексами. У него возникает стремление как к социальному порядку интеграции, так и к обособлению и хаосу, к дезинтеграции (в мире, некогда уверял Поль Вальери, есть два вида зла: избыток порядка и избыток беспорядка), но дезинтеграции, обремененной рождением нового космоса, более высокого порядка – в отличие от хаоса разрушительного и бесплодного.

При этом в зрелом гражданском обществе и при правовом государстве приоритет получают индивидуальные права, интересы и свободы. Права коллективные (интересы и права общностей разного ранга – коллективы, нации, профессиональные ассоциации и т.п.) не рассматриваются в качестве прирожденных, а признаются или отклоняются в зависимости от результатов их тестирования на приверженность интересам и правам человека («человеческое измерение»), что позволяет отличать естественный коллективизм – от коллективизма казарменного, стадного (которому присуще подавление личностных начал и объединение не на основе общего интереса, а только на недобровольном факте включенности в коллектив), демократический коллективизм (солидаризм) с развитыми личностными началами и персональной ответственностью – от коллективизма авторитарного и деспотичного, объединяющего принудительно тех людей, которые по историческому счету либо созрели к индивидуализации и отказу от социального опекуновства, либо приблизились к такой стадии.

Русский индивидуализм, безусловно, обладает всеми родовыми признаками индивидуализма с присущим ему дифференцированным отношением к коллективизму. Но он и завершает долгую, по-своему обоснованную, тра-

дицию крена российского общества в сторону культуры солидаризма, преодоление которой сейчас нередко совершается по принципу перегиба палки в другую сторону – «ради ее выпрямления», что служит, по всей вероятности, одной из причин современного морального кризиса. Такая традиция не должна быть просто отброшена или погашена; задача заключается в том, чтобы максимально использовать ее в процессе поиска форм культурной самоидентификации, синтезирования традиционализма, почвенничества (реформированного, просвещенного), солидаризма – с индивидуализмом. Разумеется, такое оказывается возможным при условии, если оба начала отрефлексированы должным образом и демонстрируют свою готовность к объединению. И тогда в сознании, условно говоря, «постэкономического человека» наконец-то будет снято бремя духовно-нравственной неопределенности; ослаблены и преодолены последствия множества расколов, сопровождавших всю русскую историю; смогут реализоваться – пусть только первичные – итоги диалогов между «древними» и «новыми».

Все это проложит путь для духовного роста «внутри», а не «вширь», даст свободу «внутреннему человеку», который будет совсем иначе «одухотворять» экономику постиндустриализма, в том числе, например, и через предпринимательскую деятельность, которая «одухотворяла» экономику прошлых веков. И тогда два меньшинства – «древние» и «новые» – смогут образовать большинство «новейших». Без «перекрестного опыления» ценностей, без перехода от конфронтации между ними к союзничеству оба культурных комплекса, оба блока ценностей и норм на рубеже третьего тысячелетия обречены на скорое истощение в аксиологическом смысле. Им предстоит осознать, прочувствовать, что интервал между индивидуализмом и солидаризмом не столь разителен, каким кажется и идеологически презюмируется, что уже давно оба они взаимопроникают, что на самом деле они удивительно пластичны, и их принципы, береж-

но отодвинутые от бездны крайностей, текучи, и только упрямый и недалёковидный догматизм блюстителей «чистоты» принципов и идеологической зашоренности возводит между ними глухую стену без множества открытых взаимопереходов.

Не стоит гадать относительно конкретных свойств, которыми будет обладать русский индивидуализм в процессе его дальнейшего развития, обновления форм, «взаимопитания» с солидаризмом. Очевидно, что, например, правила честной игры на рынке не могут смениться на нечто прямо им противоположное, как не может быть аннулирована сама ориентация на достижения, успех, взвешенный риск, персональную экономическую ответственность, интенсивные личностные стратегии поведения, прагматику (вместо приверженности к различным формам романтизма, несмотря на все обаяние последнего).

Однако в отличие от западного индивидуализма в составе его российского собрата

(1) скорее всего окажется большее число «пережитков прошлого» и «советских нажитков». Речь идет о тех элементах традиционализма и неотрадиционализма, которые уберегли притягательную силу нравственной незапятнанности: ценности артельности, групповой взаимопомощи, осуждение стяжательства, особые мотивы к благотворительной деятельности и т.п.;

(2) возможно, элементы общинного, солидаристского понимания социальной справедливости также окажутся убереженными и включенными в русский индивидуализм, который уже больше не станет тешиться иллюзорной идеей построения раз и навсегда «справедливого общества»;

(3) ценности артельности и коллективизма позволят иначе отнестись и к конкурентным началам в экономической деятельности, особенно к их жестким формам, и вместе с тем смогут лечь в основу партнерства и нового корпоративизма (который сейчас и на Западе входит в силу),

столь характерного для эпохи постиндустриализма. Такой корпоративизм не ослабит, а, напротив, усилит ценности нравственной свободы с присущими ей самостоятельным поиском долженствования и автономией выбора между разносистемными ценностями;

(4) признание огромной роли правового регулирования отношений «экономического человека», скорее всего, выступит в неслучайной связке с потенциалом нравственного регулирования этих же отношений в большей степени, чем это имеет место в западном индивидуализме (союз юридизма с этикоцентризмом, когда права агента рыночной экономики рассматриваются как вторичные отражения его моральных обязанностей);

(5) особая роль российской государственности в регулировании хозяйственных процессов проявится в русском индивидуализме большим (чем в западном) признанием значения вертикальных связей в бизнесе, не отрицающих значения связей горизонтальных по линии партнерства, но дополняющих их. Не окажется ли в подобной ситуации более легким запрос на этосное одобрение связей между чиновниками и бизнесменами, которые скромно именуется в одном из международных опросов «регулярными дополнительными платежами, обеспечивающими продвижение дел»?

(6) важно, чтобы предназначенные к синтезу естественная, традиционно-доиндивидуалистическая мораль – и мораль рационально-индивидуалистическая не воспринимались бы как «низшая» и «высшая», аутентичная и неаутентичная, настоящая и мнимая. Кроме того, необходимо избежать прямо противоположной опасности, когда за уникальные национальные свойства русского индивидуализма выдаются едва лишь причесанные в духе «этновизажизма» свойства по своей сути универсальные, подобные одинаковым правилам шахматной игры;

(7) вероятно, по-особому отзовется в русском индивидуализме проблема совместимости православия с «экономическим человеком». То или иное решение этой про-

блемы кардинальным образом влияет на концепцию призвания, столь существенную во всякой конфессиональной среде. Поэтическая фраза, согласно которой «в Россию можно только верить» и в том ее особенная статья, на самом деле хорошо согласуется не только с православием, но и с рациональным богословием, отмежевавшимся от мистицизма, обрядоверия, суеверного отношения к боже-ству и им осененной власти, от архаики, где почти нет столь благодатного для нравственного самосовершенствования разрыва между должным и сущим. Такое бого-словие активно вырабатывалось русскими философами и моралистами начала XX столетия – достаточно вспомнить в данной связи работу С. Булгакова «Философия хозяйства».

Концепция призвания не позволяет ограничиться процедурой подгонки общественной нравственности к запросам бизнеса, превращая ее в инструмент по достижению «приемлемой степени комфортности общения между агентами рыночной экономики». Нормативная часть этоса бизнеса не способна уместиться в скудном наборе универсальных правил маркетинга и соответствующих стандартов экономического поведения. Подобная, с позволения сказать, этика и ориентированный ею индивидуализм оказались бы сервильными, лишенными духа критичности по отношению к реальным нравам, царящим в гражданском обществе. Тогда не возникла бы самодостаточная этика, которая была бы способна служить генератором социальных преобразований в России, защищая частную собственность, побуждая к экономической активности, подпитывая конвенциональные нормы труда и бизнеса связями с сакральными началами.

Глава 3

СПОСОБЕН ЛИ РАЦИОНАЛИСТ БЫТЬ НЕ ПРОСТО «ЧЕЛОВЕКОМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ», НО И «ЧЕЛОВЕКОМ НРАВСТВЕННЫМ»?

Рациональность – мировосприятия, мироощущения и поведения – одна из самых существенных ценностей человека гражданского общества. Но выдвижение этого тезиса незамедлительно вызывает вопрос о возможности быть рационалистом в этическом, нравственном смысле. В литературе¹⁶, обращаясь к проблеме рациональности, часто ставится этот вопрос – по духу своему чаще всего скептический, а то и негативистский. А мотивируется он категорической уверенностью в том, будто быть «человеком нравственным» означает способность, готовность, решимость поступать, руководствуясь непреложными велениями сердца, совести, а такой способности могут кардинальным образом воспрепятствовать выкладки разума, которые, как представляется людям, обостряющим этот вопрос, ориентированы не на добродетели любви, милосердия, солидарности и т.п., а только на эффективность, пользу (лица, группы лиц, корпораций), своекорыстие, в лучшем случае – на благоразумие.

Однако, во-первых, проблема рациональности как ценности гражданского общества не сводится к конфликту «разум-совесть» (обсуждение этого вопроса предпринимается во второй части данной главы). Во-вторых, сразу стоит ответить, что трансформация антропологических источников морали (материнские, братские, дружеские и

¹⁶ См., напр.: Геллнер Э. Разум и культура. М.: Ad Marginem, 2004; Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизики свободы. СПб., 1996; Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.

им подобные чувства) в социокультурную данность происходит как раз с помощью рационализации: любая норма – итог предваряющей рационализации.

Но что значит быть рационалистом не в общефилософском, не в социотехнологическом, а в поведенческом ключе? Модель такого поведения предложил в свое время М. Вебер, который разработал теорию действия, выделив его типы: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. Рациональное поведение является, прежде всего, актом свободного выбора. Рационалист – синоним свободно действующего человека, максимизирующего целесредственную систему своей деятельности. Иначе говоря, он располагает ясно осознаваемыми и желаемыми целями и столь же четким пониманием наиболее уместных в конкретных ситуациях средств, ведущих к этим целям. Для такой максимизации используются ресурсы самого агента целерационального поведения, от которых зависит эффективность деятельности – его знания и умения, интуиция, готовность к инновации и риску, способность соответствовать ожиданиям других, оперативно и точно распознавать череду переменчивых жизненных ситуаций, выявлять, так сказать, «техусловия» поступков, альтернативные способы решения возникающих поведенческих проблем и т.д. Все это позволяет осуществить ориентацию на взвешивающую (а не импульсивную) стратегию поведения.

Понятие рационализации поведения предполагает также умение планировать свою жизнедеятельность в краткосрочном и долгосрочном ракурсе, ранжировать нормативы и ценности целесредственного блока. Оно предполагает и развитую способность личности к самоконтролю, внутреннему, душевному порядку, адекватной самооценке, доверие к себе, своему умению вербализовать и цензурировать собственные спонтанные реакции на события и чужие поступки, удерживая желания, влечения и страсти в рамках их культурной допустимости. При этом противясь обесцениванию мира чувств.

Рациональный тип поведения предполагает и развитое сознание индивидуальной ответственности. Не просто перед «кем-то», но и за «что-то» – именно это позволяет принять идею делового и профессионального призвания, этику ответственности. В свою очередь, идея призвания помогает разрешить возможное противоречие между очевидной целесообразностью средств достижения цели – и соответствующими нормами, а подчас и иррациональностью самих целей, тем более высших, смысловых, терминальных целей, между просто «правильным» (соответствующим неким правилам) – и «истинно нравственным» поведением.

В отечественной этической литературе рациональность поведения нередко связывают с эгоизмом и его ориентацией на личный интерес в качестве высшего блага. При таком подходе рациональный поступок получает ограничительную трактовку как действие, отвечающее установленным правилам; как просто благоразумные действия; как сберегающие ресурсы, то есть экономичные действия; как действия, лояльные по отношению к неким административным и иным установлениям; как поддерживающие отношения взаимности, взаимопользования, взаимопользовности – нередко одобряемые некоторыми трактовками «золотого правила нравственности»¹⁷. Очевидно, что такая трактовка обрекает рациональность на конфронтацию с моральностью, интерпретируемую в таком случае как внешнее свойство по отношению к рациональности, что по меньшей мере спорно.

Необходимо сказать, что рациональный тип поведения определенным образом коррелирован с рационализацией всех сторон общественной жизни, осуществляемой в ходе длительного и многофазного процесса модернизации. Последняя может быть реализована как на принципах холизма, целостности, так и на принципах

¹⁷ См.: Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998. С.395-406.

«лоскутности» – открытой системы с гетерохронными, то есть разновременными и разномасштабно протекающими переменами в экономической, политической, правовой, социокультурной подсистемах общественной жизни. Это предполагает прежде всего исторический переход хозяйства с рельс «экономики пропитания» на путь не ведающей пределов «экономики развития» (К. Поланьи), включая рационализацию труда и бюрократизацию социального управления на всех его уровнях, рационализацию ведения дел в сферах здравоохранения и просвещения, а также судопроизводства, возникновение в ходе Реформации рационализированной религии и этики.

Что касается ценностно-рационального поведения, то оно воплощает, так сказать, непоследовательную рациональность, в нем выражена ориентация не на достижение «внешних целей», а на ценности как абсолютно значимые точки отсчета, а это допускает возможность одобрения и иррациональных поступков.

Нельзя сказать, что от подобных поступков застраховано и само целерациональное поведение. Во-первых, то, что с одной точки зрения является «рациональным», с другой – может оказаться «иррациональным»¹⁸. При этом важно иметь в виду, что современный рациональный человек заново открыл свою иррациональность, что, по утверждению Э. Геллнера, способствует ослаблению рационалистического идеала во всех сферах, кроме познания. Во-вторых, один и тот же человек способен в разное время демонстрировать как рациональное, так и иррациональное поведение, а потому предпочтительнее говорить о рационализме не как тотальном свойстве человека, а как о свойстве его поведения или предрасположенности к практически рациональному жизненному поведению. В-третьих, как будто явно иррациональный поступок, например, включающий в той или иной форме самопожертвование, может быть образцом рационально-

¹⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 55.

сти в этическом его значении, так как укрепляет силу святости и непререкаемости нравственной нормы, соответствующего мотива действующего лица (хотел спасти ребенка в горящем доме, но не сумел и притом сам погиб – в этом плане поступок оказывается высокорезультативным по полному нравственному счету, несмотря на удвоение жертв).

Разделение рационального поведения на целевое и ценностное позволило в свое время М. Веберу отличить рациональность материальную, содержательную или субстанциональную, которая включает ценности и идеалы, – от рациональности формальной, объективной, технической, что порождает трагический (двухуровневый: индивидуальный и общественный) конфликт эпохи между целями и ценностями как организующими принципами социальной жизни. Например, когда экономику пытаются поставить на службу каким-то идеологическим, воспитательным и им подобным внеэкономическим целям, сама экономика неявным образом отрывается от ее же собственной этической составляющей, от ориентации на удовлетворение человеческих нужд и потребностей, что придает экономической деятельности саморазрушительный характер.

Предпринятое М. Вебером разделение рациональности на целевую и ценностную позволило Ю. Хабермасу различать рациональность инструментальную, воплотившуюся в технологиях, идеологических проектах с большой или же малой социальной инженерией (по К. Попперу), и рациональность символическую, коммуникативную, основанную на понимании, рассуждении, доказательствах в ходе неформальных дебатов и в переговорном процессе самих коммуникативных агентов. Рациональность в последнем случае предполагает умение с помощью открытого диалога сократического типа понять Другого, его интересы, позиции, точки зрения, способность усилить эти позиции, преследуя цель облегчить самореализацию коммуникативных агентов. Г. Саймон

выдвинул принцип «ограниченной рациональности», которая обосновывает проблему выбора организацией не самых лучших, а лишь удовлетворительных решений¹⁹. Другой ракурс разделения видов рациональности – напряженный конфликт рыночной и нерыночной рациональностей в ситуации интенсификации нерыночных форм поведения и социальных отношений.

Сложное общество изобретает защитные механизмы сопротивления всеобщей маркетизации, что позволяет если и не преодолеть, то, во всяком случае, существенным образом смягчить застарелую оппозицию экономической деятельности в качестве главной, решающей формы человеческой деятельности как таковой – и деятельности по социальному воспроизводству в целом как маргинальной, позволяет унять обострившееся противоречие «экономического человека» – и некоммерческого субъекта рынка, сгладить противостояние эгоистической и альтруистической стратегии поведения.

Исследователи давно уже говорят о так называемой «моральной экономике», о свойственной ей как будто бы нерациональной, неутилитарной мотивации в несистемных (отчасти просто пережиточных, а отчасти – наиболее перспективных) секторах современной экономики. В таких, как крестьянское (фермерское) хозяйство, ставшее в последние десятилетия необычайно популярным; неоремесленничество со своими ассоциациями и средствами коммуникации; связанный с домашним хозяйством бизнес, сфера бесплатных услуг и социальной работы²⁰.

Скорее всего, именно на такой основе возникла тенденция отыскивать универсальную грамматику социальных отношений (Д. Хиршлайфер) и распространять ра-

¹⁹ См.: Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // ТЕЗИС. 1993. Т.1. Вып.3; Саймон Г. и др. Менеджмент в организациях. М., 1995.

²⁰ См.: Согомонов А.Ю. «Моральная экономика»: из традиционности в современность // Ценности гражданского общества. Ведомости. Вып. 23. Тюмень: НИИ ПЭ. 2003.

циональные правила экономического поведения на вне-рыночный сектор в целом, на все виды социального взаимодействия, даже на вроде бы вполне иррациональное поведение. Так, Г. Беккер утверждает, что последнее подчиняется нескольким фундаментальным принципам, среди которых три принципа являются самыми важными: (1) максимизация поведения, то есть рациональное стремление к достижению наилучших результатов при минимальных затратах, если, конечно, не действуют противоестественные ограничители, подталкивающие к иррациональности или к «самобытной» рациональности; (2) подчиненность поведения правилам рыночного равновесия – действуют вездесущие «неявные» рынки образования, политики, брачности и т.п., где критерием оптимальности распределения ресурсов служит равновесие явных и неявных выгод и издержек; (3) правила устойчивости вкусов и ценностных предпочтений агентов всех этих рынков²¹.

Этот подход вызвал возражения ряда исследователей, справедливо упрекавших автора за то, что «за спиной» рациональных выкладок он упускает из виду древние как мир внеэкономические мотивы в недрах самого экономического поведения: стремление занять подобающее место в иерархиях любого типа, жажда власти, господства, славы, борьба за престиж и т.п.

В долгом противостоянии, с одной стороны, позитивистски ориентированной экономической теории, трактующей «экономического человека» как несоциализированное, предельно атомизированное и рационализированное существо, озабоченное лишь максимизацией полезности, а потому равнодушное к моральным требованиям и соображениям, и с другой – пересоциализированного «хомо социологикуса», который исправно выполняет санкционированные обществом роли и требования,

²¹ См.: Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Тезис. 1993. Т.2. Вып. I.

трактующего мораль в гиперсоциальной манере, – как правило, выигрывала экономическая теория (В.В. Радаев). Однако накопление более или менее успешного опыта «скрещивания» экономоцентризма с социоцентризмом (лучше сказать – «человекоцентризмом») выявило и реалистическую, объемную фигуру агента хозяйственной жизни современного общества. В наибольшей мере она совпадает с фигурой представителя среднего класса.

Чтобы справиться с возникающими при характеристике рациональности этическими парадоксами, уместно обратиться к концепции призвания. Возьмем, например, противоречие между универсальной, родовой этикой любви, братства, братской любви к ближнему и дальнему, страдающему и нуждающемуся – в том виде, в каком данная этика была воплощена в поведенческих кодексах мировых религий, с одной стороны, и с другой – партикулярной, прежде всего профессиональной, этикой социальной ответственности и верности призванию (политическому, предпринимательскому, военному, научному, воспитательному и т.п.), которая «царит в ценностных сферах» (М. Вебер) с их нормативно-ценностными подсистемами.

Во-первых, призвание обращено не к каким-то благам, а нацеливает на преданное служение Делу, придающему внутреннюю опору и смысл деятельности человека. Во-вторых, в ситуациях повседневности, благоприятных для ясного самосознания, отдается предпочтение постулатам партикулярной профессиональной этики социальной ответственности, тогда как в ситуациях надповседневности, неблагоприятных для такого самосознания, преимущества обретают императивы универсальной этики²². И тогда поведение лица выявляет черты жерт-

²² См.: Филиппов А.Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Вопросы философии. 1998. № 8; Его же. Современность и повседневная рациональность // Стратегия. М., 1998. № 1.

венности, героичности, стоической решимости действовать, в сущности, по иррациональным основаниям типа «все-таки» или же «несмотря ни на что», то есть вопреки социальным обстоятельствам, обычной логике поведения, рациональным выкладкам, что в свое время было столь впечатляющим образом выявлено и описано этикой экзистенциализма.

Но именно такая чуждая всевозможным рассудочным исчислениям прибытков и убытков непреклонная решимость как раз и оказывается способной творить ценности и цели высшего порядка. Они, в свою очередь, позволяют обрести «наибольшую ясность, беспощадную трезвость самосознания». Подобное свойство сознания нельзя понять как некую краткосрочную самозабвенную аффективность типа внезапной вспышки гнева или минутного приступа щедрости и иного благоволения. М. Вебер пишет о трагическом, по сути своей, соединении жаркой страсти с холодной расчетливостью, трезвой деловитостью. Такой синтез не позволяет сделать ставку на успех деятельности, на служение делу чем-то второстепенным, вроде бы даже и необязательным, успокаивая себя тем, что предъявлены другим и приняты самим собой чистая непорочность убеждений, самоопьянение страстью, благородная ярость, романтическая привязанность к возвышенным идеалам. Не говоря уже о ставке на тщеславное бахвальство такой привязанностью. Быть беззаветно преданным делу не означает быть безрассудно, легкомысленно преданным ему. И к тому же надо отличать концепт призвания и фанатизм, различать «служение делу» от «служения идее».

В этическом плане такое соединение долгосрочной страсти с обуздывающей ее трезвостью позволяет в оценке деятельности человека избежать абсолютизации как побуждений к активности, так и результатов такой активности. Ясно, что данное соединение дано не всякому политику, предпринимателю, педагогу, врачу, инженеру, ученому и т.п., но только одаренному и охваченному не-

показной страстью, нацеленной на существо дела, на самоотдачу ему, а не на побочные соображения – будь они возвышенного или низменного характера. Именно такое соединение и выдает сертификат подлинности, «истинности» деятельности того же политика, предпринимателя, профессионала, позволяя понять, что этика убеждений и романтической привязанности к возвышенным идеалам, с одной стороны, и этика социальной ответственности – с другой, не взаимоотталкивающие, а взаимодополняющие феномены.

Так или иначе, но оба вида рационального поведения в определенном смысле противостоят рутинно-традиционному типу социального действия. Коллективное (в XX столетии – массовое) сознание воспроизводится с помощью традиций, паремии, архетипов, всевозможных преданий и даже магии (при, скажем, неотрефлексированной вере в слепую удачу, в соответствии с которой предметы окружающего мира наделяются способностью как-то воздействовать на судьбу людей). Индивиду в акте выбора, на основе которого можно выстроить собственную стратегию поведения (то, что Дж. Локк называл правом личности управлять собой, но не другими), предстоит не столько осуществить максимизацию целесообразной системы действий, сколько произвести интерпретацию обычая, архетипа, предания, мифа и т.п. в каждой конкретной жизненной ситуации, дабы использовать ее в качестве ориентации поведения (такую интерпретацию иногда именуют адаптивной рациональностью). При этом по возможности избегая всякого риска и бремени индивидуальной ответственности, сознательно или ненамеренно делегируя ответственность сословиям, кастам, общинам или каким-то иным формам коллективности, тем самым следуя не свободно найденному и затем возложенному на самого себя должностованию, а преднайденным обязанностям по иерархической вертикали, в патерналистском духе.

Подобный тип поведения является альтернативным поведению экономическому. В традиционном поведении разум на основе сословно-государственных ценностей выполняет инструментальные функции приспособления поведения к социально одобренным образцам и соответствующим ритуалам, а потому во всех случаях традиция оказывается предпочтительнее и «мудрее» индивидуального разума. Между тем в экономическом поведении разум перестает быть исключительно адаптивным, реализуя принципы свободы и ответственности, в том числе и за пределами собственно экономической деятельности.

Традиционный тип поведения неплохо вписывается в социум, состоящий из микрокосмов подобных коллективов. И присущий макромирам рационализм не просто с порога отвергает традиционный тип поведения, а определенным образом перерабатывает его, позволяя индивиду посттрадиционного социума продвигаться от статуса природного к приобретаемому, переходя от ситуаций, где люди действуют по правилам и ценностным установлениям «естественной» морали, к ситуациям, в которых доминирует «неестественная», рациональная мораль, мораль «по соглашению», с конвенциональными правилами (хотя не только с ними одними), где происходит движение от универсальных норм к партикулярным, но, вместе с тем, осуществляется и процесс сегментации самого социума, когда внутри его возникают столь необходимые данным сегментам нормативно-ценностные подсистемы.

Возвращаясь к давнему спору о полномочиях разума и совести²³, уместно прежде всего отметить некорректность дилеммы «подлый ум – святое чувство» и ее варианта «светлый ум и глупая совесть».

Во-первых, несостоятельна сама претензия на сведение совести к нравственному чувству, с последующим противопоставлением рационального решения (с его пря-

²³ См.: Бакштановский В.И. Моральный выбор личности. М.: Политиздат, 1983.

мой обязанностью «подсчитывать» ближние и дальние последствия своих поступков, не говоря уже о последствиях целой линии поведения, сотканной из множества поступков – это тот самый случай, когда количество непременно переходит в качество, а поведенческая стратегия проясняет смысл череды тактических шагов, сколь бы они ни казались непоследовательными, не уместяющимися в одной обойме) нерассуждающему велению совести. Совесть нередко приписывается роль лучшего гаранта от соблазнов «мудрого оппортунизма» и интеллектуальных искушений, тем более – от аморализма, и потому ее рассматривают в качестве наилучшего профилактического средства против морального нигилизма. Но дело в том, что совесть способна достаточно внятно говорить разными «голосами»: как «голосом сердца», так и «голосом разума».

Во-вторых, нападки на рационализм имеют смысл, когда их объектом оказываются упрощенные до вульгарности концепции некоторых просветителей XVIII века и раннего утилитаризма типа известной теории «разумного эгоизма», по существу обесценивающие самонастраивающийся механизм совести, а сам рационализм трактующие излишне прямолинейно, чтобы не сказать – просто примитивно, что с неизбежностью и провоцировало романтическое отрицание рационализма вплоть до признания формулы «исчадие разума» (К. Саймак). При этом в критической оценке рационализма Просвещения необходима особая сдержанность, чтобы его очевидные прегрешения не заслонили бы его вклад в мировую культуру, философию, науку. Уже рационализм энциклопедистов не рассматривает человеческие страсти как фактор опасности, ибо просвещенный человек, осознавая свои интересы, способен калькулировать страсти, не умерщвляя, не подавляя их при этом. И за теорией разумного эгоизма числятся определенные теоретические заслуги.

В-третьих, критикуя вульгарный рационализм, иногда говорят о сверхразумности совести, при этом разум и

совесть воспринимаются в качестве заведомо неравноправных ориентиров в сложных, запутанных, нестереотипизированных ситуациях морального выбора, и обе эти лоции для продвижения в ценностном мире рассматриваются как взаимоисключающие инструменты²⁴. Представляется более уместным говорить о «разумной совести», что предполагает понимание разницы разума, интуиции и рассудка и своеобразное разделение труда по ориентированию действий.

Прямые и непреклонные свидетельства совести, нравственное чувство, надежно оберегают личность от свершения дурных, постыдных поступков. В «ближнем горизонте» оно действительно эффективно. Иное дело за пределами данного горизонта, охватывающего преимущественно межличностные отношения, когда в ситуациях повседневности к функции поведенческих ориентиров подключаются нормы партикулярной (например, профессиональной) этики, когда деятельность побуждается духом призвания, установкой на преданность делу и регулируется с помощью реалистической этики социальной ответственности. Совесть как высокое нравственное чувство здесь не обязана отключаться, ее голос не должен умолкнуть, но ей не обойтись без помощи со стороны как взвешивающего рассудка, так и осмысляющего и понимающего разума. Без такой систематической помощи совесть, взявшаяся исполнять роль «высшего судьи», способна привести ко всевозможным бедам и бесчеловечным последствиям, которые никак не оправдать благими мотивами.

В сегментированных сферах человеческой деятельности в рамках огромных организаций и корпораций, а также в масштабах исторических акций, когда связи между позитивными целями деятельности и средствами их реализации становятся неочевидными, а результаты оказываются многозначными и небесспорными, совесть

²⁴ См.: Шрейдер Ю. Лекции по этике. М., 1994. С. 77-80.

обретет действенность только в неразрывной связке с аргументами разума. И происходит данный процесс из сплетения рациональности с жаркой страстью пассионария, действий, детерминированных обстоятельствами, с индетерминированными действиями в актуальном бытии личности в целом.

Стоит обсуждать и вероятную тенденцию. Исследователи высказывают идею, согласно которой если Модерн воплощает скорее рассудочную рациональность, дискурс и договор, то Постмодерн, «Антимодерн» (по У. Беку, Э. Гидденсу, З. Бауману и др.) или, иначе, рефлексивная стадия Высокого Модерна, отдают сознательное предпочтение инстинктивному поведению, полагают приход нового «околдовывания» прежде столь удачно расколдованного мира, явление новой его непрозрачности. С этим связан крен от универсализма, которому благоволит рационализм, к локализму, неотрадиционализму, к «неоплеменным» общностям, к пестрой ярмарке всяческих гибридных культурных образцов и стилей поведения.

Глава 4

«СЛУЖЕНИЕ В ПРОФЕССИИ» И / ИЛИ «ЖИЗНЬ ЗА СЧЕТ ПРОФЕССИИ»?

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ – наиболее бесспорная ценность гражданского общества. Очевидный тезис? Скорее «да», если иметь в виду *место и роль* этой ценности в становлении и развитии гражданского общества: одним из существенных признаков модернизации является глубокая профессионализация общества. Не случайно, например, вопрос к человеку, идентифицирующему себя со средним классом: насколько важна для него такая ценность, как профессионализм? – воспринимается им как *риторический*.

Скорее «нет», если иметь в виду рискованность доверия к «самоочевидности» в понимании *содержания* этой ценности, связанного с неоднозначностью представлений о природе профессионализма в практике как обычного, так и теоретического языков²⁵. Рискованность

²⁵ См.: Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации / Под ред. В.И. Бакштановского, Г.Э. Бурбулиса. Тюмень-Москва, 1994; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Общепрофессиональная этика //Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып.25. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: нормативная модель и отечественная реальность. Тюмень: НИИ ПЭ, 2000; Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень, 1994; Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996; Беккер Г. Природа профессии // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень, 1994; Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2000; Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996; Незримый колледж успешных профессионалов // Ведомости. Вып.2. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Российская модель профессионального успеха // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Согомонов А.Ю. Табу на профессионализм // Этика науки. Ведомости. Вып.18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001; Становление духа университета: опыт

доверия к самоочевидности даже такого категорического ответа на вопрос о самоидентификации, как «самоидентификация с профессионалом для меня самая значимая». Поэтому при утверждении того, что профессионализм – бесспорная ценность гражданского общества, важно иметь в виду ряд ограничений.

Во-первых, за «очевидностью» может скрываться ограниченная – «функциональная», «технологическая», «операциональная» – трактовка профессионализма, под которым в таком случае подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Иначе говоря, трактовка, в которой не содержится хотя бы элементарных признаков *нормативно-этического* порядка.

Но и в тех случаях, когда, стремясь уйти от обеднения понятия профессионализма, т.е. ограничения его суммой «чисто профессиональных» знаний и навыков, в его содержание включают, например, щепетильное отношение к вопросам профессиональной чести, природа профессионализма еще не раскрыта: за рамками рассуждений остаются *мировоззренческие* аспекты, связанные с *миссией* профессии.

Вопросы «ради чего?» и «во имя чего?» (а не просто – «с какой целью?» и «как?») принципиально важны для понимания природы и духа профессионализма. И именно рефлексия смыслоакцентированных вопросов отличает *профессиональную* этику как нормативно-ценностную систему от этических аспектов иных, вне-профессиональных, видов человеческой деятельности. Очевидно, что практически все виды человеческой деятельности регулируются определенными нравственными

самопознания. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001; Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра // Ведомости. Вып. 3. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996; Хапаева Д., Копосов Н. От идеологии либерализма к либеральному образованию // Неприкосновенный запас. № 1. 2000.

нормативами, но профессии характеризуются еще и нравственной миссией. Можно ограничить различие профессии от вида занятий простым лишь подчеркиванием значимости для первой наличия *профессионального сообщества*, можно через известную дилемму «*служение в профессии*» или «*жизнь за счет профессии*» противопоставить профессии и другие виды деятельности. Но прежде всего можно и нужно говорить об отличии профессии благодаря феномену *миссии*.

Во-вторых, уверенность в очевидности тезиса о профессионализме как бесспорной ценности гражданского общества на самом деле может быть и следствием намеренного или не намеренного неразличения и даже отождествления, с одной стороны, собственно *профессии*, с другой – *любого рода занятий, типа работы, вида деятельности, специальности и т.п.* Неразличения, приводящего и к пренебрежению ролью социальной *миссии* профессии – в отличие от *функциональной* природы специализации человеческой деятельности.

И действительно, обращение к практике языка показывает, что с термином «профессия» могут быть связаны разные, нередко синонимичные, значения. Например: поприще, дело, род занятости человека, сфера знаний, специальность, ремесло, противоположность любительству, отрасль мастерства, занятие, которому надо специально учиться, служба как источник заработка, карьера и т.д. Обратившись к специальной литературе, можно найти различные списки индикаторов профессии, представляющие собой определенные множества. Один из списков: квалификация человека, зарплата за предоставляемые услуги, регулярная природа этих услуг, профессия человека определяет его социальный статус. Другой ряд: высококвалифицированная работа, требующая высшего или специального образования, при этом высокооплачиваемая; доступ к данной работе ограничен процедурой лицензирования; ее представители объединяются в ассоциации, которые стремятся поддерживать поведенческие

стандарты; эти люди независимы в своей работе; производимые услуги необходимы для блага общества; получаемый доход не слишком зависит от развертывания капитала.

Для такого рода списков характерен минимальный набор факторов, позволяющий считать определенный вид деятельности собственно профессией и предполагающий, в лучшем случае, лишь *непоследовательное* внимание к этической составляющей природы *собственно профессии*, ее «*моральному измерению*». В итоге слишком часто в стороне оказывается, например, такой *существенно необходимый* индикатор, как преимущество, которое общество предоставляет агентам лишь определенных видов деятельности (профессиям), заключающееся в праве на значительную долю контроля над их собственными действиями, на саморегулирование, в том числе через моральные кодексы профессионализма. И неслучайно, со времен работ А. Флекснера, намеренно различаются определения *professions* и *occupations*: в качестве отличия первого определения Оксфордский словарь социологии выделяет такой тип работы, который включает в себя «регулятивный момент» и «код поведения».

Характеристика профессионализма как бесспорной ценности гражданского общества в действительности предполагает:

(а) несводимость признаков профессионализма к очевидным *операциональным* качествам, необходимым любому квалифицированному специалисту (разумеется, в той мере, в какой можно и нужно различать операциональные качества профессионала и специалиста в каком-либо виде деятельности, не забывая об их сходстве в целом ряде отношений), и понимание того, что профессионализм предполагает – наряду с компетентностью и авторитетом технического плана – *моральное содержание*;

(б) выделение особенностей деятельности человека именно в *профессии* подразумевает не только высокий уровень овладения операциональной, технологической

стороной какой-либо специальности, но – может быть прежде всего – апелляцию к миссии профессии, ее социальной ответственности, профессиональному призванию и служению, к необходимости оправдания и ограничения *власти* профессионалов над людьми и т.п., а уже поэтому – к саморегулированию профессии.

И если, например, доказательство нравственного значения такой ценности гражданского общества, как *рациональность*, предполагает оппонирование привычной дилемме «подлый разум» – «чистая совесть», то выявление *нравственного содержания* профессионализма подразумевает снятие абсолютизации роли наиболее очевидной по значению – *операциональной* – стороны профессионализма и намеренное акцентирование роли его *мировоззренческого* элемента, в том числе профессионального призвания и служения. В противном случае велик риск доминирования технократических ориентаций. Поэтому и в апологии, и в критике профессионализма, во всяком случае в их отечественной версии, ценностный акцент весьма значим.

МЕСТО мировоззренческих аспектов профессионализма проясняется при попытке рассуждения о том, что вообще побуждает людей войти в мир профессий и стремиться к высотам профессионализма. Опасения относительно сползания в прошлое допрофессионализированных социумов – если и не полностью, то в значительной мере? Несомненно. Нужда, материальные выкладки, зуд честолюбия, упоение властью, которую сулит монополия на знания, престижный статус? Несомненно. В тех или иных пропорциях, в различных комбинациях эти мотивы присутствуют в сознании профессионалов и не могут быть сброшены со счета в обычных обстоятельствах.

Но уместно вспомнить, что М. Вебер предлагал различать «истинного» профессионала – и лишь отчасти такового, профессионально идентифицированных – и неидентифицированных, как бы ни было трудно произвести

такую разграничительную операцию. При этом Вебер обращал внимание на внутреннее единство *жизненного призвания и профессионального самоопределения*.

Подлинный профессионал не пренебрегает материальным вознаграждением за свой труд, честным заработком специалиста. Ему не чужды и стремления к этико-психологическим наградам, к тому, что мы иногда неряшливо называем моральным удовлетворением. Положительное значение могут иметь и мотивы профессионального честолюбия (не тщеславия).

Но *смысл* своей деятельности настоящий профессионал черпает в другом – беззаветном служении Делу. Не обязательно жертвенном, но, во всяком случае, приуроченном к нему. Он «охвачен» страстью самоотдачи и верности Делу. Конечно, «призванных» в таком плане гораздо меньше, нежели просто «званных», вообще вовлеченных в профессиональную деятельность. Это тот самый случай, когда *ничто* или есть или его нет.

Но не слишком ли хороша идея жизненного призвания, предназначения для грешного рыночного мира? Лапидарная формула такого призвания гласит: не насилие над свободой через подневольную деятельность, а освоение, «обживание» свободы путем служения Делу, использования многообразных возможностей, предоставляемых рынком для повышения эффективности общественного капитала и приращения на такой основе капитала духовного. Значит, не только и не столько доходом как таковым мотивирован подлинный профессионал – им он лишь измеряет успешность ведения своего дела. Не денег алчет он, не по богатству томится, не обусловленной ими власти жаждет (хотя и не чурается их: думать иначе было бы непростительной наивностью).

Возьмем в качестве примера деятельность одного из типичных субъектов гражданского общества – предпринимателя. Когда-то К. Маркс определил капиталиста как «фанатика самовозрастания стоимости». Это – меткое определение. Но современный предприниматель не

тот, кто, «как царь Кашей, над златом чахнет», – он «чахнет» над своим делом. Ему чужд сформированный еще в доиндустриальном обществе идеал безмятежности, спокойной жизни и представления о богатстве как источнике чистоты, радости и спокойствия души. Нет, он самоотверженно служит деланию денег, и вопрос «для чего?» имеет для него отчасти потусторонний смысл, если речь не идет об инвестировании денег, чтоб делать их еще больше (то, что называется ценностью богатства в его абстрактной форме).

М. Вебер говорил о профессиональном призвании, соединяя призвание *внешнее* – как источник экономической независимости («честное пропитание профессионала») – с *внутренним призванием*, подкрепленным психологическими наградами как платой за «нервную работу», но, в первую очередь, этической значимостью этой деятельности. Поэтому Вебер обращал внимание на то, что жизнь профессионала носит известный отпечаток аскетизма: «дело» и «отрешение», отказ от фаустовской многосторонности взаимосвязаны в стиле жизни.

Но надо иметь в виду, что Вебер отличал внемирской аскетизм от внутримирского, связанного с призванием. В мирском обществе профессиональный долг способен принять освобожденную, экзистенциальную форму, и Вебер полагал уникальным сочетание такого долга с этическим призванием, которое искажается в рационализированных формально-технических структурах, в жизненных порядках, где этическое призвание становится только декларативным, во всяком случае – ослабленным.

Как известно, содержание понятия «Служение Делу», то, какими Дело и Служение ему должны выглядеть – все это в значительной мере является вопросом веры профессионала. Без такой веры над ним, несмотря ни на какие достижения, тяготеет, образно говоря, «проклятие ничтожества твари». При наличии же подобной веры мы вправе говорить о непреложных велениях профессионального долга. Можем говорить об особых – «бесшум-

ных» и «незримых» – успехах на поприще уберечения и приумножения нефальсифицированных нравственных ценностей, проявляемых в данном случае в профессиональной сфере жизнедеятельности.

Предметом служения Делу может быть успешное продвижение к идеалу, морально высшему, и – одновременно – к вершинам профессионализма, которые служат «маяками» в своем деле. Но служение может быть проявлено и более скромно – в виде повседневной человеческой порядочности, на которую и в прошлом, и в настоящем направлены бесконечные посягательства. «Незримые» успехи вносят разумность в деятельность профессионалов и позволяют им даже в неблагоприятных условиях поддерживать *дух профессиональной корпорации* (далекий от беспринципного «мы помалкиваем о ваших грешках, а вы уж, будьте любезны, не замечайте наши грешки»). При этом нравственный мотив профессионализма – стремление к личному успеху в своем деле, но в то же самое время и служение Делу. Это единство признания (статус, внешнее одобрение) и призвания.

Конечно, следует учитывать изменения в сути профессионального призвания, которые произошли, начиная с эпохи его зарождения в истоках Нового времени и первичного философского осмысления и вплоть до наших дней. В современном мире – мире современной секуляризации, омассовленных профессий и создания «фабрик» по конвейерной штамповке специалистов – эта суть освободилась от многих черт внутримирского аскетизма («трудись и молись!»). В этой связи одни исследователи указывают на неоскетическую интерпретацию профессионального призвания («неудержимое потребительство угрожает глобальной экологической катастрофой»). Другие – на вытеснение этико-религиозного «вертикализма», которому приходится потесниться в пользу вполне рационального этического «горизонтализма», иначе говоря – в пользу апробации профессионального долга и идеи призвания, служения Делу с помощью групповых норм,

санкций и прочих средств контроля со стороны социопрофессионального сообщества. Современному профессионалу свойственно желание глубокого душевного равновесия, «полного и честного расчета с жизнью и самим собой» (так однажды, но совсем по другому поводу, выразился писатель Ю. Домбровский). Наверное, оно сродни чувству удовлетворения, которое возникает у любого беспокойного мастера своего дела, что, между прочим, не выключает механизмы постоянного недовольства собой как мотива самосовершенствования.

ТРУДНОСТИ характеристики профессионализма как одной из базовых ценностей гражданского общества связаны и со спецификой процессов профессионализации нашего общества.

Многие исследователи усматривают в этих процессах один из позитивных итогов долгого коммунистического правления, важнейший аспект продвижения России по пути модернизации и одну из гарантий невозможности возвратить страну на исходные позиции. Соглашаясь с подобным тезисом в принципе, нельзя вывести за пределы анализа и достаточно известный анти-тезис: обрели мы во многом формальную профессионализацию или полупрофессионализацию (феномен «образованщины», появление многочисленных «дилетантов с дипломами»). Те, кого именуют профессионалами, очень часто (слишком часто, чтобы воспринимать это в качестве исключений) не располагают необходимыми знаниями или компенсирующим их недостаток соответствующим опытом. Запасов таких знаний вряд ли хватит на то, чтобы именовать их интеллектуальным капиталом, который обеспечивает владельцу социальную независимость (в том числе и от государства как главного работодателя и «подателя» всех благ) и статус, подкрепленный вызывающим уважение уровнем доходности и престижности занятий.

Кроме того, полупрофессионализация и формальная профессионализация отрицательно влияли на спо-

способность профессионалов продуцировать *этику профессионализма*. Ведь успешное исполнение функций во всех сферах приложения профессионального труда предполагает взыскательные требования к квалифицированности и компетентности специалистов и в том случае, когда социальные обстоятельства оказываются неблагоприятными для этого. Более того, именно в таких обстоятельствах необходимо насыщение высокого профессионализма способностью к глубокому осознанию своей ответственности, готовностью безукоризненно исполнять свой профессиональный долг. А пренебрежение ценностями профессиональной этики, умаление значимости ее норм, своеобразной ценностной «логики», негативно влияет как на качество работы специалистов, так и на статус в обществе профессиональных групп и соответствующих ассоциаций.

Констатация сильной тенденции полупрофессионализации и формальной профессионализации нашего общества не ставит под сомнение наличие в стране значительного числа высококлассных специалистов различного профиля, не уступающих ни по знаниям, ни по опыту своим зарубежным коллегам. Но приходится считаться и с тем, что отставание по множеству параметров нашей промышленности, аграрного сектора, инфраструктур, систем здравоохранения, образования, правопорядка несовместимо с высокой неформальной профессионализацией страны. Тем более нельзя не считаться с новейшей тенденцией ухода многих представителей среднего класса из своих профессий – как в другую профессию, так и вообще из мира профессий.

Весьма противоречива по своему значению тенденция нашего сегодняшнего общества к депрофессионализации, к увеличению числа малопrestижных и социально запущенных профессиональных сфер, к появлению специфического сектора в маргинальных слоях реформирующегося общества, составленного из экспрофессионалов. Депрофессионализация проявляется в добровольно-

вынужденном отказе (полном или частичном) от официально обретенного профессионального статуса, а также в готовности сменить менее предпочтительную сферу профессиональной деятельности на более соблазнительную, причем очень часто практически без основательной подготовки к ней. В значительной степени это объясняется неизбежной профессиональной реструктуризацией общества, падением спроса на одни профессии и стремительно формирующейся потребностью в других. Например, в какой-то мере сфера предпринимательства на первых порах требует не столько профессиональных знаний, сколько чего-то иного – стартового капитала, значимых связей, готовности к риску, склонности к предприимчивости и т.д. (именно поэтому дилетантизм здесь «правил бал» и менее всего вызывал отторжение).

ИНАЧЕ ГОВОРЯ, отвечая на вопрос о том, очевиден ли тезис «профессионализм – наиболее бесспорная ценность гражданского общества», формулой «скорее “да”», важно иметь в виду адекватность этой ценности лишь природе *развитого* гражданского общества и, напротив, пренебрежение этой ценностью или ее искажение в авторитарных (тоталитарных) обществах. Например, одним из негативных моментов советского периода процесса профессионализации нашего общества являлось постоянное давление на профессиональные группы и организации со стороны партийно-государственной бюрократии, которая держала под плотным идеологическим и административным контролем умонастроения и все проявления духовной жизни в профессиональных средах.

Более того, еще совсем недавно (с точки зрения исторического времени), в советский период жизни нашей страны, была характерна *амбивалентная* ситуация: одновременное существование двух противоположных тенденций – «табу на профессионализм» и «идеологии профессионализма». Противоположных, потому что в первом случае понятие профессионализма трактовалось в положительном смысле, а во втором – в негативном. Со-

ответственно, в первом случае речь шла об апологии подвергнувшегося политическому и культурному табуированию профессионализма, а во втором (в конечном счете) – о критике профессионализма.

Как показано в специальном исследовании первого из этих феноменов²⁶, он характеризуется тем, что смыслы понятия «профессионализм» соотносились не с такими ценностями, как социальное творчество, свободный выбор человека, а с политической лояльностью т.н. «профессионалов». Именно «так называемых», ибо понятие «профессионал» не культивировалось.

Это объясняется уже тем, что для развитого гражданского общества «профессиональная идентичность» непосредственно связана с саморегулированием профессии, т.е. формированием автономных профессиональных корпораций, осознанием профессиональной миссии, формированием профессионально-нравственных кодексов. А для советского государства было неприемлемо существование такого рода ассоциаций, выступающих в роли прослойки между государством и человеком. Неизбежностью образования саморегулируемых профессиональных сообществ и было вызвано табуирование понятия и явления «профессионал», «профессионализм». А вот «специалист» – более приемлемая для тоталитарного режима управления *функциональная* идентичность. Ведь *такая* идентичность вполне обходилась без профессиональной этики, ограничиваясь нормами «советской морали» над любыми ростками квазипрофессиональных этических кодексов. В итоге в обществе действовал искаженный образ «профессионализма» и «служения профессии».

²⁶ См.: Согомонов А.Ю. Табу на профессионализм // Этика науки. Ведомости. Вып.18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001.

Что касается второго феномена – «идеологии профессионализма», то, по мнению его исследователей²⁷, такая идеология выступала как реакция на систематическую идеологизацию общества и служила для советской интеллигенции механизмом морально-психологической самозащиты. Соответственно интеллигенция выдвигала на роль «образца совершенства» не моральные или гражданские ценности, а ценность профессионализма.

При этом образ профессионализма, который подразумевается исследователями описываемой «идеологии профессионализма», нагружен – в отличие от случая с «табу на профессионализм» – негативным смыслом. По их мнению, эта идеология исходит из представления о том, что ценность личности определяется не индивидуальным своеобразием, духовным богатством внутреннего мира, но овладением «унифицированными навыками».

Такая оценка может быть полемически допустимой, но только в том случае, если сводить профессионализм к так называемому «профессиональному кретинизму». Однако конкретизирующий признак «идеологии профессионализма» представляется еще более спорным. Исследователи полагают, что профессионализм как ценность среднего класса не просто «нивелирует личность», но и «конвертирует в совершенство средние способности».

Получается, что плоха не только «идеология профессионализма», но собственно профессионализм. В том числе потому, что на него как на ценность ориентируется средний класс.

Профессионализм действительно можно – и даже необходимо – охарактеризовать как идеологию среднего класса. В этом смысле вполне оправдано говорить и о буржуазности, и «срединности». Но и смыслы слов «идеология», «профессионализм», «срединность» могут с

²⁷ См.: Хапаева Д., Копосов Н. От идеологии либерализма к либеральному образованию // Неприкосновенный запас. № 1. 2000.

достаточным основанием употребляться и без негативного значения.

Чтобы подчеркнуть спорность отождествления смысла прилагательного в понятии «средний класс» со «средними способностями», можно привести в качестве примера богатство подходов к теме «серединности» в суждениях самих профессионалов – агентов среднего класса, – вовлеченных в процесс самоидентификации. «Не хочу быть, как все. Но избираю такой способ самореализации, который приемлют моя совесть, сознание самодостаточности»; «Принцип “мало-помалу” – это, наверное, не про меня. В любой ситуации я стремлюсь сделать максимум возможного»; «“Средний” – не значит “троечник”. “Средний” – основательный “хорошист”»; «Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым; его реальная ценность исключает чувство неполноценности»; «Средний класс – это люди социальной нормы, носители духа “золотого сечения”»; «Человек середины постоянно уворачивается от угрозы слишком низкого падения и, в то же время, не очень-то рассчитывает на слишком большой успех»²⁸.

Базовой ценностью этоса среднего класса действительно является профессионализм, и эта ценность вполне согласуется с ценностями общесоциальной этики, этики гражданского общества. Профессионал – действительно ключевая фигура среднего класса. В составе этого класса определенную часть образуют предприниматели, агенты бизнеса – большей частью мелкого и среднего, но численно преобладают люди других профессий и специальностей: менеджеры, лица свободных профессий, рабочие высокой квалификации, инженеры, чиновники, учителя, врачи, ученые, юристы, научно-педа-

²⁸ См.: Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2000.

гогические работники. И именно ориентирующая их ценность профессионализма оказывается не менее существенным консолидирующим фактором гражданского общества, чем их же уровень благосостояния и общественный статус. Не мифическое право социального наследования, а выраженные ориентации на профессиональный успех и реальный факт состоявшегося успеха профессионала – потенциал этоса среднего класса.

И стремление человека среднего класса к профессионализму вдохновляется отнюдь не пренебрежением к богатству внутреннего мира человека или к гражданской позиции. И, как уже говорилось выше, не своекорыстными калькуляциями (что не девальвирует роли профессиональных, в том числе и материальных интересов), а ценностями нравственного порядка: соответствующая деятельность ориентируется и регулируется задаваемыми профессиональной этикой миссией и «правилами игры». Кстати, и то и другое нельзя ни просто имитировать, ни на скорую руку импортировать: произрастают они на родной почве и нигде более.

Глава 5

«ГОСПОЖА УДАЧА»? «ГОСПОДИН УСПЕХ»!

УСПЕХ – одна из наиболее самоочевидных ценностей гражданского общества. Амбиция преуспеть атрибутивна для человека такого общества. И само современное общество с достаточным основанием характеризуют именно как достижительное, что было бы совершенно немислимо без полного или частичного принятия в нем ценности успеха. Успех оказывается здесь целью и задачей жизни и обретает самостоятельное место в ряду других жизненных ценностей, то есть ценен и сам по себе, независимо от того, что он дает или способен дать человеку, достигшему успеха, независимо от результата, от награды. Успех становится тем, что может быть названо благом благ. «Человек успеха» ориентирован не просто на утилитарные цели, но на вдохновляющие цели экзистенциального свойства, принадлежащие к уровню базовой ценности человеческого существования; цели, вполне способные встать в ряд с такими основными феноменами бытия человека, как труд, игра, любовь, смерть, господство. Поэтому успех не может не быть самоценной мотивацией человеческой деятельности.

Человека гражданского общества вполне можно идентифицировать как «достижительного», как «человека успеха», стремящегося стать «состоявшимся человеком», «успешным профессионалом» и т.п. И сам этот человек идентифицирует себя с такими ориентирами, как «жизненный успех», «деловой успех», «профессиональный успех». При всей сложности различения этих сфер успеха у них не случайно общее существительное. Ценность успеха занимает реальное место в рациональной морали. При этом этос успеха противостоит одновременно как модели выживания, т.е. отказу от ориен-

тации именно на успех, так и модели агрессивнотиничного успеха, противопоставляющей успех – этике.

Однако высокая самоочевидность места и роли ценности успеха в гражданском обществе все же не абсолютна. С одной стороны – процесс широкого освоения темы успеха (жизненного, делового, профессионального), развернутый современным гуманитарным знанием в теоретических и прикладных исследованиях²⁹, посредством популярной литературы, учебных семинаров и консультационных практикумов, силами многообразных движений, ориентированных на самосовершенствование личности в ее жизненных исканиях, в деловой карьере, в профессиональном совершенствовании. «Как уцелеть среди акул» и «Жизнь 101», «Преуспевание с радостью»

²⁹ См.: Апология успеха: Профессионализм как идеология российской модернизации. Тюмень, 1994; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика успеха. Введение в доктрину. Спецкурс. Тюмень-Москва, 1996; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу // Этика успеха. Вып.10, специальный. Тюмень-Москва, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; МакКлелланд Д. Достижительное общество. Главы из книги // Ведомости. Вып. 14-17. Тюмень, НИИ ПЭ, 1999-2000; Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000; Перминова С.В. Перспективы этики успеха в современной России // Ведомости. Вып. 11. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998; Российская идея успеха: экспертиза и консультация // Этика успеха. № 11. Тюмень-Москва, 1997; Согомонов А.Ю. Генеалогия Успехи-Неудач // Оправдание морали. Москва-Тюмень, 2000; Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. СПб., 1990; Хубер Р. Деньги. Статус. Слава. Фрагменты из книги «Американская идея успеха» // Этика успеха. Вып. 2. Тюмень-Москва, 1994; Хубер Р. Моральные дилеммы успеха. Фрагменты из книги «Американская идея успеха» // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Этика успеха. Вып.1-11. Тюмень-Москва, 1994-1997; Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003.

и «Рожденные выигрывать»... В дополнение к книгам Дейла Карнеги все это – феномены в том числе и нашего отечественного духовного обихода. С другой стороны – существует прямо оппозиционная тенденция в отношении ценности успеха. Так, в манифесте «О панике», принятом рядом ведущих психоаналитиков, в качестве «ценностей», выдвигаемых современными идеологиями на первый план и обнаруживающих свою «реакционную функцию», отмечена «навязчивая идея успеха и расчета». Резкой критике идея успеха подвергается и в дискуссиях о современном российском обществе.

В этих противоречивых тенденциях времени – один из мотивов культивирования этики успеха. Без этического насыщения ориентации на достижения идея успеха может обернуться утопией или даже намеренной идеализацией «грязной практики», стихии аморализма, провоцированием торжества аморального поведения. Сама практика реализации идеи успеха – в том числе и наша отечественная – дает достаточно оснований для вывода о том, что в современном обществе культ успеха нередко приводит к вытеснению моральных ориентиров и потому вызывает ощущение его нравственной ущербности. Без этической рефлексии трудно смягчить моральный риск ориентации на успех – повышенную опасность для вовлеченного в жизненную и деловую гонки индивида не устоять перед искушением нарушить те или иные моральные запреты, «правила игры» ради скорого достижения успеха (во всех его ипостасях) и тем самым войти в конфликт как с совестью, так и с законом; сложно ограничить практику следования циничному принципу «успеха достоин тот, кто его добился». Поэтому развитое гражданское общество ориентировано на этическую идентификацию успеха, обязательную моральную рефлексию как самой ориентации на успех, так и путей к успеху.

В процессе такой идентификации важен и вопрос об этической безопасности идеи успеха, об ее самоограничениях. Вопрос, который ориентирует поиск ответов, во-

первых, на нравственную критику (и самокритику) рационального жизненного поведения, отношения к жизни как к деловому предприятию, критику с позиций самой этики успеха и с позиций иных этических подсистем. Во-вторых – на критику аморализма, которым слишком часто отягощено стремление к успеху. В-третьих – на определение пределов «внедренческой» активности идеи успеха в жизнь общества, профилактику ее возможных притязаний на монополизм в ситуации выбора ценностей.

Непременное условие культивирования ценности успеха в ситуации становящегося гражданского общества в России – строгое вето на ценностную копиистику, на эпигонство, прямое заимствование развивающихся в других культурах моделей, в том числе технологий успешной деятельности, внешних форм ее признания и одобрения. Но аргументирует такое вето вовсе не ксенофобическое презрение ко всему «чужому», не установка только на «свое, почвенное». В основе вето – понимание особенности современной моральной ситуации в стране, суть которой в мозаичном сосуществовании традиционной, рациональной и пострациональной нормативно-ценностных систем. Вне такого понимания ценность успеха не найдет достойного места в системе ценностей становящегося в России гражданского общества.

ХАРАКТЕРИСТИКА наиболее важных аспектов успеха как ценности предполагает прежде всего обостренное внимание к достижительной парадигме деятельности. Речь идет о различении, с одной стороны, удачи, везения, фортуны, а также патерналистски отмеренной доли благ при всеобщем распределении или, наконец, просто сам по себе хороший труд и полезный его результат и – с другой стороны, собственно достигенный человека. Успех отражает намеренность достижительной мотивации; эффективность инициированных действий; индивидуальную ответственность как за успех, так и за неуспех, значимые и для субъекта деятельности, и для общности и общества в целом; оценку цели и

средств достижительной деятельности как самим ее субъектом, так и обществом.

В специальных исследованиях различаются стремление к достижению успеха – и стремление избежать неудачи. И то и другое характеризуется, во-первых, с точки зрения определенной силы, зависящей от интенсивности стремления к успеху или степени опасения неудачи; во-вторых, с точки зрения вероятности успеха и неудачи, которая зависит от степени подготовленности индивида и указывает на трудность достижения поставленной цели; в-третьих, с точки зрения ценности и привлекательности успеха и неудачи – чем больше вероятность успеха или чем легче задача, тем менее ценен успех, и наоборот, с уменьшением шансов на успех растет его привлекательность. Без учета такого различия трудно составить современное представление о феномене успеха в его отличии от иных феноменов – труда, хорошей работы, эффективной деятельности, значимого результата и т.п.

Особенность людей с сильной мотивацией достижения заключается в том, что они стараются найти или создать ситуации, в которых могли бы получить удовлетворение от достижений. То, что другим приходится совершать из желания заслужить благодарность, сделать деньги или освободить время от работы, превращается в деятельность, стандарты совершенства которой определяются и соблюдаются по доброй воле. Это люди, которые сами устанавливают для себя стандарты достижения, не полагаясь на внешние стимулы, зависящие от ситуации, и усердно стараются достичь этих стандартов. Не требуется особого воображения для предположения о том, что, когда в обществе появляется значительный ряд людей с высокой потребностью в достижениях, все вокруг них неминуемо приходит в движение.

В традиционных социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате достижений статус. Ситуация начинает коренным образом меняться на исходе традиционных социумов и при станов-

лении индустриально-урбанистической цивилизации – в «большом» социуме, в макромире гражданского общества. Как известно, отличие современного общества от традиционного заключается и в том, что современный человек, в отличие от человека традиционного, ориентирован не на воспроизводство жизни, а на достижение целей, и в том, что современное общество воспроизводит «достижительный» тип поведения, отчасти характерный для некоторых сегментов элиты традиционного общества, в массовом порядке. Мотивация достижения – норма такого общества, ее нарушители этим обществом маргинализируются. Пример проявления такой мотивации можно найти в деятельности пассионариев среднего класса – успешных профессионалов. Для них мало руководствоваться трудовой этикой, они не позволяют себе быть простыми адаптантами, им не свойственна ориентация лишь на выживание, они ориентируются на успех, позволяющий подниматься по ступеням жизни.

СЛЕДУЮЩИЙ шаг в понимании ценности успеха предполагает соотнесение успеха с критерием эффективности и результативности деятельности человека, с одной стороны, с удачей – с другой. Известно, что всякая человеческая деятельность (хозяйственная, политическая, воспитательная, бытовая, культурная и т.п.), а заодно и функционирование связанных с ней институтов и организаций, носит целенаправленный характер и, стало быть, заведомо «обречена» ориентироваться на достижение какого-то положительного результата. Хотя положительный результат, само собой разумеется, достигается отнюдь не везде и не всегда, однако стремление к нему заложено в механизмы человеческой деятельности как бы изначально, присуще ей по определению. Как магнитная стрелка неудержимо влечется к полюсу, так и человек в своей многогранной деятельности повернут лицом к результату, стремится к нему – иного ему просто не дано. (Мы абстрагируемся сейчас от проблемы иррациональности в человеческой деятельности.)

Сказанное выше относительно «обреченности» устремлений к положительному результату не вызывает сомнений в силу своей тривиальности. Но вправе ли мы постфактум автоматически трактовать такой результат в качестве именно успеха? Не очевидно ли, что «результат» и «успех» хотя и весьма близкие, родственные, но вовсе не равновеликие понятия? Во-первых, личность, ориентированная на достижения, заинтересована не просто в долгой, напряженной, кропотливой и проч. работе, но в работе эффективной, в том, чтобы найти оптимальные пути, получить те же результаты при меньших усилиях и т.п. (эта сторона человеческой деятельности исследуется праксиологией). Во-вторых, эффективность не сводима к привычному значению этого слова, которое умаляет первоначальный смысл, происходящий от латинского *ex facere* – «делать». «Производить эффект» – значит быть активным, а не просто подвергаться аффектам. В-третьих, в качестве успешных (либо не успешных) оцениваются не только праксиологические аспекты человеческой деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но и аксиологическая «составляющая» целей человека успеха.

В практике словоупотребления успех иногда не достаточно различается от удачи. Казалось бы, вполне приемлем смысл слова «успех», зафиксированный в Толковом словаре В. Даля: «УСПЕВАТЬ, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого... Успеть куда, поспеть, быть к сроку... Успешное дело, с успехом, удачное. ...Успешник – успешный делатель, у кого работа спорится». Но отражено ли здесь различие между успехом и удачей? Подразумевается ли, что успех – это то, что человек достиг именно собственными усилиями, а не благодаря стечению обстоятельств? Равны ли успех и удача этимологически?

При этом речь идет не о чисто академической проблеме, не о спорности словарных дефиниций. В современной отечественной ситуации запрос на идею успеха

нередко трансформируется в коллективистскую устремленность к различным версиям социального утопизма, в люмпенизированный миф об успехе как беспроигрышной ставке в жизненной рулетке. Миф, которого не чураются и другие слои общества, прежде всего те, что называются «новыми русскими» – не только в бизнесе, но и в политике, не только в публичной, но и в частной жизни. «Госпожа Удача» – весьма распространенная метафора успеха и для «антилюмпенов» – части современной элиты. И не в дополнение к успеху, а вместо «Господина Успеха».

Широкую распространенность «заражения» психологией и этикой жизненной рулетки и доказывать не стоит. Не о том ли свидетельствует абсолютный триумф телелотерей, возбуждающих жажду сорвать приз на «поле чудес», поймать «счастливый случай», не прозевать «час фортуны» и т.п.? И этот паллиатив – «удача» вместо успеха, ожидание «дара судьбы», стремления «поймать шанс» вместо того, чтобы сотворить его собственными усилиями и достижениями – продолжает культивироваться. Причем в контексте сильно выраженных в обществе патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений, подкрепляемых регулярно возникающей ситуацией вероятности смены собственно реформаторских ориентаций на «стабилизационные».

В то же время «модель удачи» не исчерпывается простой надеждой на случай, упованием на благоприятное стечение обстоятельств. Дело еще и в том, что ключевые в характеристике ценности успеха понятия «выиграть» и «проиграть» утрачивают в этой модели один из своих важнейших смыслов – экзистенциальный, согласно которому «неудачники», «проигрывающие» не избегают личной ответственности, а «рожденный выигрывать» – это не тот, кто заставляет других проигрывать, но тот, кто принимает на себя ответственность за собственную жизнь, за свой успех и свою же неудачу: он может терять почву под ногами, терпеть неудачу, но не разыгрывает из

себя беспомощного, не играет в обвинения, отстаивает право на собственное решение.

«Модель удачи» принимает и вид конкуренции такими «достижениями», которые иррациональны как по целям, так и по средствам. Переносимая из прежних эпох такая стратегия, вполне естественная для условий не-свободы, прямо противостоит «модели успеха», воплощенной в рациональных достижениях, предполагающей этос свободного выбора, самонахождение стратегии ответственности.

Соотношение успеха и удачи как одну из важных линий в характеристике ценности успеха можно рассматривать в нескольких аспектах. Возможна трактовка удачи как такого успеха, который не является ни плодом свободного выбора, намеренности субъекта, ни результатом эффективной реализации его достигательной ориентации, а возникает как объективное стечение обстоятельств, как фортуна и т.п. В этом случае для разведения понятий «успех» и «удача» подходят характеристики «обретший» и «сподобившийся». В то же время удача вполне может быть и моментом успеха: удача «находит» человека, стремящегося к успеху. В свою очередь, неудача может трактоваться как плохое стечение обстоятельств, упущенный шанс. А может – как итог намеренного и принципиального уклонения от ориентации на успех, от стратегии успеха.

СОСТОЯВШИЙСЯ человек (по Далю: «Состояться, исполниться, сбыться, свершиться») – такая характеристика является важной гранью образа человека успеха. В том числе – успешного профессионала, который, не сблазняясь манящей славой шумного успеха, именно своими достижениями заслужил право именоваться таким эпитетом. И в этой оценке не обязательны ни «счастливый случай», чудотворное везение, ни проворная погоня за славой. Хотя распространенный тезис о том, что Америка – это страна «шумного» успеха, а Россия якобы – страна успеха «бесшумного», вполне спорен. Скорее и

там, и тут «шумят» нувориши, люди, еще не уверенные в прочности своего положения. И все же если успех – не обязательно тот, от которого голова кругом, то сама по себе «тихость» – еще не обязательно именно успех. Важнее то, что успех является уделом личного выбора и ответственности.

Состояться – значит успеть состояться. Если вспомнить еще раз Толковый словарь В. Даля, то в нем можно вычитать формулу «успешен тот, кто успел». Не следует ли из того, что тот, кто «успел», чуть ли не автоматически заражен психологией временщика? Как раз напротив, успех состоявшегося человека долговременен, он несет свои идеи и цели всерьез и надолго.

Успел достигнуть чего? Желаемого? Всего, что желал? «По жизни», видимо, так и есть: построил дом, посадил дерево, вырастил детей – жизнь состоялась. Но характеристика «состоявшийся» в отношении человека успеха может повлечь за собой что-то принудительно фиксированное и привести к пренебрежению мировоззренческим содержанием успеха. «Успеть» в чем? В исполнении призвания. В чем, например, может состояться успешный педагог? В личностях учеников. Возможно, они преуспеют в жизни больше, чем их учитель, но от того, что ученики оказываются сильнее его, мудрее его, умнее его, он испытывает радость.

Когда мы пользуемся понятием «состоявшийся человек», то чаще акцентируем социально-публичный план. Но предметом достижения могут быть и самовоспитание, и саморазвитие. Стремление к успеху может воплощаться и во внешне незаметных задачах, решая которые человек совершенствует себя. Герой повести Д. Гранина профессор Любищев сам себя оценивал неудачником, но и при этом чувствовал себя счастливым человеком. Возможно, от полноты самореализации, осуществления себя.

ПОНИМАНИЕ феномена успеха предполагает обращение к его символам. В достижительной цивилизации

деловой и жизненный успех часто отождествляются со стяжанием личностью богатства, главным образом в его денежной форме или в соответствующих эквивалентах. Чаще всего – это обретение политической власти, могущества или высокой оплаты труда, престижа или славы в результате бюрократической, политической, религиозной, военной, артистической, спортивной или иной некоммерческой карьеры.

«Деньги. Статус. Слава». Пожалуй, нигде, кроме как в Америке, отождествление успеха с этими символами не приобрело столь очевидного и даже гротескного характера. Там возник настоящий культ успеха и, как замечают исследователи, американцу гораздо проще установить, чего он достиг, чем выявить, кем он является (стоит отметить, что некоторые исследователи русского национального характера полагают, что русский мыслит прямо противоположно: ему не очень важно, чего он достиг, но он хочет понять, кто он есть). Пусть это кажется наивным и излишне прямолинейным, с точки зрения, допустим, европейца, но успех за океаном означает умение «делать деньги», и постоянно озабоченный реализацией этого умения человек обязан обратить их затем в статус, аккумулировать в престиже, популярности, на что тоже требуются особые умения по части эффективного использования денег, мастерства их инвестирования в систему культурной символики.

В таком подходе успех неумолимо объективен и даже безличностен. Он регистрирует изменения на шкале статусных рангов общества посредством неравномерного распределения благ всякого рода. При этом успех означает не просто состояние «быть богатым» или же «быть знаменитым» (предположим, получить все это по наследству или в качестве щедрого дара – здесь лучше подходит понятие «удача»), а именно самому добиться и того и другого, собственными усилиями взобраться на верхние ступени лестницы социального продвижения (взлететь с помощью «стратификационного лифта»).

Однако мало ограничиться простой констатацией восхождения по ступеням богатства, карьеры, известности, шире – восходящей социальной мобильности. Успех обязательно должен быть признан другими, обрести сертификат общественного одобрения и признания. В том числе в масштабах локальных пространств и организаций, корпораций, учреждений, служб или рассеянных профессиональных сообществ, одобрение со стороны которых не всегда имеет широкий резонанс в общественном мнении и тем более не всегда располагает скоординированной денежной формой выражения. Но не меньшую роль может играть трудноисчислимое вознаграждение уважением, профессиональным признанием у коллег и потребителей профессионализированных услуг (авторитет юриста, врача, ученого, инженера, менеджера и т.п.), что укрепляет достоинство личности, усиливает чувство самоуважения.

При всей объективности успеха, измеряемого по подвижной шкале разнокачественных критериев достижения, он вместе с тем и относителен. Более того – во многом субъективен. Относителен в том смысле, что определяется через механизм социального сравнения с другими лицами, добивающимися успеха (конкурентами, соперниками, претендентами, соискателями и просто друзьями, знакомыми и соседями). Этот незримый, но чрезвычайно существенный механизм действует через постоянное сопоставление рангов и институций, которые предоставляют такой ранг (одни из них более престижны и значимы, другие – менее), через сравнение публичного признания на разных поприщах достижения, включая и сферу потребления.

Если эффективность и результативность вполне измеримы, то успех и подвластен, но, одновременно, и неподвластен измерениям с помощью объективных критериев. В нем всегда пульсирует сильно выраженное субъективное начало, некий порыв (в оценках, в самооценках, в сопутствующих образах и представлениях). Он

определенным образом вписывается в биографические лоции жизненного пути личности, используется «только для себя», что придает всей проблематике успеха экзистенциальный смысл.

Такие представления и оценки, понятно, решающим образом зависят от общего социокультурного контекста. Он просто не может не подталкивать личности, группы (команды) и организации к достижению положительных результатов их деятельности, к так или иначе поддающимся демонстрации достижениям, успехам. Притом социокультурная среда может влиять на достигательную деятельность либо вяло, либо энергично, может сопровождать ее знаками престижа, перемещениями рангового характера, помещая ценности успеха поближе к эпицентру аксиологической Вселенной или же смещая их куда-то на ее периферию. Эта среда может влиять – инерциально или артикулированно – на достигательную ориентацию, требовать либо мультипликации каких-то однажды обретенных положительных результатов (традиционные социумы), либо, побуждая и даже провоцируя на рискованный поиск новых достижений, выхода на новые рубежи (цивилизация не просто самообеспечения, а развития, технической экспансии, «покорения» природы). Она способна множить образы успеха, оснащать его модели особенно призывными символами и формулами, высказывая почтительное внимание к частностям «успехологии», к деталям и орнаментам моделей успеха, привлекая повышенный интерес к, условно говоря, инфрауспешности и ультрауспешности. И притом обязательно вписывая все грани успешности в этнонациональную ментальность.

Эта ментальность влияет на тот или иной способ разрешения напряженного противоречия между социокультурным, коллективно-массовым пониманием успеха в материальных терминах (богатство, транспонированное в статус, в известность), успеха, измеряемого по совокупности некоторых вполне исчисляемых и демонстрируемых критериев, – и личностным пониманием успеха в ду-

ховных терминах, выраженным с помощью не всегда поддающихся замерам и зрительскому предъявлению субъективных критериев, таких, как самоотдача, служение людям, душевный покой и т.п.

СФЕРЫ ЖИЗНИ, в которых человек хочет и может преуспеть, многообразны. Наиболее очевидны такие сферы (виды) успеха, как жизненный, деловой, профессиональный. Правда, их соотношение не столь очевидно, особенно в нашей отечественной ситуации.

Представления о жизненном успехе во многом связаны с возможностью и необходимостью выделения его «главного содержания». Большинство людей колеблются при ответе на вопрос: что в жизни они считают важным? Стремясь помочь им, исследователи и авторы популярных работ напоминают о том, что не только понятие «успех», но и понятие «жизнь человека» многослойно, включая деятельность трудовую и общественную, политическую и культурно-бытовую, личную жизнь и т.д.; советуют человеку, стремящемуся к успеху, соотносить это стремление с такими областями жизни, как здоровье, актуальная финансовая ситуация человека; семья, друзья, партнеры; возможность заниматься интересным делом; ощущение успеха и т.п. Но если представления людей о «главном в жизни» весьма различаются, возможно ли объективно «главное содержание» и, соответственно, «главный успех»? В обсуждении этого вопроса нередко возникает такой «ход»: нельзя ли обойтись без «главного содержания» жизненного успеха и при этом не уйти от субъективно принимаемых и общественно одобряемых критериев?

Для нашей отечественной ситуации до сих пор скорее важен вопрос о преодолении скептического, а то и вовсе негативистского отношения к самой теме жизненного успеха. Очевидно, что закон успеха Паркинсона, трактуемый автором через «умение жить», для еще недавно доминирующей отечественной идеологии звучал скорее как «антизакон». Сегодня мы еще только начина-

ем привыкать, что для морали гражданского общества раскавыченные слова «умение жить» избавляются от казавшейся обязательной трактовки в духе сугубо циничной, откровенно эгоистической стратегии жизненного успеха и в действительности связываются прежде всего с мерой овладения человеком наитруднейшим из искусств – «искусством жизни». Привыкаем, но с трудом.

Желая выделить из интегрального понятия «жизненный успех» понятия «делового» и «профессионального» успеха, стоит прежде всего отметить асимметрию последних, распространенную в современной отечественной практике. Как отмечают исследователи, превращение денег, видимого богатства из фактора, сопутствующего успеху, в фактор, определяющий успех, а с ним и моральное самочувствие и положение в обществе, провело резкую черту между «деловым» и «профессиональным» видами успеха, за которой значимость профессионального успеха явно принижена.

Разумеется, эта ситуация не отменяет полноценного значения делового успеха как такового, природа которого наиболее выразительно проявляется не только в деятельности хозяйственной (труд вообще, предпринимательство особенно), но и в политической жизни, в управлении, в комплексе социально-педагогической деятельности и т.д.

Характеристика современной цивилизации как цивилизации достижений, акцентирование в такой цивилизации места ценностных ориентаций на деловой успех, значимая роль конкурентных, соревновательных и кооперативных начал в т.н. обществе развития и риска возвышают служение Делу и ответственность перед ним. Дело неразрывно связано с генезисом профессии, с профессиональным Призванием, так как из этой лакуны прежде всего и вырастает этика делового успеха. Исследование российской модели делового успеха – особая задача, но уже сейчас несомненно, что невозможно эту модель вырвать из общецивилизационного – исторического и со-

временного – контекста. Этот тезис относится как к классическим, так и к неклассическим идеализированным моделям успеха, как к локальным (национальным и региональным), так и к универсальным.

Современные отечественные модели делового успеха наследуют дооктябрьскую и советскую традиции. Поэтому важно понять нарождавшиеся в дореволюционной России модели успеха, в том числе философию хозяйствования в контексте различных этноконфессиональных культур. Мало изучены и противоречивые ориентации на Дело в границах советской истории: с одной стороны, они связаны с культом пассивной исполнительности, с другой – с активистскими идолами успеха. Но это только полярные позиции, не исчерпывающие всего континуума. Среди его важнейших моментов – идеологемы коллективного успеха и место индивидуалистических моделей в патерналистски ориентированном обществе. Многого мы не знаем о «науке успеха» в административно-командной системе. О мифологии бесчисленных починов, о морализаторском кретинизме официальной идеологии успеха, о нравственных коллизиях «бескорыстных преступников», о конфликтах «нового освоения» и т.п.

Нормально устроенное современное общество выдвигает ценность профессионального успеха в число наиболее значимых социокультурных установок человека. В таком обществе профессиональный успех выступает не только универсальным критерием оценки любой личности, но и универсальным социопсихологическим мотивом и первоосновой для полновесной самоидентификации мобильной личности.

В отечественной ситуации и сегодня «профессионализм» и «успех» – понятия, которые мы в их отдельности столь часто и с такой непринужденной легкостью используем в обиходной речи, в своем сочетании нередко воспринимаются как чуждый нашему уху языковой феномен. Возможно, причина этого в том, что достижение профессионального успеха хотя и рефлексировалось в «совет-

ском» обществе даже в качестве витальной ценности, но сопровождалось таким количеством социальных преград и табу, что этот, вполне нормальный для цивилизованного общества, смысложизненный идеал был подвергнут кардинальной гиперсоциализации и, в конечном счете, выродился в причудливый этатистский псевдоканон, лишенный как метафизических оснований, так и всякого смысла для приватной жизни людей.

Критерии профессионального успеха формировались не в профессиональных сообществах, а спускались как бы «сверху» и «по инстанциям». Стандарты успешного профессионализма были, во-первых, заниженными (условно говоря, довольствовались «тройками», даже не «четверками»), что обуславливалось экстенсивностью модернизационных процессов и разрывом традиций интеллектуализма. Во-вторых, эти стандарты были сугубо эзотеричными, но никак не универсальными, и аккумуляровались они в области «государственного человека», лояльность которого к власти и господствующей идеологии была условием куда более значимым, чем любые имманентные и эксплицированные достоинства его профессиональной культуры. Отсюда и индивидуальный успех оценивался подчас с неизменной оглядкой на мнение тех, кто отвечал за «здоровый дух» в обществе, а в народном мнении иногда воспринимался в категориях несправедливого и незаслуженного возвеличивания одной личности над остальными. В результате тот, кто и заслуживал высокой оценки с точки зрения профессиональных успехов, всячески старался свои успехи не очень-то демонстрировать, а тот, кто праведными и неправедными путями все же умудрялся снискать (объективно незаслуженно) такой оценки у власть предержащих, чаще всего не получал апробации этой псевдооценки в своем профессиональном окружении. Словом, смысл и значение понятия «профессиональный успех» если и не были кардинальным образом окончательно извращены, то, фактически, всегда «симулировались» как в рамках всего об-

щества, так и в узколокальных профессиональных кругах. Естественно, что долго так продолжаться не могло.

Вряд ли кто усомнится в том, что трансформация сегодняшнего российского общества представляет собой нечто большее, чем деформацию старого «советского» общества, хотя, видимо, еще долго будет реализовываться стратегия именно деформации. По крайней мере до тех пор, пока самым принципиальным образом не начнется переоценка ценностей и культурных стереотипов, бытующих в нашем постсоветском пространстве. И этот процесс уже идет: общество действительно обретает новое качество, мало-помалу освобождаясь от незатребованного современными условиями «старого» культурного багажа. Вполне вероятно, что реабилитация ценностей успешного профессионализма станет в этом процессе одним из приоритетных направлений.

ЭТИЧЕСКОЕ акцентирование успеха как ценности – этика успеха – предполагает, во-первых, особое внимание к выбору ориентации на достижение как к моральному выбору: само стремление к достижению нравственно значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора.

С одной стороны, признаком свободы такого выбора является возможность отношения к успеху как к смыслу и значению, долгу и ответственности, морально возвышенной жизненной цели, образу «плана жизни», тому, что вдохновляет человека. Разумеется, повседневный опыт нередко показывает, как стремление к успеху вполне может оказаться и отлученным от смысложизненного измерения, начисто лишенным метафизичности. Но предельное обобщение этого факта будет, в лучшем случае, заблуждением неведения, ибо успех вполне может и должен быть рассмотрен как своеобразное решение метафизических проблем – смысла жизни, призвания, служения, ответственности и т.п. Потребность быть сопричастным тому, что придает смысл человеческому существованию (идея, вера, дело, дети... – «дом души» у каждого свой), и

в этой сопричастности не быть забытым, потерянным, а быть замеченным, именованным, окликнутым и тем самым и выделенным, признанным – дает основание говорить, что и сам смысл жизни, в свою очередь, может быть рассмотрен как выражение представлений об успехе. Разумеется, возможен и необходим разговор о разных пониманиях самого смысла жизни, но не правомерен тезис о безразличии к нему этики успеха. Ценность успеха прямо связана с проблемой «во имя чего».

Как известно, М. Вебер выделил три «картины мира» и три способа отношения к миру, которые определяют направленность жизнедеятельности человека, вектор его социальных действий. Первый способ он определял как приспособление к миру, второй – как бегство от мира, третий – как овладение миром. Конечно, при желании и в первой, и во второй установке можно отыскать место для понятия «успех» – как достижения в процессе приспособления к миру или бегства от него. Но это – лишь формальный метод использования понятия. По существу дела ориентация на успех возможна лишь в рамках третьей «картины мира» и установки на овладение миром – активистской ориентации, побуждающей к деятельности «в миру» (по Веберу – «внутримирская аскеза»).

В то же время признаком свободы мировоззренческого выбора ориентации на успех является и рациональное отношение к венчурному – в моральном смысле – характеру такой ориентации, к ее амбивалентности, порождающей моральные дилеммы успеха, атрибутивные моральные конфликты достигательной деятельности и поиск способов их разрешения. По поводу дилемм, типологию которых еще только предстоит разработать, следует сделать два замечания. Во-первых, само по себе эмоциональное проклинание «Ее Сучьего Величества Успеха» является подходом поверхностным. Плодотворнее – рациональное понимание природы моральной конфликтности идеи успеха. Во-вторых, эти дилеммы не мо-

гут быть разрешены в манере легендарного решения царя Соломона разделить ребенка между двумя претендентками. Неприемлемо и ригористическое отношение к самому факту существования дилемм. Да, люди с авторитарным складом мышления всегда считают дилеммы нетерпимыми. Но ведь дилеммы обязаны своим существованием именно самому наличию выбора в свободном обществе.

С другой стороны, невозможно – и нет необходимости – изъять ценность успеха из всего диапазона мировоззренческих альтернатив морального выбора, составляющих в своей совокупности ценностный контекст гражданского общества: этика долга и этика любви (с их специфической артикулированностью в отношении ценности успеха); стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией, в том числе стоицизм с установкой на деяние без надежды на успех; квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п. Поэтому существенная грань свободы выбора – моральная свобода уклонения от ориентации на успех. Идея признания права на иные жизненные пути, выбора своего направления в жизни является базовой в этике успеха.

Этика успеха культивирует чувство гордости за достигнутое. Это – естественное и живительное чувство, оно имеет бесспорную общественную значимость, поддерживает в человеке сознание собственного достоинства и чувство независимости. В стране с долгим засилием патернализма поддержка такого чувства особенно важна. Но этика успеха культивирует и меру этого чувства. Поэтому значимая роль этики успеха – решение ею проблемы взаимоотношений человека успеха и носителей иных ориентаций. Этика успеха не только ориентирует на достижения, но и запрещает любые проявления бесчувственности, черствости со стороны «достигших» по отношению к «отставшим» или сошедшим с эскалатора социального восхождения, осуждает высокомерное отноше-

ние людей успеха «первого разряда» к «безразрядным» – пока не замеченным и не признанным. При этом напоминая, что чувство мнимого морального превосходства взбравшихся на вершину успеха и снисходительно поглядывающих на тех, кто отстал или вовсе «застрял» у подножия этой заманчивой вершины, провоцирует столь же опасное для состояния общественных нравов чувство зависти, злорадства при любых неудачах людей успеха.

ЭТИЧЕСКОЕ акцентирование успеха как ценности – этика успеха – предполагает, во-вторых, особую заботу о том, чтобы соотношение целей и средств в достижительном процессе соответствовало моральным требованиям.

Деятельность по правилам честной игры – так можно коротко определить задачу кодекса человека успеха. Субъекты амбициозные, инициативные, предприимчивые, рискованные, обретающие ничем не заменимую радость в погоне за достижением, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными ими самими же избранным Планом жизни, личным Призванием – герои этих правил.

Речь идет не просто об инструментальных правилах игры на рынке, в политике, в профессиональной деятельности, а именно о правилах честной игры, следование которым предполагает и требует добродетелей партнерства, честности в отношениях между участниками игры, верности обязательствам и т.п. Эти правила табуируют неразборчивость в средствах конкурентной борьбы (меры против недобросовестной конкуренции во всех сферах деятельности), игру на грани фола. Они предполагают совмещение конкурентного потенциала в борьбе за успех – с потенциалом кооперативным, рыночной ориентации на свободную конкуренцию – с ориентацией на добровольное ограничение экономического поведения, преодоление его социально оскорбительных форм и т.п.

Вместе с тем правила честной игры вовсе не носят ханжеского характера, не накладывают вето на хитроумные комбинации в рыночной и политической игре, не запрещают маневрирования, умалчивания о замыслах обманных движений, не осуждают стремления участников игры представить себя в выгодном свете. Иначе, не запрещают всего того, без чего игра – не игра, без чего трудно представить себе путь к успеху в ней, что делает этику успеха реалистичной, а не декларативной.

При этом природа «правил честной игры» далеко не так инструментальна, технологична и гиперконвенциональна, как это нередко кажется. Такие правила – отражение фундаментальных условий культуры достижения. И в ситуации делового успеха, и в ситуации успеха жизненного правила честной игры не просто «профилактируют» недостойные средства борьбы за успех, но и мотивируют самую ориентацию на успех как служение.

Глава 6 «ЭСПРИ ДЕ КОР»

КОРПОРАТИВНОСТЬ, «дух» и «правила игры» корпорации – ценность гражданского общества, ядро нормативно-ценностной системы корпорации как особого социального института. Природа этого института, на первый взгляд, кажется достаточно очевидной (при всей разнице между, например, предпринимательской корпорацией, с одной стороны, университетом – с другой, профессиональной ассоциацией – с третьей): относительно замкнутая ассоциация, на определенных условиях выражающая интересы своих членов, увеличивающая индивидуальные возможности и шансы индивида на успех и защищающая их. Развитие корпораций – характерная черта гражданского общества, которое, как отметил еще А. де Токвиль, представляет собой огромное количество разного рода ассоциаций. Создавая их на основе взаимных соглашений для выполнения тех задач, которые нельзя выполнить в одиночку, люди учатся совмещать свое понимание частного интереса с общественными добродетелями. В этом смысле корпоративность – один из эффективных способов рационального сочетания индивидуализма и солидаризма.

Как и многие другие феномены гражданского общества, корпоративизация является одновременно предметом и пафосной апологии, и острой критики³⁰. Проявление

³⁰ См.: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo vadis? М., 2003; Дух корпорации // Этика успеха. Вып.4. Тюмень-Москва, 1995; Дух образовательной корпорации // Ведомости. Вып.1. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Ленк Г. Проблемы ответственности в этике, экономике и технике // Вопросы философии. 1998. № 11; Незримый колледж успешных профессионалов // Ведомости. Вып.2. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Становление духа корпорации: правила честной игры для сообщества журналистов. М., 1995; Становление

ния последней могут быть и весьма поверхностными (категорическое отождествление с мафией, например), и весьма глубокими (например, акцентирование исторической связи феномена корпоративизации общества с тоталитарными режимами и современных проявлений корпоративизма как «локального тоталитаризма»). В известной статье Умберто Эко на тему наступления «Нового Средневековья» речь идет о возрождении корпоративных социальных структур. А в качестве одного из мотивов появления биоэтики указывают на необходимость противостояния корпоративным нормам медиков.

Но что несомненно – предметом взвешенного критического анализа, тем более в противоречивой ситуации становления гражданского общества в России, должны быть моральные риски культивирования корпоративности, риски пренебрежения ее нравственными оппозициями, риски превращения корпоративного этоса в патос, корпоративности как ценности в антиценность. Так, например, являясь одним из эффективных способов сочетания индивидуализма и солидаризма, корпоративность несет в себе как тенденцию к групповой сплоченности, так и риск подавляющей индивидуальность «стадности» (корпорацию нередко называют «второй семьей»); вполне понятная и оправданная ориентация на защиту групповых интересов может обернуться групповым эгоизмом, противопоставлением частных интересов универсальным интересам общества; необходимая для саморегулирования корпораций тенденция к созданию корпоративных

духа университета: опыт самосознания. Тюмень, 2001; Согомонов А.Ю. Текст корпорации: успешность приспособления // Этика успеха. Вып. 2. Тюмень-Москва, 1994; Согомонов А.Ю. Текст корпорации: «страх успеха» или «дух сотрудничества»? Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003; Перегудов С.П. Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический? // Полис. 1997. № 2; Простаков И. Корпоративизм как идея и реальность // Свободная мысль. 1992. № 2; Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2.

этических кодексов нередко обращивается беспередельной пафосностью и фальшивостью т.н. «корпоративного духа», который в таком случае сводится к далеко не добровольным этикетным требованиям, ритуалам, гимнам и т.п.

ДЛЯ ПРОЯСНЕНИЯ смысла понятия «корпорация» важно иметь в виду, что корпорации существуют в общественном организме не сами по себе, подобно изолированным телам, но всегда оказываются «подсистемами» большой социальной организации, как нечто встроенное в нее. Это позволяет понять явление корпоративизма в его развитии.

Прежде всего уместно вспомнить, что термин «корпорация» родом из эпохи западно-европейского Средневековья. Им обозначались смешанные сословно-профессиональные организации (ремесленные цеха, торговые гильдии, студенческие, врачебные, артистические братства и т.п.). В этих организациях общинные отношения вытеснялись неродственными и несоседскими, а им сопутствовали конформизм, властные иерархии, разноуровневые интересы. Здесь зарождались поведенческие нормы, обращенные вовне, – чтобы поддержать моральный престиж корпораций в обществе, а также нормы, регулирующие внутрикорпоративные отношения, которые, как правило, сводились в кодексы, уставы и сопровождались соответствующими «клятвами» на верность. В России такие корпорации не получили развития и оказывались всецело зависимыми от корпорации-государства.

Корпорации Нового времени представляли собой некое ограниченное число принудительно сформированных ассоциаций, которые монополизируют представительство различных групповых интересов перед государством, перед отдельными его институтами. А те, в свою очередь, предписывают корпорациям исполнение тех или иных функций.

Иное дело либеральные цивилизации, где корпорации представляют собой добровольные общественные

объединения. Свободные и равноправные ассоциации сотрудничают и конкурируют между собой, вступая в слабоинтегрированные отношения с государственными структурами. Они располагаются в пограничной полосе между гражданским и политическим обществом, служат одним из каналов взаимодействия этих относительно самостоятельных миров. В таких корпорациях человек принадлежит самому себе, а не закабален навязываемой ему извне корпорацией, через которую он оказывается зависимым от государства. Корпорация только защищает его и усиливает индивидуальные возможности в системе высокоорганизованного общества.

В нашем отечественном опыте нередко встречаются расширительные версии понятия «корпорация». Например, им произвольно именуют обычные производственные структуры, упорядоченные в матрице типа «трудового коллектива». Так, в советские годы трудовые коллективы выдавались за корпорации, хотя этим термином и не пользовались. Но что дает такая смена вывески, кроме ложного ощущения продвижения в какую-то неведомую эпоху?

Согласно другой расширительной версии, корпорация характеризуется достаточно сложной организацией, ориентированной на достижение какой-либо заранее фиксированной цели, что требует согласования действий членов этой организации, осуществления функции управления и, стало быть, подготовленного персонала. Однако, хотя в корпорациях действительно выражен определенный организационный эффект, далеко не всякая организация и не любая автономная группа могут быть названы корпорацией.

НА ЧЕМ ЦЕЛЕСООБРАЗНО сфокусировать внимание при употреблении понятия «корпорация»? Использование этого термина эффективно скорее тогда, когда им обозначаются ассоциации с консолидированными интересами, и не сами по себе, а в их взаимодействии с государством, или же друг с другом – но в связи с государст-

вом, его отдельными институтами. Причем и в этом последнем случае – по линии взаимодействия с государством, отдельными его институтами – внимание должно быть обращено на отличия таких ассоциаций от неорганизованных (дисперсных) интересов, не имеющих представительства на государственном уровне. Таким образом, речь идет не просто о каком-то внешнем воздействии на государство и его институты, как это происходит, скажем, при влиянии политических партий, движений, отраслевых или региональных элит, так называемых «групп давления», различных лоббирующих команд и т.п. Речь идет о соучастии корпоративных ассоциаций в управлении с вытекающими отсюда вполне осязаемыми обязательствами данных групп перед государством. Тем самым государственное управление не замыкается в самом себе, а, напротив, в той или иной степени вовлекает (инкорпорирует) в этот процесс всевозможные влиятельные общественные институты.

Прежде всего здесь имеются в виду организованный бизнес (концерны, консорциумы, холдинги, олигополии и т.п.) и профессиональные ассоциации (судейские коллегии, научные сообщества, журналистские корпорации, объединения офицеров и др.). В этот последний список входят также организации, занятые «производством» профессионалов, их соответствующим образованием и воспитанием.

Благодаря такому представительству государственное управление не замыкается в самом себе, а, напротив, как бы размыкается, в той или иной степени вовлекая, инкорпорируя в этот процесс всевозможные влиятельные институты гражданского общества, где минимизированы отношения подчинения и преобладают товарищеские связи, отношения подопечности.

То обстоятельство, что корпорации усиливают индивидуальные возможности в системе отношений высокоорганизованного общества, позволяет понять мотивацию добровольного объединения или вступления в кор-

порации и, естественно, мотивацию столь же свободного «выхода» из нее. Конечно, для корпорантов существует немало способов обрести, сохранить и даже развить свою индивидуальность и вне корпораций, на уровне анонимной макросреды, но корпоративное бытие оберегает свободу от множества факторов, покушающихся на нее, используя для этого механизмы формальных прав, всевозможные уставы, договоры, регламенты, дозвоительно-запретительные кодексы с обязательно-притязательными характеристиками.

БОЛЕЕ или менее длительное существование корпораций приводит к возникновению не менее существенной, чем материальные соображения, силы – «духа корпорации», «эспри де кор». Можно сколь угодно «ассоциировать», например, бизнесменов или профессионалов любого профиля, но «на выходе» вдруг обнаружится лишь механическое соединение лиц и интересов, шаткие агломерации или конгломерации, но вовсе не то, что с полным правом именуется корпорацией. И так будет обстоять дело до тех пор, пока не возникнет таинственное «склеивающее» вещество духовного свойства.

«Эспри де кор», «склеивающее вещество», имеет, прежде всего, этическое измерение с сильно выраженным акцентом на представлениях об общей судьбе корпорантов, их взаимной ответственности, призвании (которое, по словам поэта, есть «влечение, род недуга»), товарищеской солидарности. Однако те, кто пишут о корпорациях в России, довольно часто обходят эту тему стороной, хотя, казалось бы, именно в России об этом и надлежит говорить в первую очередь – с учетом отличий «духа корпорации», который сложился на базе англосаксонского индивидуализма или традиционного германороманского корпоративизма.

На первый взгляд, рассуждение о «духе корпорации» напоминает «дух трудового коллектива». Но только на первый взгляд. Достаточно вспомнить, что «индивидуализм» использовался в качестве бичующего идеологи-

ческого ярлыка, а «коллективизм» предполагал методы принудительного укоренения, которые ведут к обезличиванию, к атрофии личностной автономии и ответственности (кем-то было очень точно замечено, что человеку можно было дать все, кроме одного: права что-то делать сознательно, даже поддерживать советский строй; все делалось за него, и такая субкультура еще не преодолена, а без ее преодоления не может вырасти гражданское общество), к подавлению независимого мнения и поведения.

Можно вводить и исчислять коэффициенты сплоченности трудового коллектива, однако все это весьма далеко от свободного «духа корпорации». Дело в том, что «дух трудового коллектива» и ему подобных коллективов выводит на передний план патернализм, привязанность к государственному опекунству, делает ставку не столько на производственные или творческие достижения, на эффективность и успешность деятельности (хотя имели место и вполне реальные ординарные и даже выдающиеся достижения отдельных объединений), сколько на распределительные калькуляции. Такой «дух» выводит не столько на самостоятельность корпорантов и их социальную ответственность, сколько на конформизм, долг бездумного повиновения и ответственности по начальственной вертикали.

В то же время можно сказать несколько слов и в пользу трудовых коллективов. Они были (и во многом продолжают еще оставаться) частями гигантской государственной структуры, «лицензированы» государством и пребывают под недремлющим оком его институционального и политического контроля. Но за коллективом уберегалось «право» (по обычаю) выторговывать льготные условия при распределении ресурсов и статусов, минимизировать произвол властей. И в меру успешности таких согласований, обменов, постоянно возобновляемого торга между руководством и массой формировались

изолированные островки гражданского общества, прообразы, силуэты корпораций.

«ДУХ КОРПОРАЦИИ» не витает в заоблачных высях, в атмосфере отвлеченных идей, а вполне зримо и весомо воплощается в нормах и правилах корпоративной этики, профессионального призвания и ответственности, в правилах «честной игры» и т.п. Точнее говорить даже не об «игре», а об «играх», поскольку различаются правила взаимодействия, во-первых, между правовым государством и автономными корпорациями, во-вторых, между однородными и разнородными корпорациями, в-третьих, между корпорациями и группами с неорганизованными интересами и, в-четвертых, существуют правила внутрикорпоративной игры. Чаще все эти правила сведены в более или менее четкие профессиональные поведенческие кодексы, которые предусматривают как собственно моральные, духовные, так и административные санкции.

Эти правила, впитавшие в себя «дух корпорации», не только содействуют удовлетворению групповых интересов, но и нацелены на подавление фурий корпоративного эгоизма (Дж. Ролз называл его проявления «пороками ассоциаций», хотя интерпретирует сами ассоциации предельно расширительно) с его желанием гарантировать себя от испытания риском, стремлением получить побольше различных благ и поменьше их отдать, прибегая в массовых масштабах ко всякого рода нарушениям отчетности, подтасовкам, искусству лакировки, поспрашиванию «большого» и «малого» законодательства, пренебрежению экологическими запретами и т.п. Поэтому на защите общественных интересов и общественной морали от корпоративного эгоизма стоят системы представительной власти, противовесы в виде оценок общественного мнения и суждений независимых средств массовой информации.

ЯСНО, что сегодня мы еще не живем в мире свободных корпораций, оснащенных столь же свободными противовесами, и нас пока не осеняет «эспри де кор». Но

надо принять во внимание незавершенность переходных процессов в России и их значительную искаженность. Так или иначе, в посттоталитарную эру общество успело утратить былую безмерную централизованность, плотную интегрированность и незыблемость принципа неделимости властных полномочий. В значительной степени оно уже перестало быть «суперкорпорацией».

Группы консолидированных интересов уже смогли укрепиться, но вместе с этим усилился групповой эгоизм отраслей и ведомств, а также территорий. С ним связана опасность «неофеодализации» общества, когда в корпорациях власть концентрируется в узких элитных кланах и все остальные спешат укрыться под их покровительством, соглашаясь на принятие ценностей вассалитета, а не ценностей демолиберального типа. Не заработали в полную силу ингибиторные факторы подобного эгоизма. С другой стороны, проявился новый фактор: слабoreгулируемый рынок, подготовленный его предтечей – рынком «административным», «бюрократическим». С ним прямо или косвенно связаны такие позитивные моменты, как образование предпринимательских корпораций либо путем объединения малого и среднего бизнеса, либо путем многоступенчатой трансформации «брежневизированных» отраслей и ведомств, отдельных их звеньев в предпринимательские корпорации различного типа. Усилились также позиции профессиональных союзов как особого вида корпораций, еще совсем недавно бывших сателлитными, «ручными» для тоталитарной власти. Появились и иные виды корпоративности, в том числе путем реставрации прошлого (например, казачество).

Роль государства в процессе трансформации общества неоднозначна. Оно стремится «уходя, остаться». Однако в эту запутанную игру вмешиваются обретшие независимость предприниматели со своими планами и интересами, а также и «рядовые производственники», сила которых вовсе не равна нулю. Социологические исследования показывают, что среди предпочтений на первое

место выходит не социальная или национальная идентичность, а именно корпоративная идентичность, поиск защиты интересов с помощью их групповой консолидированности (и прежде трудовые коллективы исполняли ряд функций, которые должны были бы выполнять государство и общество).

Вряд ли правы исследователи, полагающие, что закрытый, келейный характер взаимодействия бизнес-структур и государства служит основным препятствием к становлению подлинно либеральных форм корпоративизма. Действительно, в любом социуме существуют сети неформальных связей, которые накладываются на формально-договорную матрицу корпоративистского соглашения. Но подобная констатация выглядит слабо, ибо у нас подобная практика – не просто некая аномалия, а фактор образования теневых клик финансово-политического характера, препятствующих сепарации власти и собственности, созданию подлинной частной собственности. А без этого условия гражданское общество останется хилым цветком, продуктом административного изобретательства.

Можно предположить, что становление разнообразных корпораций связано с реструктурированием российского общества, в условиях которого снижается значимость прежних структурообразующих критериев. В известном смысле корпоративность служит своеобразным заслоном от нарастающего деструктурирования, атомизации общества. К тому же корпорации сравнительно легко выдерживают смещения силовых факторов от центра к регионам. Главная опасность в этом случае заключается в бюрократизации самой корпоративной жизни. Она, с одной стороны, обеспечивает эффективность и рост корпораций, но и она же, с другой стороны, чревата неэффективными решениями, коррумпированностью, ложными стратегиями развития.

Новые и обновляемые корпорации не успели обрести самостоятельность до такой степени, чтобы у них фор-

мировался свой собственный «дух». Патернализм, прочнейшая привычка жить в условиях распределительно-опекающей системы, уклоняться от риска, связанного с частной инициативой и персональной ответственностью, готовностью примириться с падением уровня притязаний трудящихся, лишь отступили с доминирующих позиций, но оказались еще далеко не сломленными.

Между тем все сильнее ощущается потребность в чем-то «третьем» между частными, групповыми и общественными интересами. Таким «третьим» и должна быть корпоративная мораль, которая сближается и в чем-то сливается с этикой предпринимательства и профессиональной моралью. Но не потому, что все эффективное одновременно становится чуть ли не автоматически нравственным. Нравственное, сопряженное с долговременным, стратегическим, устойчивым, и оказывается залогом успешности.

ВМЕСТЕ с тем важно учесть обострение противоречий между свойствами неизменности, неререформируемости духовных структур поздне тоталитарного общества и начавшимися у нас в стране процессами обновления. Приходится учитывать, что у нас не было и подходящего духовно-нравственного наследия корпоративности на базе англосаксонского индивидуализма или традиционного германо-романского корпоративизма. Поэтому процесс образования корпораций, возникновения корпоративной структуры российского общества обременен негативными аспектами в целом позитивного процесса сегментации общественной нравственности. Именно эти самые негативные аспекты и препятствуют формированию «духа корпораций», складыванию корпоративной этики, которая могла бы служить барьером, во-первых, от реанимации духа номенклатурного бюрократизма во внутрикорпоративных отношениях (не случайно во многих исследованиях специально противопоставляются предпринимательский стиль управления и начальнический корпоративный стиль, ориентация на успех в достижительных измерени-

ях и карьерное понимание служебного успеха) и, во-вторых, от заражения настроениями группового эгоизма.

Пакет «добродетелей» того и другого (верхоглядство, патрониально-клиентельные подходы к деловым связям, готовность пойти на ранговые сделки «верхов» с «низами» в корпорациях, в отличие от недавнего прошлого уже не окрыленных радужными социальными иллюзиями, подмена партнерства безропотным исполнением, минимальная гражданская активность, отказ от нравственного «первородства», т.е. неотъемлемого права на свободный моральный выбор, не предписанной инстанциями суверенности решений и оценок, от измерения внутрикорпоративной политики с помощью нравственных критериев и т.п.) подрывает позиции трудовой и профессиональной морали в нарождающихся корпорациях, способствует спекуляциям на интересах «экономического человека», отлученного от «человека нравственного».

Это стимулирует застарелые пороки иждивенчества и люмпенства. Возникают конфликты индивидуальных интересов и солидаристских ценностей, вертикальной и горизонтальной ответственности за качество продукции и услуг. В результате в корпорациях снижается тонус нравственной жизни. Тяжким испытаниям подвергаются «несущие конструкции» духовной культуры людей, основы аристократизма, «джентльменства» профессионалов – честь и достоинство работников, которых еще нельзя называть корпорантами. Они остаются преимущественно «наймитами», «поденщиками» в конторе, в лучшем случае служащими, так как противоречия между наемничеством (салиариат) и собственничеством все еще очень сильны.

Если отдельные профессионалы-корпоранты за истекшие одно-два десятилетия проделали весьма зримый рывок в направлении рыночного мировосприятия и поведения («успешные профессионалы»), то многие профессиональные и околопрофессиональные корпорации как сообщества в целом с расплывчатыми, слабоструктури-

рованными интересами по ряду причин не смогли проделать аналогичную эволюцию, несмотря на ряд сулящих надежды обстоятельств.

Подобное неравновесие пагубно отражается на состоянии нравов, царящих в корпоративных сообществах (особенно образуемых из множества организаций чрезмерно централизованных и бюрократизированных). Существование ценностей корпоративной этики лишь в сугубо индивидуальных формах подрывает солидаристский смысл этики как таковой в ее ориентационно-мотивирующих и санкционирующих функциях. Более того, уровень разрыв в моральной онтологии между «продвинутыми» индивидами из числа профессионалов, с одной стороны, и инертными группами профессиональных сообществ (с привычкой жить под сенью патернализма и распределительных систем, с минимизированной частной инициативой, со слаборазвитой достижительной мотивацией и т.п.) – с другой, погашает достоинства обеих сторон. Этот разрыв порождает не только многочисленные межличностные конфликты, но и содействует появлению патосных регулятивных средств, кризисных тенденций. Первая сторона асимметрии реализует известную ценностную вседозволенность «продвинутых», их моральную неустойчивость, тогда как вторая сторона инволюционирует в направлении к моделям поведения, присущих казенному коллективизму советского типа. Опыт свидетельствует, что разрыв между этими сторонами становится угрожающим для нравственного порядка в обществе. Аналогичное положение сложилось и в бизнес-корпорациях, хотя в них следы бывшего коллективизма оказались стертыми в большей степени, чем в собственно профессиональных корпорациях.

Пока в нашей стране свободных корпораций все еще меньше, нежели старых объединений, которые после поверхностной и скоротечной модернизации предпочитают именовать себя звучным именем «корпорация».

Превращенное гражданское общество в том виде, в каком оно успело сложиться в последние годы, еще не смогло стать корпоративным, а государственные структуры не успели продвинуться по пути неформальной демократизации, создания правового государства столь далеко, чтобы быть готовыми вступить в равноправные диалоговые отношения с независимыми корпорациями, включая те супермонополистические корпорации, которые именуются олигархическими. Они предпочитают вести такой диалог с бюрократическими элитами всех уровней. Не возник еще и полноценный средний класс, из которого в основном черпаются волонтеры в корпоранты. Но, несмотря на все это, траектория общего движения просматривается с достаточной степенью четкости: в стране укрепляется корпоративный дух, этика корпоративизма.

Часть вторая
«ЛАБОРАТОРИЯ В ХРАМЕ СВОБОДЫ»

Глава 7
ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ:
ИСКУССТВО ВЫБОРА МЕТОДОВ

Глава посвящена достаточно новой для отечественных исследований и практики гражданского общества проблеме изобретения и применения *социальных технологий гражданского участия*. При этом, в соответствии с общей темой нашего проекта, особое внимание мы обращаем на *ценностные ориентиры* социальных технологий. Наиболее конкретно избранный нами этико-прикладной подход проявляется здесь в концепции гуманитарной экспертизы как *испытания выбором* и в характеристике метода гуманитарных деловых игр.

7.1. Искусство выбора методов: ценностные ориентиры

КРЫЛАТЫЕ выражения «технологическая эпоха», «эра технологий» и т.п., характеризующие современность, могут оказаться вполне адекватными и в связи с широким распространением в наши дни *социальных технологий*. Но в каком случае? Ведь до сих пор сохраняет актуальность давнее наблюдение – термин «технология», являясь атрибутом активного фонда словарного запаса современного человека, остается, однако, либо слишком «очевидным», либо даже интуитивно не ясным.

Оперируя термином «технология», человек нередко трактует его с позиций своих житейских представлений – связывая термин с машинами, трубопроводами, механи-

ческим воспроизведением вещей и прочими элементами индустриального производства. И хотя этот термин пережил интересную историю, изменив существенно свой смысл, чаще всего он все равно трактуется с позиций изменений в производстве. В этом смысле справедливо известное замечание о том, что если условно представить себе беседу древнегреческого мастера, европейца времен мануфактурного производства и нашего современника, каждый из них будет удивлен «неточным» употреблением термина двумя другими, ибо каждый будет мыслить образами своего времени. Именно исторический факт возникновения и развития технологии в сфере материального производства породил представления о тождестве технологии и индустриальной деятельности. И эту традицию не стоит игнорировать.

Однако важно не забывать, что и первоначальный (у греков) смысл слова не был сугубо производственным: «технэ» у Аристотеля – это *знания об умении*, мастерстве в самом широком смысле слова, *искусство выбора средств*, методов, операций и т.д. И современный смысл термина «технология» не исчерпывается производственной сферой. Наряду с индустриальной технологией мы имеем дело с политическими технологиями, с технологиями образования, организационной деятельности, иных сфер социального управления.

Этот минимальный экскурс в историю словоупотребления термина «технология» весьма значим и для трактовки понятия «социальная технология». Два варианта значения этого понятия можно выделить с достаточной определенностью. Во-первых, речь идет о *целесредственном* аспекте социальной активности. Во-вторых – об обслуживающем этот аспект социально-технологическом *знании* теоретико-прикладного ранга (социально-проектном знании, социальной инженерии и т.п.), имеющем своим предметом разработку средств, путей, механизмов воздействия знания на практику. Как нетрудно заметить, речь, фактически, идет о зафиксированном еще в ари-

стотелевские времена умения и искусстве как в изобретении и конструировании, так и в рациональном выборе эффективных средств, методов, операций социальной активности.

С точки зрения нашего проекта для адекватного понимания выражения «социальная технология» важно зафиксировать необходимость: (а) учета возможного психологического барьера против, как это часто кажется, неправомерного распространения языка производства на социальную жизнь, трудностей ассимиляции этого языка; (б) профилактики технократизма, нередко возникающего при аппликации технологического языка к социальной жизни. Словосочетание «социальная технология», благодаря своему существительному и несмотря на прилагательное, может подтолкнуть к выведению этого понятия из сферы *ценностного* анализа.

В ЛИТЕРАТУРЕ, посвященной *социальным технологиям гражданского общества*, чаще всего принято говорить о них применительно к проблеме межсекторного взаимодействия. Так это делают, например, авторы учебника «Социальные технологии межсекторного взаимодействия»³¹. Определяя базовое понятие, они пишут, что «под социальными технологиями межсекторного взаимодействия понимается совокупность взаимосвязанных и выстроенных в определенной последовательности методов решения социальных проблем путем реализации контактов между институтами, сформировавшимися в ходе человеческой деятельности в различных ее отраслях»³².

К социальным технологиям межсекторного взаимодействия авторы учебника относят: «Прозрачный бюджет» (эта технология предполагает методически обеспеченное общественное участие в бюджетном процессе),

³¹ Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / Под общей ред. А.С.Автономова. М.: Фонд НАН, 2003.

³² Там же. С. 31.

«Социальный заказ» (речь идет о делегировании государством решения вопросов социальной политики тем общественным институтам, которые могут это сделать лучше, чем государство, в том числе благодаря преодолению реактивности в решении проблем социальной сферы и конкурсной процедуре), «Фонд территориального развития», «Грант», «Ярмарки НКО и социальных проектов», «Технологии деятельности Общественных советов», «Технологии лоббирования», а также обеспечивающие и вспомогательные технологии. При этом подчеркивается, что «в современных условиях применение одной-двух технологий не позволит сделать взаимодействие системным и эффективным. Каждая технология имеет свои преимущества, но каждая из них обладает и ограниченными возможностями»³³.

Наряду с этой группой социальных технологий межсекторного взаимодействия (группа А) возможен и иной подход к типологизации социальных технологий гражданского общества (группа Б), фиксирующий своеобразные *технологии технологий* (но не в смысле технологий продвижения технологий, предполагающих совокупность методов и приемов, направленных на распространение и практическое внедрение инноваций³⁴), *технологии гражданской активности*: общественная экспертиза, переговорная площадка, анимация, гражданские экспедиции, гражданский контроль, общественные дебаты, общественные слушания и т.п. Полагаем возможным охарактеризовать как *событие* презентацию на Российском форуме в Нижнем Новгороде (2003) проекта «Гражданское общество: семь технологий прорыва», проведенную лидерами Пермской ассамблеи.

Уместно отметить, что некоторые из технологий групп А и Б пересекаются, взаимодополняются, что многие технологии группы Б намеренно включаются в про-

³³ Указ. соч. С. 17.

³⁴ Там же. С. 318.

цесс реализации технологий группы А (общественные слушания, общественная экспертиза и т.д.). В свою очередь, пересекаются и технологии группы Б: например, гражданские переговоры после гражданской экспертизы. Тем не менее вполне уместна типологизация социальных технологий гражданского общества по двум условным группам: группа технологий межсекторного взаимодействия, группа инвариантных технологий гражданской активности.

На наш взгляд, объединяет обе группы технологий идея активизации *гражданского участия*, предполагающая эффективную самодеятельность граждан, способных сочетать свои интересы и интересы общества. Возможно это *базовая ценность* социальных технологий гражданского общества.

Представляется необходимым обратить особое внимание на значимость каждой попытки рефлексии *ценностных ориентиров* социальных технологий обеих групп. Так, например, исследователи социальных технологий группы А, выделяя *принципы* межсекторного взаимодействия, смысл которых ясен уже в их названии (законность, равный доступ к участию в межсекторном взаимодействии различных секторов, открытость, добровольность, множественность технологий), его *идеологические, психологические, социальные, правовые* основы, часто специально отмечают *ценностные (аксиологические)* основы социальных технологий межсекторного взаимодействия. Например: «Для успешного осуществления межсекторного взаимодействия само по себе взаимодействие общества и государства, готовность к сотрудничеству при понимании и отстаивании между тем своих интересов должны занимать довольно высокое положение в иерархии ценностей»³⁵. Представляется, что ценностные основы технологий этой группы можно «вычитать» и в их «идеологических основах». Аргументом

³⁵ Указ. соч. С.18.

для этого заключения является тезис авторов о том, что «в условиях демократии и признания приоритета прав человека на передний идеологический план выдвигаются интересы человека. Его активность и самостоятельность в определении и решении стоящих перед обществом задач. А раз права и законные интересы человека выходят на авансцену, то и различные формы самодеятельности и самоуправления приобретают особое идеологическое значение»³⁶. Примеры убедительности этого тезиса – в суждении авторов о том, что технология «социального заказа» содержит *аксиологическую* идею намеренности государства в *стимулировании гражданских инициатив*, в том числе за счет их конкурсной поддержки, причем не только стимулировании этих инициатив, но и создании реальных возможностей их *реализации*, а также в суждении о том, что в идеологической основе такой социальной технологии, как грант, лежит, «естественно и прежде всего, гражданская инициатива»³⁷.

С нашей точки зрения, акцентирование ценностного подхода к социальным технологиям группы А в условиях еще только *становящегося* гражданского общества предполагает рациональное отношение к идее *намеренности* государства в отношении развития гражданского общества, реалистическое понимание *степени зрелости* гражданского общества и, соответственно, стремление к использованию каждой возможности ее повышения.

В связи с этим стоит поддержать и бесспорный тезис авторов учебника о том, что среди известных типов взаимодействия власти и НКО – «патернализм», «скептическое внимание», «партнерство» – наибольшим гражданским потенциалом обладает последний³⁸. Следует со вниманием отнестись также и к рискованному тезису о возможности и необходимости признания активистами

³⁶ Указ. соч. С.18.

³⁷ Там же. С.147.

³⁸ Там же. С. 76-78.

НКО даже патерналистской позиции власти в отношении общественной инициативы по участию, например, НКО в бюджетном процессе. «В регионах, где со стороны НКО отсутствует активное и конструктивное оппонирование политике местного начальства, а региональная власть привыкла руководить гражданским обществом, такие прецеденты вполне могут стать хорошим стартом для усиления влияния общественных структур в сфере бюджета»³⁹.

В ДАННОМ параграфе мы ограничимся попыткой дать обзор технологий *второй* группы. И в этом случае особенность нашего обзора, разумеется, не претендующего на то, чтобы избавить читателя от самостоятельного освоения специальной исследовательской, учебной литературы и литературы, содержащей анализ реального опыта создания и применения социальных технологий гражданского общества, заключается в акцентировании *ценностных ориентиров* технологий гражданской активности (прежде всего в том случае, когда эти акценты ставят сами исследователи и разработчики технологий, а также тогда, когда они таких акцентов не расставляют). При этом речь идет об акцентировании ориентиров, которое не сводится к анализу этических *ограничений*, обычно накладываемых обществом на использование любых технологий, а предполагает выделение смысловых аспектов этих технологий. Аспектов, проявляющих не только прагматические *цели*, но и (не)согласование этих целей с *ценностями* гражданского общества.

Избираемый нами аспект обзора технологий гражданской активности обоснован и стремлением самих НКО к *самоопределению* в вопросе о ценностных ориентирах их деятельности. Так, например, Пермская ассамблея – открытое партнерство НКО, которое вполне можно рассматривать как одну из моделей социальной технологии «Общественный совет», ставя своей целью «проведение систематических консультаций гражданских организаций

³⁹ Указ. соч. С. 76-78.

по проблемам развития и укрепления гражданского общества, конструктивного взаимодействия с властью и бизнесом», формулирует свои принципы (например: «права человека выше прав государственных институтов. Государственные институты пользуются властью постольку, поскольку она делегирована обществом»; «Обязанность и суверенное право гражданского общества – вести постоянный диалог с институтами государственной власти»; «Эффективное гражданское общество должно противодействовать подавлению экономической свободы и подчинению бизнеса государству») и подкрепляет их акцентированными в ценностном смысле задачами: «вырабатывать общие позиции и переговорные технологии для диалога общества с государством и бизнесом; вести этот диалог или способствовать его осуществлению; содействовать развитию механизмов гражданских переговоров, гражданской экспертизы и гражданского контроля; разрабатывать и реализовывать совместные проекты» (www.prpc.ru).

ПРИСТУПАЯ к обзору социальных технологий второй группы, сконцентрируем внимание на наиболее разработанных технологиях с *достаточно отрефлексированными ценностными основаниями* и, что не менее важно, с соответствующим этим основаниям инструментарием. Представляется, что на данный момент наибольшего продвижения в этом плане достигла Пермская ассамблея, обобщившая свой собственный опыт. «В конце девяностых годов в кругу пермских гражданских организаций, впоследствии вошедших в Пермскую ассамблею, возникла озабоченность явной непродуктивностью существовавших на том этапе форм взаимодействия с властью. То есть и форм было достаточно, и взаимодействия, и даже удавалось решать конкретные проблемы конкретных людей, но не было главного – кардинальных изменений в стратегии властей по отношению к основным сферам гражданских интересов: правам человека, экологии, образованию, здравоохранению, социальному

обеспечению, антимонопольной политике и др. Многочисленные совещания, конференции, “круглые столы” по самым злободневным проблемам ничем конкретным не заканчивались. Все чаще представители органов власти соглашались с представителями гражданских организаций, все более доверительными были разговоры, но жизнь вокруг от этих соглашений и разговоров не менялась. Стороны расходились, не обременяя друг друга никакими серьезными обязательствами. Зарождавшийся в этом общении гражданский капитал пропадавал впустую»⁴⁰. Пермская ассамблея проанализировала также и опыт Гражданского форума. «Тут случился Гражданский форум с его "переговорными площадками", экспертным бумом и технологизацией всего, что движется. Нельзя сказать, чтобы форум представил стране выдающиеся примеры совместных с властью дел на благо Родины. Скорее наоборот, со всей наглядностью пятитысячного мероприятия он презентовал стране и миру все возможные слабые места властно-общественной кооперации в России. В то же время форум помог нам понять, куда двигаться, как добиваться качественных изменений в наших странных, почти искусственных, отношениях с властью. На форуме мы поняли, как можно хорошо делать то, что на форуме делалось плохо. Из этого понимания и родились наши "гражданские переговоры", "гражданские экспертизы", "гражданские дискуссии" и прочие принципиально гражданские вещи»⁴¹.

Прежде всего ценностные основания этих технологий проявляются в рефлексии характеристики технологий именно как *гражданских*. Открывая презентацию проекта «Семь технологий прорыва», И. Аверкиев подчеркнул, почему для участников Пермской ассамблеи столь важно именовать технологии именно как *гражданские*: «Мы счи-

⁴⁰ Гражданские переговоры. Пермские прецеденты. Пермь, 2003. С. 1.

⁴¹ Там же. С. 2.

таем, что эти технологии могут эффективно использовать только граждане, то есть те, кто в состоянии осознанно воспринимать общественные интересы, интересы Родины, страны, государства, социальной группы как свой интерес, кто в состоянии абстрагироваться от личных проблем, реализуя некоторые общественно значимые инициативы, и т.д. Человек, находясь в скорлупе только собственных проблем, не в состоянии реализовывать эти технологии. Это крайне важно понимать»⁴².

Вполне конкретный ценностный ориентир технологий этой группы – прежде всего «гражданской экспертизы» и «гражданского контроля» – заключается в принятии на себя ответственности и заявленном праве (не всегда законодательно оформленном) гражданских организаций. Так, в Пермской декларации о гражданской экспертизе говорится как о *праве* гражданских организаций и на открытый доступ к проектам государственных решений, которые затрагивают интересы гражданского общества, и на возможность направлять в соответствующие органы власти свои предложения по данным проектам, и на обсуждение этих предложений властными институтами. О гражданском контроле в Пермской декларации говорится как о праве гражданских организаций контролировать деятельность органов власти в сфере обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В своей книге «Гражданская экспертиза как форма гражданского участия» Н. Беляева пишет, что общество не стало ждать, пока государство станет *отдавать* свои решения на общественную экспертизу и «стало само их *брать*. Брать и организовывать публичные общественные обсуждения самых серьезных государственных документов, как суще-

⁴² Цит. по пермской областной газете «Личное дело». 2003. 21 октября. С.15.

ствующих в виде проектов, так и решений, правительством принятых и утвержденных»⁴³.

Уместно еще раз отметить достаточно тесную взаимосвязь технологий гражданской активности: например, гражданские переговоры по итогам гражданской экспертизы, экспертиза по итогам переговоров, экспертная поддержка гражданского контроля и т.д.

«Гражданские переговоры»

Представляется совершенным определение этой технологии, данное в Пермской декларации: «Гражданские переговоры – это технология ответственного взаимодействия структур гражданского общества и органов государственной власти. Цель гражданских переговоров – решение актуальных общественных проблем совместными усилиями гражданских и властных институтов. Задача гражданских переговоров – принять конкретные решения по предмету переговоров. Гражданские переговоры проводятся по предварительно согласованной сторонами повестке и формализованной процедуре. ...Гражданские переговоры предполагают: протокольное фиксирование всех решений и взаимных обязательств, обязательное подписание итогового документа вне зависимости от результатов переговоров, создание временных рабочих групп (определение органов), отвечающих за реализацию договоренностей, достигнутых в ходе переговоров».

Правда, обычно эту технологию называют «переговорная площадка». Так о ней говорили в процессе подготовки Гражданского форума (например, в проекте «Технология проведения форума как делового мероприятия» в качестве самостоятельного этапа алгоритма выделяются *переговорные площадки*), на самом федеральном Гражданском форуме и на его последующих модификациях; так о ней пишут исследователи и практики, обоб-

⁴³ Беляева Н. Гражданская экспертиза как форма гражданского участия. С. 5.

щающие свой опыт. Даже авторы названия этой технологии в ряде случаев допускают синонимичность обеих названий: «Гражданские переговоры ("переговорные площадки")».

Представляется, что название «гражданские переговоры» – точнее. Убедительные аргументы приводит И. Аверкиев в предисловии к работе «Гражданские переговоры. Пермские прецеденты». Вспоминая, «с чего это началось», он пишет: «То, что со времен форума называют "переговорные площадки", – это в большинстве случаев все те же ничего не решающие "круглые столы", вооруженные модным названием. На современных "переговорных площадках" обсуждают вопросы и проблемы, но не принимают решений. В лучшем случае, стороны дают друг другу устные, редко – письменные, обещания "рассмотреть", "принять к сведению" и т.п. От переговоров в них есть только разговоры и нет главного – стороны не берут на себя документированных и заверенных обязательств что-то сделать или не сделать в такие-то сроки, за что отвечают такие-то организации или люди. Таким образом, популярная сегодня "переговорная площадка" – это площадка для общения, но не площадка для переговоров. Слово "переговорная" лишь создает видимость новизны и серьезности мероприятия, что с готовностью используют многие "продвинутые" носители власти, привыкшие из года в год менять формы, не меняя содержания».

Так мотивируется изобретение технологии «Гражданские переговоры». Ее внедрение предполагает предварительно согласованную сторонами повестку и формализованную процедуру, а участники переговоров обладают соответствующей компетенцией и полномочиями.

В методической разработке по проведению гражданских переговоров, представленной в брошюре «Гражданские переговоры. Пермские прецеденты»⁴⁴, обсужда-

⁴⁴ Гражданские переговоры. Пермские прецеденты. Пермь, 2003. С. 4-8.

ются такие вопросы, как предмет переговоров, условия проведения переговоров, процедура их подготовки, регламент их проведения.

Типологизируя предмет гражданских переговоров, авторы методики говорят об основных типах вопросов, которые уместно решать с помощью этой социальной технологии. Прежде всего речь идет о вопросах, которые не могут быть решены в рамках иных «инструментов общественного участия», например, с помощью государственного (муниципального) гранта или социального заказа, «или в другой форме – без изменения существующих политик или практик». Предметом гражданских переговоров могут быть проблемы, «затрагивающие интересы широких слоев населения/широкого спектра гражданских организаций», «решение которых требует инициативы властных структур при участии (общественном контроле) гражданских организаций», «вопросы, находящиеся в исключительной компетенции тех или иных органов власти».

В качестве обязательных условий проведения гражданских переговоров указывается активное занятие выносимыми на переговоры проблемами «крупных, развитых, авторитетных в обществе гражданских организаций, которые готовы взять на себя координацию процесса со стороны гражданского общества», подготовленность вопроса («есть представление о желаемых результатах, методах решения проблемы, разработаны проекты решений и т.д.»), готовность властей обсуждать поставленную проблему.

В процедуру подготовки гражданских переговоров включены *проблемные дискуссии, гражданские экспертизы*. Задачи дискуссий как одного из этапов подготовки переговоров – «осмысление темы и налаживание контактов между будущими участниками переговоров, имеющих отношение к проблеме». Авторы методики подчеркивают, что «хорошим решением является вынесение на дискуссию 2 – 3-альтернативных подходов к решению проблемы». Постоянно акцентируя внимание на оформлении

процедур, авторы методики отмечают необходимость после каждой встречи разрабатывать итоговые документы, (в том числе списки участников, и документы, формулирующие позиции), а также обеспечивать их доступность.

Другой этап подготовки переговоров – *гражданская экспертиза* проблемы – рекомендуется проводить в форме «круглых столов» или рабочих групп. Задача этого этапа – «выяснение мнения о поднимаемой проблеме других групп третьего сектора, бизнеса, органов местного и общественного самоуправления, СМИ, профильных экспертных и научных структур, с последующим уточнением предмета переговоров». В свою очередь результаты экспертизы оформляются в виде «кратких информационных материалов, общего экспертного заключения, ...подборки сопроводительных материалов и экспертных заключений отдельных участников». При этом инициировавшая переговоры гражданская организация «может заказать экспертизу проблемы соответствующим специалистам, экспертным организациям», а затем «формулировать свою переговорную позицию, в том числе на базе предоставленного специалистами экспертного заключения».

Процесс самих переговоров происходит «в форме обмена мнениями по вопросам, вынесенным на обсуждение. Выявленные в ходе обсуждения согласия и разногласия сторон обязательно фиксируются в протоколе. Переговоры должны заканчиваться конкретным, четко зафиксированным результатом, определяющим позицию сторон и взятые на себя сторонами обязательства». Возможные формы итогового документа многообразны: «декларация, описывающая проблемное поле, фиксирующая достижение согласия о необходимости реформ как таковых, решении проблемы определенным образом и т.д.; коммюнике о согласованных принципах проведения реформ, решения проблемы и т.д.; соглашение, фиксирующее согласие сторон на конкретные шаги, этапы, мероприятия, их последовательность и сроки; протокол разногласий, фиксирующий невозможность на данном

этапе заключить соглашение либо по отдельным вопросам, либо по всему комплексу».

Особый момент процедуры в случае, когда стороны переговорного процесса договорились о конкретных взаимных обязательствах – «итоговый документ обязательно должен включать в себя план-график реализации достигнутых договоренностей с конкретными датами исполнения и перечнем ответственных лиц. Договаривающиеся стороны также должны указать орган или создать рабочую группу, которым поручается контроль за исполнением достигнутых договоренностей». В качестве примера авторы методики приводят регламент проведения гражданских переговоров 11.04.2002 г.⁴⁵.

«Гражданская экспертиза»

Обычно синонимом названия этой технологии гражданской активности является термин «общественная экспертиза». Это вполне допустимо, если, например, иметь в виду задачу различения экспертиз по субъектам: государственная – и негосударственная. Но есть и аргументы того, чтобы настаивать именно на прилагательном «гражданская», существенно влияющем на смысловые особенности экспертизы. Одну систему аргументов в оправдание именно этого прилагательного мы уже приводили при характеристике оснований ценностного подхода к анализу социальных технологий: речь шла об особенностях субъектов такой экспертизы – тех, кто в состоянии осознанно воспринимать общественные интересы как свои⁴⁶. Сходная логика – в рассуждениях Н. Беляевой, выделяющей отличительные признаки гражданской экспертизы с точки зрения ее цели, смысла и способа. Автор считает обязательным, во-первых, «участие в экспертизе гражданских объединений, союзов, обобщающих конкретный интерес конкретной социальной группы», во-

⁴⁵ Указ. соч. С. 9-11.

⁴⁶ Цит. по пермской областной газете «Личное дело». 2003. 21 октября. С.15.

вторых, «увязывание интересов конкретной социальной группы с потребностями развития общества в целом, согласование противоречивых интересов», в-третьих, «непременную открытость, прозрачность, публичность экспертного процесса, когда участие в нем может принять любой компетентный гражданин и результаты такой экспертизы обязательно обнародуются и широко обсуждаются»⁴⁷.

Характеристике теоретико-методологических оснований общественной (гражданской) экспертизы, разработке одной из возможных ее методик и тюменскому опыту внедрения этой методики посвящен следующий параграф данной главы. А сейчас мы остановимся на конкретном – пермском – опыте разработки технологии «гражданская экспертиза».

Принцип, из которого исходят при разработке идеи гражданской экспертизы, представлен в Пермской декларации: «Организации гражданского общества имеют право на доступ к проектам решений органов государственной власти и местного самоуправления, затрагивающих права и свободы граждан, и на их открытое обсуждение. Обязанность органов государственной власти и местного самоуправления – учитывать результаты гражданской экспертизы при доработке и принятии решений».

В качестве *предмета* гражданской экспертизы могут выступать готовящиеся и реализованные решения органов власти, интегральные проблемы региона, состояние отдельных сфер его социально-экономического развития. Критерий отбора проблем: проблемы, на которые ориентировано «целенаправленное воздействие ассамблейных организаций, либо привлечших внимание этих организаций потенциальным нарушением прав граждан на участие в решении проблемы». Так, например, Пермская ассамблея провела экспертизы доступности социальных

⁴⁷ Беляева Н. Гражданская экспертиза как форма социального участия. С. 5-6.

сервисов в г.Перми, доступности для инвалидов городской среды жизнедеятельности, экспертизу региональной системы помощи детям и семье для предупреждения социального сиротства и т.д.

Методы проведения экспертиз: анализ, проведенный экспертами входящих в Пермскую ассамблею организаций в сфере их «отраслевого» интереса; экспертная оценка проблем (на которые обратили внимание инициативные группы организаций, не входящих в Пермскую ассамблею) силами профессиональных независимых экспертов, заказанная от имени членов ассамблеи; кооперативные проекты совместной аналитической и исследовательской работы; гражданский эксперимент (натурное обследование), поставленный одной организацией.

Ценностные аспекты технологии «гражданская экспертиза», как они понимаются в пермском опыте: во-первых, «во всех случаях это была гражданская экспертиза, т.е. ведущаяся от имени гражданских организаций, сознательно и активно реализующих права и обязанности в отношении управления общественным развитием». Во-вторых, «это была гласная публичная экспертиза, привлекающая внимание общественности и приглашающая к диалогу по ее результатам все заинтересованные стороны». В-третьих, «она велась не на государственные средства». В-четвертых, «она всегда заканчивалась переговорами с властью с целью формирования конструктивного взаимодействия в решении проблемы в интересах жителей Пермской области, реализации основного принципа: "Общество – заказчик деятельности государственной власти", а также для "цивилизации" власти, более "тонкой настройки" ее деятельности на реализацию прав всего населения, отдельных его слоев и прав человека».

Особое место в пермском опыте разработки технологии «гражданская экспертиза» занимает проект «Экспертный патронаж гражданских инициатив», направленный на применение этой технологии к конкретным гражданским инициативам и предполагающий последующее

обобщение и распространение данного опыта⁴⁸. Конкретный пример реализации проекта – «оценка ущерба, нанесенного здоровью жителей поселка Юго-Камский в результате аварии трубопровода "Пермь – Альметьевск", принадлежащего ЗАО "ЛУКОЙЛ-Пермнефтепродукт". Инициаторы – общественная экологическая комиссия поселка Юго-Камский и Пермская гражданская палата. Экспертный денежный фонд, собранный общественными организациями, предпринимателями и просто гражданами, направлен на оплату экологической экспертизы, которую проводит московский Научно-исследовательский институт экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН».

Важный момент проекта: содействуя реализации гражданской инициативы, Пермский региональный правозащитный центр и Пермская гражданская палата (ПРПЦ-ПГП) не подменяют собой субъект инициативы, а осуществляют ее «экспертный патронаж», т.е. «выступают, прежде всего, в качестве экспертной организации, носителя соответствующих технологий и опыта». Примерный алгоритм экспертного патронажа: Выявление гражданских инициатив. – Внутренняя экспертиза инициатив с точки зрения их актуальности, общественной значимости, экономической, правовой и социальной обоснованности. – Принятие решения об экспертном патронаже инициативы. – Организационное обеспечение гражданской экспертизы инициативы. На этом этапе ПРПЦ-ПГП ищут экспертов, ведут с ними переговоры о проведении экспертизы. Возможно проведение фокус-групп и общественных дискуссий, гражданских слушаний (проводятся по схеме парламентских слушаний). – Информирование заинтересованных сторон и общественности о результатах экспертизы. – Подготовка (при необходимости) гражданских переговоров. В этом случае ПРПЦ-ПГП, как минимум, берут на себя функцию методического обеспечения перегово-

⁴⁸ Гражданская экспертиза. Пермский опыт. Пермь, 2003. С. 87-91.

ров, в особых случаях выступают в качестве посредника в первичных «переговорах о переговорах», эксперта или модератора на самих переговорах. – Проведение гражданских переговоров. – Содействие организации-инициатору в информировании общественности о результатах переговоров.

«Гражданский контроль»

Направленность данной социальной технологии очевидна – речь идет о контроле институтов общества решений и действий власти всех ветвей и разных уровней. Прежде всего речь идет о *правозащитной* деятельности, о выявлении фактов, угроз и возможностей нарушения прав человека. *Ценностный ориентир* этой социальной технологии (аналогично технологии «гражданская экспертиза») Пермская декларация видит в заявленном (и не всегда законодательно оформленном) праве гражданских организаций «контролировать деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению соблюдения прав и свобод человека и гражданина».

По опубликованным в печатном или электронном виде материалам организаций, разрабатывающих и внедряющих технологию «гражданский контроль», можно выделить некоторые важные аспекты данной технологии.

Конкретные *функции* гражданского контроля можно представить по описанию деятельности Санкт-Петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль»: обеспечение контроля со стороны парламента и граждан страны над деятельностью правоохранительных государственных органов – спецслужб, армии и милиции; проведение российских и международных конференций для обсуждения конкретных законов и законопроектов, регулирующих деятельность государственных органов (на конференциях вырабатываются предложения по изменению действующего законодательства, с тем чтобы привести его в соответствие с международными нормами права. Материалы конференций и заклю-

чительные документы затем направляются в Государственную думу и используются при разработке новых законопроектов); преобразование российского законодательства в области доступа к информации, прав национальных меньшинств, защиты персональных данных и прав военнослужащих; отслеживание хода судебных процессов, связанных с нарушениями прав человека; противостояние попыткам региональных политических структур помешать деятельности правозащитных организаций; участие в разработке проекта по развитию ювенальной юстиции в России (в сотрудничестве с международными и российскими государственными и общественными организациями); проведение рабочих семинаров для местных общественных организаций по вопросам организации их работы и развития, и т.д.

Диапазон *предметов* гражданского контроля потенциально широк и распространяется на всю сферу прав и свобод человека. Так, например, в числе акций Санкт-Петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль» указаны конференции, названия которых характеризуют вышеназванный диапазон: *Что такое расизм в его конкретных проявлениях? *Обеспечение конституционных прав граждан при внедрении системы оперативно-разыскных мероприятий на сетях связи. *Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений. *Реформа российского законодательства в сфере прав военнослужащих: приобретения и потери. *Неприкосновенность частной жизни в эпоху современных информационных технологий. *Свобода информации: стандарты демократического общества. *Положение коренных меньшинств в России на примере народов финно-угорской группы. *Доступ к информации государственных органов: проблема юридических гарантий. *Опасность прихода российских фашистов к власти законным путем в провинции. *Война в Чечне и нарушение основного права

человека – права на жизнь. И т.д.⁴⁹.

Каковы *мотивы* разработки и внедрения технологии «гражданский контроль»? ПРПЦ и ПГП объясняют одно из направлений своей гражданской активности *уязвимым с точки зрения защиты своих прав* положением определенных групп граждан. Например, в полузакрытых (интернатных) учреждениях «объективно гораздо больше возможностей для унижения человеческого достоинства и различных злоупотреблений и меньше возможностей для отстаивания своих прав». Поэтому такие учреждения – «непочатое поле для правозащитных организаций»⁵⁰.

Ценностный ориентир технологии? В Пермском проекте гражданского контроля закрытых и полузакрытых учреждений подчеркивается, что «Россия – страна, изобилующая "закрытыми" и "полузакрытыми" учреждениями, что часто пытаются объяснить "наследственностью" тоталитаризма, трудностями переходного периода и т.п. При этом, однако, нельзя забывать, что фактически этот "феномен" в значительной степени является следствием "несвободы", процветающей в самом обществе, живущей в каждом из нас». И далее: «человеческая жизнь, физическое и психическое здоровье и другие общепринятые ценности существенно зависят от порядочности, совестливости и прочих нравственных качеств сотрудников этих учреждений. Даже при отрегулированной нормативно-правовой базе в области прав человека, четкой организации ведомственного, межведомственного и общественного контроля не всегда удается вовремя пресечь некоторые, продиктованные субъективными причинами, действия персонала, унижающие достоинство человека. Наиболее действенным механизмом обеспечения прав человека в закрытых и полузакрытых учреждениях во многих европейских странах признан контроль представителей

⁴⁹ См. сайт организации <http://www.wplus.net/pp/citwatch>.

⁵⁰ Гражданский контроль. Пермские эксперименты. Пермь, 2003. С.30-31.

местных сообществ и неправительственных организаций. Очень важно, что общественный (гражданский контроль, визитирование, наблюдение и т.п.) избавлен от двойственности и корпоративной ограниченности, свойственной ведомственному Контролю и прокурорскому надзору».

Еще один признак *ценностных ориентиров* технологии «гражданский контроль» описывается авторами рассматриваемого здесь Пермского проекта через характеристику *авторитета* гражданской организации, берущей на себя контрольную функцию, авторитета, столь необходимого в связи с тем, что «правовых документов, которые конкретно прописывали бы механизмы осуществления общественного контроля, права и обязанности лиц, его осуществляющих, и т.п., нет».

Как возникают конкретные акции гражданского контроля? Характеризуя историю введения общественного контроля интернатных учреждений на территории Пермской области, авторы работы «Гражданский контроль. Пермские эксперименты» отмечают, что идея такого контроля возникла в результате гражданских переговоров, которые состоялись на Ярмарке-форуме между Пермской ассамблеей и областными социальными ведомствами⁵¹.

Субъекты гражданского контроля? В названном выше эксперименте – это общественные инспекторы. Особенности их работ – предмет специального анализа⁵².

Алгоритм деятельности общественных инспекторов: Предварительный сбор информации. – Сбор информации в ходе посещения учреждений. – Подготовка отчета и заключения.

ЗДЕСЬ МЫ вынуждены ограничить наш обзор и представить ряд технологий гражданской активности лишь в режиме аннотации.

В этом ряду такая технология, как гражданские дискуссии. Пермская ассамблея проводит такие дискуссии

⁵¹ Указ. соч. С. 32.

⁵² Там же. С. 13-15.

по наиболее актуальным темам. Какова *мотивация* изобретения этой социальной технологии? По мнению ассамблеи, представленном на ее сайте в рамках проекта «Гражданское общество: семь технологий прорыва», проблемы, которые становятся предметом гражданских дискуссий, «не находятся в фокусе общественного интереса», а гражданские организации (и экспертное сообщество) не имеют четко заявленной позиции по этим проблемам. Отсюда задача дискуссий – «"запустить" *механизм выработки общественного мнения*» по рассматриваемой проблеме, определить, «кто и насколько заинтересован в ее решении», «сделать более прозрачным это разнообразие интересов».

Диапазон тем: «Захват и освобождение заложников: что это было?» (цель дискуссии – дать экспертную оценку ситуации (захват заложников на спектакле «Норд-Ост» и попытка спрогнозировать их возможные политические, социально-экономические, гуманитарные последствия); «Бедность сегодня: что это такое? Что делать с бедностью в Пермской области?» (цель дискуссии – обсуждение проблемы бедности по трем тематическим направлениям: бедность как социальное явление, социальные льготы и их роль в поддержке бедного населения, необходимость и способы реформирования системы льгот); «Общественность и власть: эффективно ли взаимодействие в Пермской области?», «Городские животные: друзья, соседи или враги?», «О возможности проведения референдума по ликвидации стратегических твердотопливных ракет в Перми» и т.д.

В ряду технологий, которые мы представляем лишь в режиме аннотации, гражданские экспедиции. Речь идет о выездах общественных организаций (правозащитных, экологических, молодежных и т.п.) областного центра в районы, где они «в течение 2 – 3-х дней читают лекции, проводят семинары, развешивают выставки, ходят по школам, интернатам и тюрьмам с концертами, ток-шоу и беседами, встречаются с властями, консультируют всех

желающих, как защищать свои права, регистрировать общественные организации, искать и зарабатывать деньги на полезные дела. Все это, конечно, делается бесплатно для тех, кто приходит на эти мероприятия».

Данная социальная технология, практикуемая Пермской ассамблеей (и изобретенная ею же?), нацелена на «активизацию гражданских сообществ малых городов и близлежащих территорий, содействие их институализации и консолидации»⁵³. Конкретизируя цель, авторы проекта выделяют ряд задач гражданских экспедиций: оказание конкретной помощи конкретным людям, передача местному сообществу социально значимой и гражданской информации, гражданскому активу – технологий защиты и представления общественных интересов, поддержка инициатив местного гражданского сообщества и т.д. Примечателен тезис И. Аверкиева, акцентирующий ценностный ориентир этой технологии: «По сути гражданские экспедиции являются одной из наиболее простых технологий внутрирегиональной гражданской де-провинциализации»⁵⁴.

7.2. Испытание выбором: феномен общественной экспертизы

7.2.1. Общественная экспертиза: в каком смысле «экспертиза», в каком смысле «общественная»?

РАЗВИТИЕ общественной (гражданской) экспертизы входит в число самых первых задач формирования гражданского общества. При этом экспертиза – не только инструмент деятельности институтов гражданского общества; как справедливо говорилось на экспертной конференции Гражданского форума в Тольятти, общественная экспертиза способствует *развитию самих этих институтов*. В свою очередь, в деятельности такого, например,

⁵³ Гражданские экспедиции. Пермская премьера. Пермь, 2003 С. 1.

⁵⁴ Там же. С. 2.

гражданского института, как НКО, происходит реальное выдвижение экспертного сообщества на первое место.

Но так ли очевиден феномен общественной экспертизы? В рамках обзора социальных технологий гражданского общества мы уже обращались к характеристике общественной (гражданской) экспертизы. При этом само ее определение было весьма приблизительным относительно прилагательного «гражданская» и совсем не давало анализа содержания существительного «экспертиза». Попытка хотя бы эскизного описания феномена экспертизы, безотносительно к специфике экспертизы общественной, показывает невозможность ограничиться элементарным - «словарным» уровнем определения понятия, на котором фиксируется, например, что эксперт – это сведущий в своем деле человек, специалист в какой-либо области, а экспертиза – исследование вопроса, требующего специальных знаний. Отсюда необходимость проблематизации темы по нескольким аспектам.

Во-первых, нельзя уйти от выявления особенности именно экспертной деятельности и именно экспертного знания, которые вовсе не тождественны любой оценочной или аналитической деятельности, а возникают лишь в проблемной ситуации и предполагают определенные знания и процедуры. Во-вторых, далеко еще не завершены попытки заключить конвенцию по поводу смысла характеристики «общественная экспертиза» – в ее связи и отличии от других видов экспертиз: государственной, ведомственной, межведомственной и т.д. В-третьих, чтобы понять природу общественных экспертиз, необходимо рационально взвесить известную антиномию принятия решений С. Лема: является ли наша цивилизация правлением экспертов или же правлением всех и отрефлексировать связанные с этим понятия экспертизы меритократической и демократической.

Наконец, особая задача, связанная с акцентированным вниманием нашего проекта к ценностным основаниям и ориентирам гражданского общества, на которой мы

сконцентрируем здесь основное внимание, – характеристика общественной экспертизы как гуманитарной технологии, тем самым – как гуманитарной экспертизы⁵⁵.

НАЧИНАЯ характеристику особенностей экспертной деятельности и экспертного знания, уместно вспомнить, что термин «экспертиза» не имеет общепризнанного определения (хотя уже формируется новая дисциплина «экспертология»⁵⁶), весьма многозначен, нередко используется слишком общо, вплоть до размытости, приводящей к утрате смысла употребления этого термина. Известной неопределенностью словоупотребления отличается и дискурс, связанный с деятельностью гражданских организаций. Здесь и нередкая квалификация в качестве экспертизы любых обсуждений, в том числе общественных слушаний, «круглых столов», дебатов, и трактовка в качестве экспертизы любого анализа ситуации или оценки состояния, и неразличение «экспертизы» и «контроля». Например, может ли быть безусловной характеристика «гражданского эксперта», появившаяся в связи с опытом проведения Гражданского форума в Тольятти: «Оргкомитет и рабочая группа все время говорили о том, что это не съезд, а собрание экспертов гражданского общества. В этом смысле само понятие экспертов расширяется. Это не просто люди, которые защитили диссертацию по гражданскому обществу, а те, кто заслужил право называться экспертом своим участием в гражданском обществе – в конкретных сферах, где реализуется гражданская ини-

⁵⁵ К сожалению, за рамками перечисления задач, которые мы имеем возможность обсудить в этой работе, остались и вопрос о миссии эксперта, о многообразии ролей эксперта в отношении процесса принятия решений (предоставляет справки, служит медиатором, прямо включается в процесс решений и т.п.); и такие близкие нам вопросы, как профессиональная этика эксперта; и самосознание экспертного сообщества; и (не)эффективность влияния экспертных рекомендаций на реальные процессы принятия решений, и т.п.

⁵⁶ См.: Сидельников Ю.В. Экспертология – новая научная дисциплина // Автоматика и телемеханика. 2000. № 2.

циатива»⁵⁷.

Уместен ли хотя бы минимальный пуризм в отношении многозначного словоупотребления термина «экспертиза»? Ответ на этот вопрос зависит от значимости мотива, которым актуализируется необходимость понимания особенности экспертного знания (и деятельности). Утвердительный ответ возникает, если один из важных мотивов актуализации экспертной работы сформулировать, опираясь на диагноз прошлых и сегодняшних проблем, социальных, политических и нравственных «болезней», представленный в феномене «бегства от свободы», которому Э. Фромм посвятил специальное исследование. На фоне беспощадной оценки «нового» человека, у которого «исчезает самый вкус к свободе» (Н. Бердяев), который «не любит альтернатив», а его самого преследует «страх выбора», становящееся гражданское общество начинает осознавать способ лечения и выхода из «пограничной ситуации». Многими авторами этот способ трактуется как перифраза спинозовско-гегелевско-энгельсовского определения свободы через осознание необходимости: «Свобода – еще не осознанная необходимость. Скоро ли эта необходимость будет осознана?».

В этом смысле экспертиза представляется нам своеобразной «Лабораторией в храме Свободы», проводящей «испытание выбором». Переводя метафору на рациональный язык, следует констатировать: современные исследователи феномена экспертизы и практикующие эксперты (нередко то и другое качество совпадает в одном лице) вовлечены в давнюю и все еще далекую от завершения дискуссию о сущности экспертизы. Об этом свидетельствуют опубликованные материалы рефлексии профессиональных сообществ политологов⁵⁸ и экономи-

⁵⁷ Беляева Н. Граждане эксперты // Гражданский форум. Год спустя. М., 2003. С.30.

⁵⁸ Политики и эксперты // Pro et Contra. Весна. 2003; «Чем больно наше экспертное сообщество?» // Независимая газета. 2000. 17 мая.

стов⁵⁹, гражданских экспертов⁶⁰, исследования философов и методологов⁶¹.

Так, например, в процессе одной из известных дискуссий – «круглого стола» «Независимой газеты» на тему «Чем больно наше экспертное сообщество?» (НГ. 17.05.2000) – в процессе весьма критичного самоанализа было проявлено несколько характеристик экспертизы (или эксперта), как очевидных, так и спорных. Вряд ли, например, спорны перечень характеристик «идеального эксперта» (политолога), составленный организаторами этого «круглого стола» для анкеты: «профессиональная подготовка, информированность, склонность к самостоятельному анализу, готовность к публичному выражению своих взглядов и оценок, относительная профессиональная независимость», или тезис о том, что «эксперт – носитель знаний». Да и тезис Г.О. Павловского о том, что «эксперт – это человек, способный провести адекватную оценку ситуации. ...Не оскорблять реальность, не игнорировать ее и не хвалить, а оценить». Или тезис И.М.Клямкина: «эксперт - это специалист по оптимизации решений».

Но возможна и иная оценка. Отрефлексировав материалы «круглого стола» «НГ», М. Рац отметил спорность некоторых из этих характеристик, а в целом пришел к выводу, что понятиями эксперта и экспертизы сегодняшнее отечественное профессиональное сообщество «явно не обладает»⁶². В качестве аргумента для этого вывода автор приводит суждение одного из участников

⁵⁹ Проблемы становления экспертного сообщества в России: экономисты. М., 2003.

⁶⁰ Гражданский форум. Год спустя. М., 2003; Общество, эксперты и правящий класс России в 2003 году. Круглый стол клуба «Гражданские дебаты». www.Kreml.org.ru.

⁶¹ См., напр.: Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. М.: УРСС, 2002.

⁶² Рац М. О трудностях коллективного самоопределения // Независимая газета. 2000. 13 сентября.

«круглого стола», С. Кара-Мурзы: «эксперты – это те специалисты, функцией которых является только одно: убедить влиятельную часть общества в благотворности или опасности того или иного политического решения». М. Рац подчеркивает, что если не оценивать решения или ситуацию или не заниматься оптимизацией, а убеждать, то это «совсем другого рода занятие – вроде агитпропа»⁶³.

Еще одна дискуссионная волна рефлексии природы экспертизы и проблем экспертного сообщества возникла в связи с экспертной конференцией на Гражданском форуме в Тольятти и анализом ее результатов в специальных публикациях, на заседании клуба «Гражданские дебаты»⁶⁴, на сетевых сайтах.

Наше, авторов этой книги, понимание природы экспертизы исходит из представления, что один из способов определиться с понятиями «эксперт» и «экспертиза» – характеристика ситуации, побуждающей инициировать экспертизу, как *проблемной*.

Запрос на экспертизу от лица (ЛПР) или группы (ГПР), которым необходимо разобраться в ситуации, оценить проект или принять решение, или же от имени самих экспертов – инициативная экспертиза, в том числе и в режиме «до востребования», – возникает прежде всего в *проблемной* для этих субъектов ситуации, не дающей ЛПР или ГПР возможности скопировать предшествующий опыт, воспользоваться имеющимся набором знаний и оценок, применить стандартное решение. Это – ситуация неопределенности, свидетельствующая о рискованности выбора, о противоречивости его последствий при предпочтении любой альтернативы; нередко – ситуация нравственного конфликта, когда следование какой-либо нравственной ценности означает одновременное нарушение

⁶³ Там же.

⁶⁴ Общество, эксперты и правящий класс России в 2003 году. Круглый стол клуба «Гражданские дебаты». www.Kreml.org.ru.

другой ценности, значимой для лица или группы, принимающих решение. Именно глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации выбора требуют особой компетентности и, соответственно, особых процедур выбора из альтернативных вариантов и подготовки решения, а именно – экспертизы.

Здесь необходимы два замечания. Во-первых, возможна и иная мотивация обращения ЛПР и ГПР к экспертизе: когда обращаются не для рационального анализа и оценки наличных альтернатив, а для обоснования-оправдания предпочтительного для «заказчика» варианта решения – эксперт своим авторитетом призван подтвердить, что этот вариант самый эффективный, достойный и т.п. Речь идет о такой потребности ЛПР или ГПР в экспертизе, как легитимация подготавливаемых решений, легитимация в сознании самого ЛПР или легитимация внешняя⁶⁵. Но это – отдельная тема. Во-вторых, инициируемая гражданскими организациями экспертиза может на деле не являться собственно *экспертизой*, а свестись, например, к функции гражданского контроля или выражению позиции общественного мнения, если для освоения ситуации достаточно *внеэкспертных* процедур. И нам представляется, что определенная строгость понятий в данном случае вовсе не лишняя.

Итак, когда понимание нетрадиционной ситуации не «дается» накопленному опыту, а веер альтернатив трудно обозрим для привычной точки зрения, прежде чем бездумно рисковать или столь же бездумно уклоняться от решения, необходимо посоветоваться с авторитетом, чьим мнением мы дорожим, опыту которого мы доверяем, суждения и оценки которого обладают достоверностью.

⁶⁵ Косолапов Н. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимодействия / Политики и эксперты // Pro et Contra. Весна. 2003. С. 20.

Эксперт в этом случае выступает как человек, который, по словам Нильса Бора, «знает, какие в его области могут быть совершены грубые ошибки и как их избежать». Известно, что специалисты по системному анализу характеризуют качества эксперта путем его сравнения с «новичком» в каком-либо деле и показывают, что новичку для принятия решения требуется больше информации, чем эксперту (в этом смысле, например, опытному водителю трудно представить себя на месте новичка). Иначе говоря, для того чтобы отличать одну вещь от другой, нужно учиться этому. Ясно, что квалифицированный человек, эксперт, реагирует на меньшее количество информации, чем не квалифицированный, не специалист. «Советуясь» с экспертом, обращаясь к его мнению, мы рассчитываем и на его интуицию (речь идет о ситуациях, когда аналитические методы эффективны лишь частично), профессиональная база которой позволяет найти нужную рекомендацию.

Поэтому один из методов, которым достигает своих результатов эксперт (группа экспертов), – экспертная оценка. Ее отличительная черта – способность комплексного, нерасчлененного, «антианалитического» освоения ситуации. Мотивы предпочтения метода экспертных оценок видны уже в его характеристике как «антианалитического». Необходимо, однако, сразу сказать об интервале эффективности, определяющем целесообразность такого предпочтения. И сегодня актуально предупреждение, сделанное еще в семидесятых годах двадцатого века социологом В. Шляпентохом, о том, что экспертные методы, переживающие известный бум, относятся к модным научным методам и поэтому являются объектом злоупотреблений. Нередко мнения, высказанные несколькими экспертами, «более или менее знакомыми с сутью проблемы, спешат истолковать как результат экспертного опроса». С одной стороны, «у этого метода не существует серьезных конкурентов», с другой – «сфера эффективности применения экспертного метода отнюдь не без-

гранична», – подчеркивает автор⁶⁶.

В наши дни нельзя не заметить дефицит доверия к мнениям традиционных групп экспертов, диагнозы и прогнозы которых ранее казались надежными ориентирами в принятии решений. Доверием же часто наделяется неформальная (и в *этом* смысле «непрофессиональная»), своего рода антиэлитарная, массовая экспертиза, противопоставляемая «собственно экспертизе». При этом за конфликтом «дилетантизма» и «профессионализма» трудно не обнаружить противостояние ведомственных и общественных интересов, в том числе, соответственно, ведомственной «морали» и морали гражданского общества. На стороне «неформальных», общественных экспертиз – нравственный потенциал «дилетантского» подхода, не принимающего узкопрагматической ориентации «казенных» экспертиз. Вспомним, как в свое время именно с помощью «дилетантов» был остановлен поворот рек Севера, именно «зеленые неформалы» противостояли как минводхозовским «профессионалам», приведшим Арал к катастрофе, так и профессионалам-газовикам, приведшим к такому же состоянию природу и этнос Ямала. Именно те и другие «дилетанты» восстали против лозунга «любой ценой», обострив вопрос: достаточно ли у специалистов компетентности и ответственности – прежде всего гражданской, нравственной, – чтобы своими решениями не породить угрозу людским судьбам?

Вообще-то квалификация ведомственных экспертиз как профессиональных, а неформальных, независимых, общественных как дилетантских – не точна, тем более, что ряд независимых, общественных экспертиз проводятся с участием высококлассных профессионалов. Скорее их сходство и различие можно квалифицировать через меру сочетания в экспертных заключениях рациональных и аффективных выборов, меру, которая, можно предпо-

⁶⁶ Шляпентох В.Э. Как сегодня изучают завтра. М.,1975. С. 144-145.

ложить, смещена в обоих случаях в разные стороны⁶⁷. При этом опыт независимых экспертиз показал способ согласования экспертиз, проводимых специалистами ведомства, и «неформальных», общественных экспертиз, обычно организуемых гражданами, вынужденными на себе испытать оцениваемые экспертами последствия проектов. Результаты профессиональной экспертизы выносятся на общественный консилиум, которому, как, например, в Японии, придается в отношении экологических экспертиз правовой статус.

ВОПРОС о природе, предмете и субъектах особого вида экспертиз – общественных – во многом дискуссионный. Во-первых, существуют подходы, в которых общественная и гражданская экспертизы считаются синонимами. Например, в ряде текстов (И. Аверкиев, Г. Павловский и др.) эти прилагательные употребляются через запятую или через помещение в скобки одного из них. Во-вторых, имеются подходы, в которых предпринимается попытка различить понятия общественной и гражданской экспертиз.

Одно из отмеченных уже оснований для различения представлено в версиях И. Аверкиева и Н. Беляевой. Дополнительное основание для выделения *подвида* гражданских экспертиз в составе общественных экспертиз Н. Беляева усматривает в качественном различии организаций общественных и гражданских. Как полагает Н. Беляева, если общественная экспертиза – понятие более общее, предполагающее любую негосударственную экспертизу в любой сфере, то гражданскую экспертизу проводят «не вообще любые организации, а гражданские союзы». Последнее понятие возникло во время подготовки Гражданского форума. «Скажем, бывают общественные организации любителей кактусов. По-своему они важны, но состояния гражданственности в них нет, пото-

⁶⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюмень, 1990.

му что они могут решать свои вопросы, не выходя из кружка кактусоводов». Гражданскими же автор считает возможным называть те организации, «для которых важно в полной мере реализовать свои права и обязанности в отношениях с государством, в первую очередь – право на участие в управлении государством»⁶⁸. Другие отличительные признаки собственно гражданской экспертизы, которые могут отсутствовать в экспертизе общественной, – выход на управленческие решения и публичность⁶⁹.

В обсуждениях по поводу сходства и различия общественных и гражданских экспертиз целесообразно учесть и характеристику общественных экспертиз как «способа инициации общественных изменений»⁷⁰, хотя автор этой характеристики, С.В. Попов, не выделяет собственно гражданские экспертизы.

Если же отвлечься от различия общественных и гражданских экспертиз, то каковы возможные критерии выделения особого вида экспертиз – общественных (а значит, в том числе и гражданских)?

Наиболее распространенный способ мы уже упоминали – через противопоставление общественных экспертиз государственным и ведомственным, и тем самым характеристика общественных экспертиз как негосударственных и с точки зрения заказчика экспертизы, и с точки зрения субъектов, проводящих экспертизы. Исторически понятие общественной экспертизы как особого процесса появилось в 70-х годах, и отличие ее виделось, по словам Н. Беляевой, в том, что «проводят ее не назначенные чиновником государственные организации, а совершенно другие субъекты – общественные объединения». При этом экспертиза считается общественной, «если заказывает, организует и оплачивает ее обществен-

⁶⁸ Указ. соч. С. 33-34.

⁶⁹ Там же. С.35.

⁷⁰ Попов С.В. Методологически организованная экспертиза // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. М.: УРСС, 2002. С. 70-71.

ность»⁷¹.

В качестве особенности общественных экспертиз – в отличие от традиционных – С.В. Попов выделяет неясность самой ситуации (ибо «по ее поводу всегда существует масса мнений, вплоть до того, что ситуации нет и говорить не о чем»), неясность того, кто является «заказчиком» экспертизы, и неясность состава экспертов⁷².

Иногда общественные экспертизы противопоставляются профессиональным, однако чаще подчеркивается, что общественная экспертиза не тождественна дилетантскому подходу и предполагает высокий профессионализм. Характерна в этом плане реплика Г. Павловского на экспертной конференции в Тольятти: если общественная экспертиза – это экспертиза малопрофессиональная, экспертиза второго сорта, то кому такая экспертиза нужна?

Еще один способ выделения общественных экспертиз – по предмету интереса. Так, по мнению Павловского, «общественные, гражданские эксперты... по желанию продвигать требования общественных групп в реальную политику государства, политических партий»⁷³.

И еще один подход в характеристике общественной экспертизы – по способу выявления интереса субъектов гражданского общества. Рассмотрев несколько типов экспертиз, квалифицируемых: (а) «по заказчику (ведомственная, правительственная, межведомственная, парламентская, судебная, экспертиза, заказанная грантодающим фондом или частной корпорацией и т.д.)», (б) «по профессиональному полю – медицинская, правовая, лингвистическая и т.д.», (в) по степени открытости, публичности экспертизы, (г) по критерию оплачиваемости экспертизы или экспертизы, проводимой на началах волонтерства, (д) по уровню качества (профессиональная, т.е. качест-

⁷¹ Беляева Н. Граждане эксперты. С.32.

⁷² Попов С.В. Методологически организованная экспертиза. С. 73.

⁷³ Общество, эксперты и правящий класс России в 2003 году. Круглый стол клуба «Гражданские дебаты». www.Kreml.org.ru.

венная, и «непрофессиональная, некачественная, безответственная» экспертиза) и т.д., А. Сунгуров⁷⁴ применил эту типологию к характеристике «общественная экспертиза». «Примеривая» термин «общественность» к каждому из указанных типов экспертиз, автор пришел к интересным выводам. «Если определение “общественная” трактовать как синоним слова “волонтерская”, т.е. бесплатная, то это ничего не говорит о качестве экспертизы. Кроме того, возвращаясь к экспертной конференции в Тольятти, большинство ее участников работают не только волонтерски. Если же определение “общественная” относить к полю экспертизы, т.е. к развитию российского общества, и к деятельности в нем неправительственных организаций, то здесь экспертами могут быть и сотрудники государственных учреждений, и представители науки, и специалисты неправительственных организаций. Претензии же только представителей НКО на роль экспертов в области развития общества, на мой взгляд, неуместны. Можно также попытаться обсуждаемое понятие разместить по критерию заказчика, т.е. общественная экспертиза – эта такая экспертиза, которая заказывается общественной организацией. Но это чрезвычайно сузит этот термин и сюда попадет, например, и аудит финансовой деятельности НКО. Возможно, под общественной экспертизой некоторые понимают экспертизу вопросов, имеющих общественное, гражданское звучание. Но кто имеет полномочие определить, имеет ли какой-либо вопрос общественное звучание? Кроме того, решения общественных проблем могут искать и чисто государственные специалисты по заказу госорганов»⁷⁵.

Автор полагает, что «термин “общественная экспертиза” будет иметь сущностное наполнение, если отнести его к способу выявления позиции того или иного общест-

⁷⁴ Сунгуров А. Об экспертах и самоорганизации структур гражданского общества // Гражданский форум. Год спустя. С.38.

⁷⁵ Указ. соч. С. 39.

венного сегмента или группы по какой-либо волнующей эту группу проблеме, т.е. понимать общественную экспертизу как процедурно оформленное общественное мнение определенной социальной группы»⁷⁶.

РАССМОТРЕВ существующие подходы, мы приходим к выводу, что смысл характеристики «общественная» применительно к экспертной деятельности институтов гражданского общества можно идентифицировать по трем аспектам.

Первый: конечная цель экспертизы – защита общественного интереса. Но так ли просто этот интерес определить? Например, попытки журналистского сообщества понять содержание этого понятия как одного из ориентиров своего профессионального служения обнаружили значительные трудности⁷⁷. В любом случае хорошо бы не спешить, например, с таким тезисом проекта меморандума экспертной конференции в Тольятти: «совокупность гражданских организаций, выражающих интересы различных общественных групп, и составляет общественный интерес». Правомерно ли утверждать, что гражданское общество – лишь сумма гражданских организаций?

Второй аспект – новый, демократический, субъект общественной экспертизы. Еще раз вспомним времена перестройки: в ситуации превращения понятия «эксперт» в синоним ведомственного эгоизма специалистов, казенного академизма, «научного сикофантства» и т.п. маятник естественным образом качнулся в другую крайность, и все надежды стали связываться лишь с экспертизой неформальной, независимой, демократической, общественной и т.п., вольно-неволью породившей антиномию «профессионализм – дилетантизм». Но эта антиномия не вечна. Ее снятие связано со снятием антиномии «эксперт

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См.: Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному: российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001.

– дилетант» благодаря эффекту подключения профессионалов к процессам демократической экспертизы.

На наш взгляд, наряду с профессиональным экспертным сообществом – *меритократическая* составляющая общественной экспертизы – существенным экспертным потенциалом обладают широкие слои гражданского общества – *демократическая* составляющая экспертизы. Последняя не тождественна ни «подмене экспертизы демократией», о чем беспокоились участники дискуссии 2000-го года в «НГ», ни традиционным процедурам исследования общественного мнения. Во всяком случае, этот потенциал значим в ситуациях гуманитарно ориентированной (гуманитарно акцентированной) или просто гуманитарной экспертизы, акцентирующей ценностные основания морального выбора субъекта общественного, группового, индивидуального масштабов, в том числе и гражданских организаций, социoproфессиональных групп и корпораций, социокультурных сообществ. А профессионализм экспертного сообщества проявляется здесь в умении активизировать и развивать рефлексию обыденного сознания, стимулируя моральное творчество смысла. В такой ситуации происходит взаимодополнение и взаимообогащение «меритократической» и «демократической» экспертиз на основе диалога двух культур – научной и «аматерской», а антиномичность «профессионализма – дилетантизма», «ведомственности – неформальности», «массовости – компетентности» смягчается.

Третий аспект – гуманитарные ориентиры общественной экспертизы, основания ее методологии и методики. В соответствии с задачами нашего проекта, мы намеренно акцентируем характеристику общественной (гражданской) экспертизы как *гуманитарной* технологии. Что это дает для понимания природы общественной экспертизы? Полагаем, что определенные ценностные ориентиры для решения тех задач, которые были названы выше в рамках проблематизации темы «общественная экспертиза», прежде всего – некоторые гуманитарные осно-

вания поиска в сфере методологии и методики общественных экспертиз.

Характеристике этих оснований, опирающейся на разработанную нами концепцию гуманитарной экспертизы⁷⁸, посвящен следующий раздел.

7.2.2. Гуманитарные ориентиры общественной экспертизы

ГУМАНИТАРНО ориентированная экспертиза (гуманитарная экспертиза) – знание, умение и деятельность, предполагающие приложение комплекса знаний о морали к различным аспектам ситуации выбора, к проблемам, встающим перед субъектом решения и поступка; знание, умение и деятельность, ориентированные на анализ и оценку степени свободы выбора и меры гуманистичности процесса подготовки, принятия и продвижения в практику значимых решений.

Термин «гуманитарная» в данном контексте означает широкую трактовку нравственных ценностей как *ядра* гуманистического мировоззрения, фокуса того, что нередко и не очень удачно называют *человеческим измерением*. В соответствии с этим, гуманитарная экспертиза ставит различные критерии целесообразности человеческой деятельности (политические, экономические, организационные и т.п.) в соподчинение критерию нравственности. Последний выражает императив отношения к че-

⁷⁸ См.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (II). Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования / АН СССР. Сиб.отд-ние. Ин-т проблем освоения Севера. Тюмень, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюмень, 1990; Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. Новосибирск, 1992; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень, 2000, и др.

ловеку как к высшей цели, обладающей статусом самоценности, и тем самым задает критерий высшей целесообразности его деятельности. Любые критерии целесообразности человеческой деятельности гуманитарная экспертиза соподчиняет критерию нравственному.

Непосредственным предметом гуманитарной экспертизы в сфере деятельности лиц, групп, организаций, ассоциаций и т.п. чаще всего являются фиксируемый процесс подготовки и принятия решений, выявление и «испытание» явных или скрытых ценностей, лежащих в основе специализированных экспертиз. Поэтому гуманитарная ориентированность экспертизы предполагает недостаточность учета экспертами (как «меритократами», так и «демократами») «человеческого фактора» и даже «человеческого измерения» – оно может оказаться мелким, узким (как, например, узки подходы отдельных социогуманитарных, «человековедческих» и обществоведческих сфер знания).

Помня о режиме экспертизы «до востребования», значительно расширяющей представление о ее «заказчике» за пределы прямого взаимодействия ЛПР (или ГПР) и экспертов, следует отметить, что особое место в предмете гуманитарной экспертизы занимают состояния морального сознания различных социальных, профессиональных, социокультурных слоев и групп, в том числе и состояния самого экспертного сообщества, влияющего на массовое сознание и властные решения.

Задачи гуманитарной экспертизы – вскрыть максимум реальных вариантов выбора, выявив для этого ценностные основания, определив цели и смыслы каждого из вариантов. Желательно указать на прецеденты решений в аналогичных (если таковые были) ситуациях. Вслед за этим экспертиза обязана предложить субъекту выбора и решения алгоритм поиска, стимулировать его моральную рефлексию, выработать в диалоге с ним гуманистическую ориентацию выбора.

Едва ли не самая трудная задача гуманитарной экспертизы – ответ на общий для разного рода общественных экспертиз вопрос о том, кого можно посчитать достойными роли «мудрецов», экспертные суждения которых помогут сориентироваться в «лабиринтах свободы», в сложных конфликтных ситуациях, как при этом избежать реальной опасности появления «экспертотократии», ибо есть смысл в известном суждении, что степень сложности вопросов, подвергаемых экспертизе, обратно пропорциональна числу людей, разбирающихся в этих вопросах.

Одно из условий гуманитарной экспертизы – высокий профессионализм в вопросах морали. Но профессионализм эксперта здесь – не только уровень компетентности специалиста в сфере морали, но и его умение активизировать и развивать рефлексию повседневного (обыденного) сознания, стимулируя моральное творчество субъекта нравственного поиска. Субъекта, который «заказывает» экспертизу и ожидает консультативной помощи; или субъекта, который готов сотрудничать в экспертизе, инициированной специалистами по прикладной этике; или субъекта, которому результаты экспертизы адресованы в режиме документов Римского клуба – «до востребования». Практика гуманитарных экспертиз⁷⁹ по-

⁷⁹ См.: Самоглорский практикум. Москва-Тюмень, 1987; Самоглорский практикум-2. Москва-Тюмень, 1998; Освоение без отчуждения. Тюмень, 1989; Арктическая политика: человеческое измерение. Тюмень, 1990; На пути к гражданскому обществу: Нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Прометей, 1991; Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 1991; Рациональный регионализм: Экспертные суждения и оценки. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995; Становление духа университета: опыт самопознания. Тюмень, 2001; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; Тетради гуманитарной экспертизы. Вып. 1–5. Тюмень: АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», 1999-2001; Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. Тюмень, 1999; Городские профессионалы: модели успеха. Тюмень, 2004, и др.

казала эффективность подхода, при котором участники экспертно-консультативного диалога – субъект, проводящий гуманитарную экспертизу, и субъект морального выбора, заинтересованный в этой акции, – образуют целевой междисциплинарный научно-практический коллектив. При этом важно достичь согласования интересов исследователей и «потребителей» их когнитивных достижений, взаимодополнительности между каузальным объяснением (аналитический подход) и пониманием (герменевтический подход), а также опосредования между объяснением и пониманием на основе помещения того и другого в горизонт «регулятивного синтеза интерпретаций» (выражение К.-О. Апеля).

Развивая концепцию и практику гуманитарной экспертизы, мы вели поиск в двух вышеназванных направлениях – «меритократическом», заключающемся в подборе на роль экспертов именно специалистов, и «демократическом», основанном на «самовыдвижении» экспертов и, тем самым, выходящем за рамки традиционных представлений о компетентности. Разумеется, это условное деление, допускающее на практике известное смешение обоих направлений. Более того, практика гуманитарных экспертиз показывает возможность и способы их взаимодополнения в одном проекте.

Такого рода взаимодополнение реализуется благодаря сочетанию двух методов экспертизы – экспертных опросов и игрового моделирования. Прикладная этика располагает определенным опытом диагностики и прогноза «болевых точек» и «точек роста» современной нравственной жизни на микро- и макросоциальном уровне. В качестве одного из эффективных средств диагностики и прогнозирования ситуации морального выбора проводились опросы представителей гуманитарного знания, результаты которых в ряде проектов развивались методом игрового моделирования. Интеграция потенциалов экспертных опросов и игрового моделирования дает

эффект диалога специалистов по теории морали с «не-профессионалами».

Сверхзадача такого диалога в рамках гуманитарных экспертиз (наряду с простым «обогащением» их участников теми результатами, которые уже были найдены другими и зафиксированы в нравственном опыте, наряду с поиском инновационных решений) преодолеть одиночество морального субъекта в принятии решения путем его включения в процесс освоения и развития исторического опыта нравственной жизни.

Попытаемся конкретизировать представления о меритократической и демократической составляющих гуманитарной экспертизы⁸⁰.

МЕРИТОКРАТИЧЕСКАЯ составляющая гуманитарной экспертизы предполагает, что запрос на экспертизу адресуется людям, компетентным в вопросах морали, нравственной жизни общества. Конечно, в вопросах морали, казалось бы, все могут быть «экспертами». Но одно дело – считать, что люди равны *в праве на оценку конкретных поступков*, другое дело – различать *компетентность людей в анализе состояний общественной нравственности*, обстоятельств и тенденций ее развития на том или ином уровне изучения и потому отдавать предпочтение специалистам в области поведенческих наук. Кроме того, особыми ресурсами в видении нравственных проблем, их понимания обладает художественное познание. Поэтому, работая с «меритократами», мы – как организаторы экспертных опросов – стремились включить в корпус экспертов и ученых-гуманитариев разных профилей, и писателей, публицистов, журналистов, у которых есть опыт активного участия в обсуждении вопросов духовной деятельности и обнаруживается неподдельный интерес к моральной проблематике, есть развитая моральная интуиция. При этом организаторы мерито-

⁸⁰ См.: Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюмень, 1990.

кратической экспертизы (или меритократической части комплексной экспертизы) не возлагают на себя функцию «сверхэкспертов», обладающих правом быть бесприкословным «выборщиком» экспертов. Так, например, ориентируясь на известных специалистам по экспертным оценкам критерий «первоначального списка», на каждом следующем туре экспертного опроса они обращаются прежде всего к уже проявившим себя участникам предшествующих опросов.

Меритократическая гуманитарная экспертиза проводится в соответствии с определенной методологической позицией: эксперт предъясняет ценности и критерии, которыми он руководствуется, передает их на обсуждение другим экспертам; в итоге участники экспертного опроса формулируют основания своих оценок, что, в свою очередь, требует их формального и содержательного определения с последующей операционализацией. Особое значение имеют эти требования в таких ситуациях, когда экспертиза выступает в роли «экспертизы экспертиз», например, при гуманитарной экспертизе результатов экономических, этнонациональных, политических, экологических и т.д. экспертиз. Как мы уже отмечали, в такого рода ситуациях базовые нравственные ценности призваны стать ядром комплексной экспертизы, а задача гуманитарной экспертизы – прояснить ценности специализированных заключений.

ПЕРЕХОДЯ к особенностям демократической экспертизы, еще раз обострим вопрос: нет ли противоречия в самом понятии «демократическая экспертиза»? Сохраняется ли ключевой признак экспертизы (работа специалиста, компетентного человека) при таком прилагательном? Способен ли демократический субъект экспертизы различить выбор подлинный и мнимый? Насколько приемлема или убедительна для сферы этических оценок и решений распространенная аналогия с названием книги Е. Евтушенко: «Политика – дело всех»?

Одна из задач – определение интервала эффективности такой экспертизы, пределов ее компетентности в процессе совмещения ее результатов с экспертизами «меритократического» типа. Анализ прецедентов «неформальных», общественных экспертиз выявляет норму их организации: они инициативны и поэтому речь может идти о самовыдвижении экспертов, что и порождает основное противоречие «демократической экспертизы», связанное с уровнем рациональности-аффективности экспертных суждений, с достоинствами и «слабостями» здравого смысла.

Стоит иметь в виду, что в процессах взаимодействия гуманитарных научных представлений и здравого смысла дают о себе знать сразу две тенденции: отделение их друг от друга и, наоборот, укрепление непосредственных контактов между ними. Здравому смыслу принадлежит особая роль в диалоге этического знания и повседневного морального сознания, в контактах прикладной этики с ее «адресатом» и «заказчиком». Противоречивость здравого смысла, его известная ограниченность, в том числе языка этого смысла и языка науки, не должны приводить к его противопоставлению современному этическому мышлению. Более того, эталон диалогичности этического знания и морали, герменевтические ориентации прикладной этики требуют исключить отождествление здравого смысла с шаблонным мышлением. В то же время установка на доверие здравому смыслу должна учитывать известную предрасположенность его в критических ситуациях искать в науке «опекунна», занимать позицию стихийного сциентизма, жаждущего готового решения, избавляющего от тяжелого бремени самостоятельного выбора.

Казалось бы, материалы и результаты демократических экспертиз могут быть полезны лишь ученым и политикам. Первым они дают своеобразный камертон, ориентир для собственных экспертных суждений, вторым – возможность отнести к демократической экспертизе как

консультации, позволяющей прогнозировать отношение различных групп сознания к подготавливаемому решению. Но, возможно, они полезны и более широкому кругу – в том числе и тем, кто относит или отнесет себя к субъектам демократической экспертизы: здесь, как в зеркале, можно узнать (и познать) самого себя.

Особо – о профессиональной этике гуманитарных экспертиз. Установка на диалогичность теории – и практики нравственной жизни, эксперта – и ЛПР (ГПР), даже если речь идет об экспертизе в режиме «до востребования», не означает утраты самостоятельности, конкретной ответственности каждой из сторон. «Понимающая» этика не должна выродиться в этику «прислуживающую»: социальный или персонифицированный «заказ» отнюдь не предполагает потери научной принципиальности. Так же, как не означает необходимость сотрудничать с «заказчиком», открыто отрицающим, например, идею консенсуса различных общественных сил, стремящихся использовать потенциал науки в узкогрупповых интересах, противоречащих интересам всего общества.

Гуманитарная экспертиза обязана быть критичной к «заказу», независимо от того, исходит ли «заказ» от наиболее реального на сегодняшний день субъекта принятия решения – политико-управленческого корпуса, начинающего (пока лишь в единичных случаях) делить ответственность с демократическими институтами, от формирующихся в условиях переходного периода общественно-государственных структур или же от наиболее вероятного в развитом гражданском обществе «заказчика» – самоуправляющихся объединений.

В запросе «заказчика» гуманитарная экспертиза призвана видеть противоречивый контекст нравственной жизни современного общества. Например, за апелляциями управленцев-политиков к «человеческому фактору» экспертиза должна обнаружить болевые точки, внутренние противоречия современной моральной ситуации: между существующими нравами и моральной идеологи-

ей, между консерватизмом и авангардизмом в духовных идеалах, между тенденциями традиционализма и модернизма (а также постмодернизма) в нравственных исканиях, между ориентациями на индивидуальную свободу и социальную справедливость и т.п. Ее особая забота – выявить, когда мораль используется как инструмент манипуляции человеком, формирования «удобной», «послушной» личности, не способной критически оценивать социальную систему и реально существующие нравы.

О гуманитарном потенциале методологии и методики общественных экспертиз и об опыте конкретных гуманитарных экспертиз рассмотрим более обстоятельно.

7.2.3. Игровое моделирование как метод общественной экспертизы

КАК УЖЕ было сказано, *гуманитарно ориентированная* общественная экспертиза стремится вскрыть все поле реальных вариантов выбора и решения и стимулировать гуманистическую рефлексию лиц и групп, принимающих решение (ЛПР и ГПР). Экспертиза ставит их в *ситуацию морального выбора*, намеренно сталкивая такие ценностные ряды, как, например, свобода – справедливость, добро – польза, идеал – интерес, стабильность – динамичность и т.п. Именно *испытание выбором* – сверхзадача такой экспертизы. Гуманистический, нравственный аспект этого испытания – в непосредственном вовлечении ЛПР и ГПР в ситуации морального выбора и в культивировании ценностей такого выбора.

Именно поэтому в инструментарии гуманитарной экспертизы важное место занимает игровая методология, игровое моделирование, конкретно – *гуманитарные* (гуманитарно ориентированные, этические, этико-прикладные и т.п.) *деловые игры* (ГДИ).

Метод деловых игр традиционно применяется (независимо от того, опираются ли его сторонники на специальное изучение результатов познания философии и ме-

тодологии игры⁸¹ или нет) как средство имитации процесса принятия решений и их исполнения в искусственно организованных ситуациях управленческого, политического, экономического, экологического, педагогического и пр. планов⁸².

Атрибутивная черта феномена *игры* – способность воспроизводить все виды человеческой деятельности благодаря *двуплановости*, интегрируя при этом: (а) самоценность процесса игры, самовыражения личности, – и результативность игровой деятельности; (б) «условность» – и «серьезность», (в) импровизацию – и организованное поведение, и т.д.

Деловая игра характеризуется «проживанием» реальных ситуаций в искусственных условиях, имитированием решений, оценок, поступков в обстоятельствах выполнения той или иной – заложенной в сценарии игры – роли, исполнением роли как способом представления себя «со стороны», действиями по системе игровых правил, соревновательными стимулами и т.п.

⁸¹ См., напр.: Азаров Ю.П. Игра. Размышления о нравственном воспитании // Новый мир. 1983. № 6; Буске М.М. Что заставляет нас играть? Что заставляет нас учиться? // Перспективы. 1987. № 4; Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988; Левада Ю.А. Игровые структуры в системах социального действия // Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1984; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970; Розин В.М. Методологический анализ деловой игры как новой области научно-технической деятельности и знания // Вопросы философии. 1986. № 6; Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988 и др.

⁸² См.: Арстанов М.Ж., Пидкасистый П.И., Хайдаров Ж.С. Проблемно-модельное обучение. Алма-Ата, 1980; Ефимов В.М., Комаров В.Ф. Введение в управленческие имитационные игры. М., 1980; Комаров В.Ф. Управленческие имитационные игры. Новосибирск: Наука, 1989; Крюков М.М., Крюкова Л.И. Принципы отражения экономической действительности в деловых играх. М., 1988; Пригожин А.И. Игровой подход в управленческом консультировании нововведений // Проектирование и организация нововведений. М., 1987; Попов С.В., Щедровицкий П.Г. Конкурс руководителей. М., 1989; Хруцкий А.Е. Организация и проведение деловых игр. М.: Высшая школа, 1991; и др.

Вариабельность условий, решений, оценок, поступков, возможность и необходимость акта выбора, поиска творческого решения особо важны для деловой игры как таковой. *Гуманитарная деловая игра* отличается особым вниманием к деятельности участников игр как субъектов *морального выбора*.

Конфликтная природа самой игровой деятельности, закодированность в правилах игрового поведения принципов и норм культуры разрешения конфликта, культуры конкуренции и сотрудничества, успеха и поражения сопрягаются с конфликтностью нравственных норм и правил ее разрешения в ситуации выбора.

Столкновение традиции и инновации (особенно, когда новое приходит в облике зла, когда должное достигается насущными и потому не адекватными средствами), конфликт ценностей, принадлежащих разным нормативно-ценностным системам, экзистенциальный риск морального выбора – значимые предметы игрового моделирования как метода гуманитарной экспертизы.

Определяя координаты для метода ГДИ, мы ориентируемся на трактовку *игры как деятельности*. В ряду видов человеческой деятельности *игра* может быть здесь представлена прежде всего с точки зрения ее интенсивного воздействия – прямого и косвенного – на формирование ситуации свободы выбора. Эта ведущая черта игровой деятельности базируется, кроме собственного вариативного потенциала игры, т.е. особых отношений игрового феномена с «возможностями», на способности игры воспроизводить все другие виды человеческой деятельности и достигаемой в процессе реализации этой способности культуры «умения уметь». Все эти моменты в свернутом виде «заложены» в потенциал ГДИ.

Особое место занимает способность игры драматизировать диалог конфликтующих структур (позиций, норм, смыслов, правил и т.п.), задавать соперничеству-сотрудничеству участников игры ситуацию экстремальной борьбы с задачей (и, конечно, с условными носителями

тех или иных способов ее решения). Но важна и способность игры ставить ее участников в такие обстоятельства, когда декларируемые цели проясняются с помощью предъявляемых для реализации этих целей средств (например, социальных технологий).

В то же время для метода гуманитарных деловых игр важно то обстоятельство, что проблема «условного»-«серьезного» в ее метафизическом «измерении» не сводится (независимо от того, хорошо это или плохо) к проблеме преодоления правил. В таких играх «серьезный» элемент – не просто то или иное «дело» (моделируются ли, например, политический конфликт, этническая ситуация или проблемы деятельности НКО). Само это «дело» становится серьезным – в гуманитарном плане – лишь в том случае, если игра содержит экзистенциальный контекст, т.е. не сводится, например, лишь к функции «допинга» или к развлекательно-динамизирующему фактору, а создает контекст человеческой свободы как экзистенциальный фундамент, *смысл* дела. Тем самым выполняя свою экспериментальную роль (в подготовке к реальному освоению ситуации, решению проблемы), гуманитарные деловые игры помогают осваивающему конкретный вид человеческой деятельности субъекту освоить и *смысл* этой деятельности.

Тема моральной позиционности (конфликтности) в ГДИ представляется стержневой. Без мотивации свободного выбора, самоопределения к той или иной позиции участники игры не примут предлагаемого им статуса, статуса морального эксперта, игра потеряет для них смысл игры как таковой. Разумеется, моральная позиционность не противопоставляется здесь традиционно обрабатываемым на разного рода деловых играх предметно-профессиональной позиционности, организационно-ведомственной конфликтологии и т.п. Более того, поскольку редки «чистые» ГДИ, постольку и этические конфликты, ситуации морального выбора в целом присутствуют на гуманитарно ориентированных деловых играх скорее в ткани

других позиционных интересов или их конфликтов. Отличие же состоит в том, что ГДИ моделируют конфликт не только профессиональных ролей, но моральных субъектов.

Особо подчеркнем: ГДИ как технология общественной экспертизы несет в себе известное «противоядие» против потенциально возможных негативных сторон метода деловых игр как такового. Часто ли разработчики различного вида деловых игр ставят перед собой этические проблемы, возникающие в процессе применения этих игр? Разумеется, некоторые из них озабочены психологическими аспектами игры («распредмечивание», «мотивация», «выход из игры» и т.д.), считая обязательным участником авторской команды игры психолога. Но не выносятся ли за скобки внутренняя проблема игрового феномена, остающаяся и в рамках деловой игры: «лицемерность поведения», «бисерность статуса», «манипуляционный соблазн» и т.п.? Учитывается ли содержащийся в игре момент несвободы?

(Само)уверенность практиков, самостоятельно разрабатывающих игры, важно подстраховать не только специальными монографиями и методическими разработками конкретных видов игрового движения, но и активизацией рефлексии о *смысле* игры, который не может (и не должен) быть сведен к «примерке», «тренингу» и прочим утилитарным предназначениям. Игровая методология несет в себе ген технократичности-манипуляторства в отношении к мотивам участия в игре, апологетического отношения к ценности моделируемых проектов, программ, решений и т.п.

ГДИ несут потенциал ценностного контроля и профилактики возможной диверсификации метода деловых игр в различных сферах управления, общественной жизни, обучения. Иначе широкий фронт деловых игр может обернуться трансформацией «игры для пользы дела» в «бюрократические игры». Этическая «составляющая» способна обеспечить выявление скрытых целей таких

«бюрократических игр», постановку и реализацию действительно гуманных целей экспертизы, обучения, проектирования, воспитания, выбор соответствующих средств, критику прагматической «технологии управления».

Любая деловая игра – обоюдоострое оружие. Эта констатация относится и к собственно ГДИ. Сверхзадача этической «составляющей» – развитие культуры морального выбора при решении любой проблемы, гуманитарная экспертиза любого из моделируемых социально-технологических элементов и т.п. Этическая «составляющая» в таком случае стремится испытать любую инновацию периода модернизации общества на достоинство выбора в мире идеалов и ценностей, целей и средств; стимулирует попытку уже в модельных обстоятельствах проявить скрытые ценности и антиценности, определить готовность субъекта к выбору, передать ему прецеденты достойных решений, стимулировать самостоятельный поиск, поддержать в поражении.

Бремя и счастье морального выбора – это и бремя, и счастье ГДИ, игры, которая Добру и Злу не равнодушна.

7.2.4. Сценарное обеспечение общественной экспертизы, проводимой в режиме игрового моделирования

Опираясь на исследования, проведенные Центром прикладной этики в сфере философии игрового феномена, методологии и методики конструирования ГДИ, на опыт Центра в применении результатов этих исследований в процессе создания и проведения гуманитарных (этических) деловых игр⁸³, рассмотрим некоторые техно-

⁸³ См.: Практикум по этике / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1979; Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (III). Аксиология и праксиология этических деловых игр. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН СССР, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1986; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха.

логические моменты ГДИ как одного из весьма эффективных методов общественной экспертизы.

Но прежде – три замечания.

Во-первых, в описании технологических элементов ГДИ мы опираемся на опыт создания трех экспертиз в режиме игры, отражающих ситуацию перелома – от времен перестройки к постсоветским временам истории России. Отражая другие времена, эти игры, на наш взгляд, не утратили своей методологической и методической значимости.

Во-вторых, уместно напомнить общее место в целом ряде книг по деловым играм: их авторы подчеркивают, что язык репортажа с *деловых* игр весьма условен, ибо применительно к ним, в отличие от спортивных игр (например, шахмат), нет общепринятого языка описания.

В-третьих, обратим внимание на трудность выделения *инвариантного* описания ГДИ, применяемых в процессе общественных экспертиз: они могут значительно отличаться друг от друга. Один из выходов – «*собрать*» более или менее общий *методический каркас* гуманитарной деловой игры из фрагментов методических характеристик ряда разработанных и внедренных нами игр.

ПЕРЕХОДЯ к характеристике *методических* аспектов конструирования и проведения ГДИ, попытаемся отобрать наиболее адекватные замыслу этой рубрики *фрагменты сценариев*, сопровождая их краткими пояснениями. С этой целью здесь будут представлены такие блоки сценария игры, как программа, алгоритм, образ результата, правила игры, проблемная ситуация.

Начнем с характеристики программы игры. Обычно этот документ, рассылаемый будущим участникам до на-

Центр прикладной этики. Москва-Тюмень, 1997. Подчеркнем, что деловая игра – чаще всего продукт коллективного творчества. В основной состав авторских коллективов ГДИ, представленных в этой главе, в разное время входили В.И.Бакштановский, Ю.В.Казаков, Ю.В.Согомонов, А.Ю. Согомонов, В.А.Чурилов и др. Научный руководитель – В.И.Бакштановский.

чала игры, выступает как краткое описание замысла игры, ее алгоритма и ожидаемых от нее результатов. Обратим внимание на возможность намеренной или спонтанной импровизации алгоритма уже в ходе игры.

В качестве примера рассмотрим экспертно-консультативную игру (экспертный практикум) «Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора», проведенную в период кризиса КПСС в рамках общепартийной предсъездовской дискуссии.

В предложенной участникам игры программе обособывалась актуальность темы экспертизы и мотивировался ее метод. Акценты: *«вариативность путей развития советского общества, правящей партии, подход к перестройке как ситуации выбора обусловили конструирование такого механизма общественной экспертизы альтернативных вариантов выбора, который, оставаясь практически реализуемым, был бы максимально гуманным, а при этом – максимально технологичным в социальном и политическом смысле»*. Программа характеризовала экспертизу как *«метод ответственного поиска, способ освоения будущего для тех, кто осознал востребованность своей гражданской ответственности, кто стремился максимально увеличить шансы на выживание общества»*.

Специально проблематизировалась целесообразность игрового метода экспертизы: *«До “игр” ли нам сегодня, в такое напряженное, грозное время? Не уход ли это от реальности в выдуманный мир, в “игру в биссер”? “Игра в демократию”?! Паллиатив действительной политической активности? Выдуманные ценности и нормы вместо жесткой этики политической борьбы? Нет! Это способ дополнения и усиления традиционных форм поиска эффективных решений проблемной ситуации как в партии, так и в обществе»*.

Программа обращала внимание участников экспертизы на то, что в сценарий, который предстояло им разы-

грать, заложена имитация вероятного поведения «различных течений, позиций, групп и отдельных членов партии в условиях, которые возникнут, если реализуется та или иная дискутируемая модель партии». Речь шла об экспертизе «экспериментально испытываемого взаимодействия (с точки зрения самой его возможности и реальных путей) всех позиций, которые вовлечены во время экспертного практикума в прогнозируемую и проектируемую ситуацию, а соответственно о моделировании “плюсов” и “минусов”, характеризующих нововведения, и наконец, о содействии и сопротивлении им различных сил в партии и обществе».

Обстоятельно трактовалась роль условности игровой деятельности: ее правдоподобность, вероятностный характер ситуаций должны снять целый ряд проблем «реального эксперимента и защитить участников экспертизы от последствий того риска, на который они идут при том или ином выборе модели. Именно риска, ибо игра – социальное изобретение для освоения нового, для приобретения опыта, в котором нет учителей, это социально-технологическая лаборатория, в которой “исследователь” и “объект” – в одном лице, это – эксперимент на самих себе».

Из программы следовало, что условность ситуации, в которую вовлекались участники экспертного практикума, должна была позволить совершить невозможное в реальной жизни: «прожить» все варианты выбора, испытать *каждый из прогнозов*. Чтобы успеть за временем – в реальной жизни оно шло быстрее, чем находились ответы на вопросы, вызванные инновационными ситуациями, – его предстояло «*свернуть*», ускорить, интенсифицировать опыт проживания ситуаций, сценарного испытания каждой альтернативы.

Применяемый на экспертном практикуме метод игрового моделирования характеризовался с точки зрения содержащегося в нем гуманистического потенциала тех-

нологии сотворчества, диалогизирования поиска, ибо он не «подгонял» ответы к тем, что даны «в конце задачка», а «выращивал» их. Особенность такого моделирования – акцент на нормах и ценностях этики политической деятельности, активизирование экспертной моральной рефлексии в процессе подготовки политических решений.

В программе специально определялись игровые обстоятельства, «правила игры».

«Условная ситуация, в которой нам предстоит прожить два дня, – собрание партийного клуба “Консенсус”, созданного на территории партийного округа в период подготовки к выборам делегатов будущего съезда партии. Участники экспертного практикума – члены и гости клуба (в зависимости от того, принимают они или не принимают нормы-правила кодекса клуба). Какие нормы-правила? Это, во-первых, сознательное разделение членов клуба на секции, ассоциации, фракции и т.п. по приверженности к одной из моделей развития партии. Во-вторых, метод консенсуса в принятии решений (нет проигравших и победителей, все результаты вырастают из компромиссов между позициями каждой секции)».

Важный момент программы заключался в том, что инициативный научно-практический коллектив организаторов рассматривал участников экспертного практикума как «*коллективный субъект экспертизы* и консультирования вариантов демократической и гуманистической технологии разрешения ситуации выбора», которому предстояло *проверить* рабочую гипотезу: «модели обновления партии могут быть интегрированы в единую платформу для выбора делегатов на съезд – если сторонники всех вариантов социалистического выбора попытаются создать механизм сотрудничества, соглашений, компромиссов как единственный способ обеспечения гражданского мира, выживания общества».

И снова программа акцентирует ценностные ориентиры этой игры: «Экспертиза концентрируется на действиях секций клуба, объединившихся вокруг каждой из ис-

пытаваемых моделей, на поведении лиц и групп, борющихся не друг с другом, а за общую цель – победу *над проблемой*. Экспертиза здесь обращена к самому трудному акту в жизни каждого человека – к его *выбору, самоопределению*, к тем качествам человека, для консультирования которых у многих из нас просто нет положительного нравственного опыта, ибо в предшествующих ситуациях развития общества этот опыт в его позитивном выражении не запрашивался».

Перед участниками экспертного практикума ставились задачи диагностики альтернативных моделей, определения узловых моментов интегративной модели, конструирования переходной технологии обновления партии. Решение указанных задач предполагало и результат, достигаемый экспериментом, репрезентируемым по социологическим критериям и потому содержащим диагностические и прогностические элементы.

Следующий фрагмент программы этой экспертизы показывает, как обеспечивалась свобода выбора участников игры: «Сейчас вы войдете в зал, разделенный на секторы. Членам клуба – в зависимости от выбранной ими модели – выделены отдельные ряды. Зарезервированы и места для возможных новых моделей. Игра содержит *элементы ролевого поведения*, что предполагает выбор не обязательно согласно личным убеждениям эксперта, но и возможность, так сказать, “влезть в шкуру” оппонентов. Для тех, кто еще не определился в отношении к той или иной модели или не принял нормы кодекса клуба, также выделены секторы зала».

Авторы программы обращались к участникам с особой просьбой: «Задержитесь на мгновение перед входом. Прочитайте еще раз модельные варианты платформ. Простите за известную категоричность вопросов, но, пожалуйста, взвесьте перед выбором одной из моделей свои предпочтения: несут ли в себе предлагаемые модели шанс на разрешение проблемы? содержит ли ситуация подлинный выбор? допустима ли для конфликтую-

щих друг с другом моделей ориентация на победу? можно ли рассматривать выживание общества как высшую ценность консенсуса сторонников каждой модели?

Вам предстоит серьезная работа, у Вас есть возможность повлиять на ход и результаты партийной дискуссии, на формирование важных политических решений, уровень демократичности и гуманистичности процесса их подготовки и их результатов».

Далее программа предлагала для экспертизы ряд моделей.

Модель 1. Партия переживает тяжелые времена, но не кризис. Она остается в целом здоровым институтом, хотя и требующим перестройки. Ни о какой особой «ситуации выбора», ни о каких принципиально новых «вариантах», «моделях» речь не идет. Партия должна по-прежнему оставаться руководящей и направляющей силой общества, ядром политической системы. Общество должно оставаться однопартийным, учитывая сложившиеся традиции, отсутствие у значительной части трудящихся политического опыта.

При этом очевидно, что новый этап общественной жизни требует обновления партии в том, что касается форм и методов партийной работы: применительно к новым условиям они должны стать более гибкими и разнообразными. Принцип демократического централизма, обеспечивающий единство и боеспособность партии, должен быть и сохранен, и упрочен. В партии недопустимы платформы, различного рода группы, а тем более фракции. Как никогда важна чистота рядов КПСС. Партия должна очиститься от кадрового балласта и дискредитирующих ее членов.

Модель 2. Партия переживает кризис из-за отхода от ленинских принципов внутрипартийной жизни и руководства обществом. В силу глубины кризиса выбора у партии нет: условием ее выживания и, соответственно, выживания общества является переход партии исключительно на политические методы работы, регулируемые

законом. Общество уже сегодня настойчиво ищет альтернативу партии для своего выживания, и КПСС должна активно взаимодействовать с различными социальными движениями и инициативами, завоевывая лидерство в политическом диалоге своим нравственным и интеллектуальным авторитетом, способностью предлагать обществу глубокие, интегративные по характеру концепции политического, экономического, социального, духовного развития.

Путь к такому разрешению ситуации лежит через изменение программы и устава, демократизацию внутрипартийной жизни (отказ от многозвенных и глубоко бюрократизированных структур аппаратного руководства ею, передача функций определения основных приоритетов партийной жизни на местах и способов решения вопросов первичным партийным организациям, гарантия прав внутрипартийного меньшинства, превращение в норму сопоставления взглядов коммунистов на основе различных платформ и т.п.). Необходима отмена или радикальная переработка статьи 6 Конституции СССР.

Модель 3. Общество уже не откажется от возможности выбирать свой путь. Сегодня КПСС практически не сможет просто «запретить», остановить поворот общественного сознания к многопартийности как средству выживания не только социалистической модели развития советского общества, но и собственного выживания. Однако немедленный переход к многопартийности чреват появлением на политической арене страны несоциалистических партий, в том числе – открыто экстремистских. В этих условиях целесообразно легализовать реально существующие политические ориентации членов партии (традиционно-коммунистическая, социал-демократическая и т.п.) и, объявив о самороспуске КПСС, образовать на ее основе три-четыре партии заведомо левой ориентации.

Участие ряда таких партий в политической жизни страны, в парламентской борьбе позволит найти «свою»

платформу значительной части граждан, приверженных идеям социалистического развития, и будет выполнять роль гаранта устойчивого развития советского общества по социалистическому пути.

Модель 4. Ситуация выбора в жизни партии, как и в жизни общества, принципиально изменилась. Кризис партии – и всего общества – требует коренного пересмотра как ее идейного багажа, так и принципов организации, изменения ее места в обществе. Чтобы преодолеть отставание Советского государства от развитых капиталистических государств в экономическом и научно-техническом отношении, коренным образом повысить уровень жизни советских людей, партия должна отказаться от роли монополиста в жизни государства и общества, признать необходимость и санкционировать переход советской политической системы к многопартийности. Это предполагает, что лидерство КПСС доказывается овладением ситуацией выбора на деле, предусматривает соревнование за право определять перспективы общества между партиями, отражающими социально-экономические, политические и духовные реалии страны 90-х годов.

Самой КПСС, чтобы не утратить политического влияния в массах, более точно реагировать на изменения в политической жизни и влиять на них, необходимо трансформироваться в партию парламентского типа (не только с платформами, но и с фракциями).

ПРОДОЛЖАЯ описание фрагментов сценария игрового режима экспертизы, попытаемся показать процесс реализации программы игры в ее алгоритме. Зафиксируем только главные итоги двухдневного поиска⁸⁴.

Напомним, что участники экспертизы должны были в процессе решения игровых ситуаций или подтвердить

⁸⁴ Стенограмма игрового эксперимента составила около 300 страниц. Даже в часовой видеопленке («Мужество выбора». Видеоредакция АПН. Москва, 1990) удалось включить лишь десятую часть отснятого материала.

свою верность модели, выбранной ими на первом этапе, или сменить позицию, или прийти к согласованию моделей на основе компромисса, выработав некую «модель единства». При этом командам была предоставлена возможность испытать два пути движения к взаимопониманию: привычный метод убеждения в предпочтительности своей позиции в режиме митинга, во-первых, и непривычный метод «круглого стола» – во-вторых.

Первое действие алгоритма (после вводного для всех участников «самоопределения к моделям» и разбивки по соответствующим секциям «партийного клуба») предполагало коллективную работу членов каждой секции клуба по совершенствованию избранной модели, развертыванию ее в декларацию и подготовку к защите перед оппонентами из других секций.

Действие второе – предъявление моделей для дискуссии. Оппонентам было предложено исполнить свою роль в разных режимах: пресс-конференции, митинга, партийного пленума, сессии советов. В процессе обсуждения каждой модели экспертами выступали реальные народные депутаты и правоведаы.

Затем для выдвинутых от каждой команды участников «круглого стола» была проведена консультация по технологии выработки консенсуса.

После согласования позиций делегатов «круглого стола» со своими секциями весь «клуб» разделился на две части. Первая – организовала митинг, чтобы именно в такой форме определить (не)возможность консенсуса, вторая – собственно «круглый стол». Обращая здесь внимание на этот этап экспертизы версий развития партийной этики, отметим, что еще до начала «круглого стола» в декларациях секций звучала резкая критика в адрес оппонентов. Авторы репортажа об этой игре в «Московских новостях», дав своему материалу характерный заголовок «Соблазн и страх компромисса. Что возобладало у партийных работников в ходе деловой игры?», отметили, что «консерваторы» высказывались о «радикалах» и «об-

новленцах» так: «Их модели не устраивают нас с точки зрения отсутствия коммунистических установок... Идти с ними на компромисс невозможно». Однако от самой попытки сблизить позиции не отказался ни один из участников «круглого стола». Используя специальную методику, опираясь на предварительные консультации ученых, на ходу обучаясь искусству диалога, вырабатывая правила политического этикета, участники «круглого стола» испытали, на наш взгляд, все возможности компромисса.

Второй день игры начался было с предусмотренного сценарием задания по технологизации моделей каждой секции в виде предложений к Уставу партии и ее платформе (для испытания возможности выработать интегральную платформу клуба). Однако часть сторонников первой модели – не без согласия своих делегатов за вчерашним «круглым столом» – импровизировала объявление о введении «чрезвычайного положения» как более эффективного средства партийной «дискуссии» (даже имитированный митинг, который показал свою абсолютную бесплодность при попытке выработать согласованные позиции, не давал оснований для такого поворота событий). Разумеется, другие секции выдвинули предложение о принятии против сторонников ЧП строгих правовых санкций.

Тем не менее эта игровая импровизация не сломала общего алгоритма экспертизы, и лидеры каждой команды вынесли на обсуждение «клуба» свои разработки (ясно, что сам факт коллективного поиска не менее важен, чем его конкретные результаты: подлинная наука коллективного проектирования была к тому времени освоена очень слабо).

Заключительный этап игрового моделирования был посвящен отработке технологии выборов делегатов съезда. Результаты выборов содержали, на наш взгляд, определенную прогностическую информацию. Больше число голосов членов клуба набрал делегат от «умеренных», следующим по числу голосов был делегат от вновь

созданной во время практикума секции «круглого стола», за ним – «обновленец», «радикал», «консерватор» (условные названия секций даны авторами репортажа с игры в «Московских новостях»).

ДРУГОЙ пример общественной экспертизы в режиме ГДИ поможет нам показать как *инвариантность* сценарного обеспечения экспертизы, так и возможные его *модификации*. Пример этой экспертизы также поможет конкретизировать положение ученых-гуманитариев в такого рода акциях. Особое место в описании игры занимает *нравственная атмосфера экспертизы*.

Обратимся к экспертной игре, проведенной в рамках проекта «Самотлорский практикум-2». Тема ГДИ: «Этос и этнос: социально-этическая справедливость как объект политического решения» (июнь 1989 года, г.Ханты-Мансийск Тюменской области). Цель: гуманитарная экспертиза альтернативных политических решений проблем выживания, убережения и содействия развитию коренных народов Севера.

Программа игры предлагала видение проблемной ситуации, пытаясь наглядно зафиксировать ситуацию выбора политического решения, сложившуюся в связи с освоением Тюменского Севера, предлагая эскиз каждой из идеализованных моделей. Особенность сценирования этой экспертизы – *этическая проблематизация* каждой из предложенных моделей (предложение оценить, *насколько нравственным, справедливым* может быть тот или иной вариант решения проблемной ситуации) и порождаемых ими *контрпозиций*.

«*Уважаемый эксперт!* Реальная практика интенсивного промышленного освоения Севера делает проблемным само этническое выживание коренных народов со свойственным им патриархально-традиционным общественным укладом и типом сознания. Политические решения, пытающиеся минимизировать негативные последствия в области национальной политики, обычно запаздывают, вызывают недовлетворенность и тем самым

способствуют эскалации социальной напряженности в национальных отношениях.

Анализ мнений и предложений участников *пилотажного* практикума позволил выявить три наиболее активно выдвигаемые идеализованные модели политического решения. Просим вас дать *экспертную оценку* полученных материалов. При этом предполагается, что наша экспертиза отдает приоритет *ценностному измерению* и лишь в общих чертах анализирует социально-технологические проекты.

Модель 1. НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО. Сторонники этой модели исходят из убеждения, что управлять национальными процессами мы еще не умеем (“еще не научились”), а скорее эти процессы и вовсе “неуправляемы”. Следовательно, для субъекта политического решения достойнее и гуманнее в такой ситуации не брать на себя ответственность, уклонившись от выбора.

Нравственно ли это решение? Оцените, пожалуйста, следующие контраргументы, выдвинутые группой участников пилотажного моделирования.

Принять модель “Невмешательство”, опасаясь неведомых и непрогнозируемых последствий управленческих решений, значит обречь коренные народности Севера либо на самоуничтожение (слабая степень приспособляемости к новым условиям, нежелание и неумение переходить на новые технологии, низкий уровень жизни, грамотности, широкое распространение алкоголизма и т.п.), либо на уничтожение, поскольку рано или поздно их поглотит процесс промышленного освоения, обремененный отчуждением от человека как целей, так и средств.

Модель 2. ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА. Ее поборники предлагают исключить некоторые территории, где традиционно проживали коренные народности, из процесса промышленного освоения. Эти земли закрепляются за коренными народностями в форме национального поселка, района, управление которыми предельно автономно. Предполагается, что именно таким путем удастся восста-

новить традиционный образ жизни и тем самым, как минимум, устранить социальный дисбаланс, предотвратить физическое исчезновение этноса, а возможно, и достичь этнического возрождения. *Насколько нравственным, справедливым может быть такое решение? Выскажите, пожалуйста, свое мнение по поводу следующих сомнений группы участников пилотажа.*

Модель “заповедная зона” противоречит стремлению нашего общества к единому идеалу социальной справедливости. В то же время решение о создании подобных “зон” приведет к тому, что часть народов страны будет открыта историческому прогрессу, а другая – выключена из него, искусственно или добровольно загнанная в условия резервации. Сегодня мы создадим “заповедные зоны” для коренных народностей Севера, а завтра – для других, более развитых, народов? Наконец, не придем ли мы к тому, что создание искусственных барьеров породит историческую “смерть” всем тем народностям, которые ныне не способны соревноваться с развитыми регионами страны?

Модель 3. КУЛЬТУРНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ. Субъект политического решения расценивает как аморальные и несправедливые как первую (“стыдно уклоняться”), так и вторую (“по сути – это резервация”, насильственно возвращающая этнос в “патриархальную первобытность”) модели. Сторонники модели-3 (при всем их многообразии – от “прогрессоров” до “миссионеров”) предлагают в качестве альтернативы контролируруемую обществом ассимиляцию культур, своего рода “подтягивание” их до уровня современной цивилизации. При сохранении народной самобытности такое решение даст возможность “вписать” этносы Тюменского Севера в единый современный тип сознания, а через него – в новый тип общественного уклада. *Допустимо ли этически такое решение? Нравственно ли навязывать свои ценности другим народам насильственно? Квалифицируйте, пожалуйста, ниже-*

следующее альтернативное суждение группы пилотажного моделирования.

Не говоря об утопичности стремления поднять уровень цивилизации коренных народностей до такой степени, что они вольются в единый культурный массив страны, модель эта безнравственна априорно. Не обманываем ли мы сами себя, навязывая чуждые коренным народностям урбанистически-индустриальные ценности и жизненные идеалы, полагая, что у нас с ними общие смысло-жизненные представления, установки и приоритеты?! Традиционный образ жизни и мыслей настолько разительно отличаются от современных, что коренные народности не только не готовы, но, безусловно, и не хотят иной культуры, иной системы ценностей. Они не видят в “ином” альтернативы: за них выбор уже осуществил обычай.

Итак, для экспертизы предложены три модели и три порождаемые ими этические контрпозиции. Мы будем признательны Вам и за предложение других моделей, учитывающих, с одной стороны, жизненную реальность, а с другой – гарантирующих, что цель не потеряет своего нравственного достоинства.

А возможны ли такие модели вообще? Возможно ли “освоение без отчуждения”?».

На Самотлорский практикум-2 были приглашены ученые, партийные, советские, комсомольские работники, деятели культуры, представители средств массовой информации. Им предстояло принять на себя роль участников заседания условного «Президиума Совета народных депутатов автономного округа». Такого рода органа управления тогда, в 1989 году, не было. Но именно в моделировании деятельности этого гипотетического института как своеобразной переходной модели предстояло достичь нового уровня политической культуры в решении национальных проблем, ориентации политических решений на ценности права и требования общественной ответственности, на достижения гуманитарного знания.

Алгоритм игрового поиска включал три этапа. Первый, диагностический этап, посвящен анализу идеализованных моделей и тех предложений, которые возникли на предварительной экспертизе. Ожидаемый итог первого этапа – отбор тех моделей, которые участники ГДИ посчитали целесообразными для дальнейшего игрового испытания. В процессе такой селекции сформированы команды – целевые научно-практические бригады, объединенные признанием той или иной модели политического решения. Их задача – не столько победа одной команды над другой, сколько «соперничество с проблемой». Второй этап игры – проверка отобранных (или вновь созданных) вариантов посредством ситуационного испытания конкретных «болевых точек» современной жизни района нового освоения. Критерий подбора ситуаций – положения международных юридических документов, посвященных народам Севера. Разумеется, учитывая специфику региона. Третий этап – поиск способов доведения апробированных моделей до уровня социально-технологических предложений и рекомендаций.

Планируемый итог практикума – проект «Гуманитарная платформа политического решения этнической проблемы на Тюменском Севере». Основному содержанию этого проекта предстояло войти в проект «Закон о Ханты-Мансийском автономном округе» (в его целевую часть и разделы, содержащие пакет социально-технологических решений). Предполагалось, что процесс работы над документом позволит, во-первых, сформировать новое представление о взаимоотношении гуманитарного знания и политической деятельности; во-вторых, приведет к осознанию исследователями и политиками общественной необходимости в гуманитарной экспертизе, содержащей рефлексию человеческого смысла политических решений.

В соответствии с общей идеей о роли ГДИ в общественной экспертизе игровое моделирование выступало здесь формой совместного творчества заинтересованных

сторон, методом испытания не только «вариантов», но и моральных позиций их авторов. Особое испытание – для тех, кто после игровой формы экспертизы будет принимать решения уже в «серьезной» ситуации.

Три момента игры оказались весьма драматичными. Во-первых – драматизм настроения представителей коренных народностей, среди которых были приверженцы всех обсуждаемых моделей решения. Можно ли при этом говорить об общей судьбе для всех народов Севера? Во-вторых – драма власти, стремящейся совместить ценности гуманизма с реализмом, прагматизмом. Удастся ли ей сотворить нечто большее, нежели «меньшее зло»? В-третьих – драма исследователей-гуманитариев, рискнувших перейти от традиционной для них критической позиции в отношении к действиям власти к позиции конструктивной, пытающихся участвовать в политической деятельности при очевидной противоречивости требований морали и политики, при неразвитости политической этики в ситуации переходного периода.

Стоит отметить, что эта ГДИ, посвященная конкретной проблеме, активизировала поиск в сфере политической этики, позволила испытать и продвинуть нравственный потенциал современной политической практики, поддержать стремление ориентированных на перестройку представителей власти овладеть политическими методами руководства в новой ситуации, когда на первый план выдвигаются гуманизм целей и демократичность решений.

Экспертный характер игрового поиска ориентировал на испытание намерений, возможностей и умений политиков принимать максимально возможные в данных условиях справедливые решения, искать наилучшие варианты этих решений в диалоге с представителями коренных народностей, а не вместо них, сотрудничать с гуманитариями как в экспертизе, так и в проектировании новых социальных технологий, без которых не вылечить застарелые болезни общества.

Игра-экспертиза еще раз убедила, что на перепутье вышли все структуры общества – не только профессиональные политики и этнические общности, но и те, кто исследуют политику и этнос, социогуманитарное сообщество. И каждая структура, и каждый в структуре стоят перед выбором. «Трудно быть богом?» А легче ли выжить этносу? Легко ли политическому деятелю выбрать справедливую модель? А быть экспертом, обреченным призывать минимизировать зло? Каждый выбирает сам за себя?

По-видимому, нет иного способа «подготовки» к жизни в ситуации политической свободы, чем вовлечение в реальный выбор и активная рефлексия по каждой альтернативе решения.

На «Самотлорском практикуме-2» все игровые команды проявили готовность понять друг друга, без колебаний высказали продуктивные сомнения по поводу предлагаемых альтернативных моделей политического решения. Поэтому данная игра, в отличие от некоторых предшествующих, сохраняла, а временами даже усиливала интерес участников к теме обсуждения без игротехнических способов искусственного «подогревания» азарта борьбы, желания победить в схватке во что бы то ни стало.

Вместе с тем игра мало напоминала развитие действия по строгому протоколу. Она одарила неожиданными поворотами, практическим результатом с неоспоримым позитивным эффектом – в ее ходе возникли непредусмотренные сценарием инициативные группы самих участников. Примечательно возникновение ядра будущей Ассоциации малочисленных народов Тюменского Севера с серьезным «заделом» для собственной программы. И тогда игровой конфликт перерос в реальный: условно-серьезный мир игры предстал как в высшей степени серьезный мир ответственных политических решений. Их принятие вовлекало участников игры в драму идей, создавало ситуацию трудного выбора. Соответственно учиво-воспитательный диалог превратился в диалог, состав-

ленный из конфликтных поступков. Обнаружились несоответствия умеренных нравственно-политических позиций представителей старшего поколения коренных народов и одной из групп научных консультантов – с радикальными позициями другой группы научных консультантов, работавших с представителями молодой интеллигенции коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа. Трудно было предсказать отдаленные результаты такого конфликтного диалога, хотя получившая всеобщее одобрение участников игры «Платформа выживания коренных народов Севера» оказалась одновременно платформой, объединяющей – в главном – и умеренные, и радикальные группировки.

Эффектом политической социализации была насыщена сама атмосфера игры. Ее организаторы смогли сконцентрировать усилия участников на легитимизации прав меньшинства – духовное воздействие обеспечивалось не только созданием ситуации выбора, но и спроектированными в процессе игры демократическими процедурами решения этих ситуаций.

Мучительно трудный вопрос композиции нового социально-политического идеала получил, кажется, дополнительный импульс. Первоочередное значение приобрел национальный компонент этого идеала, что явно недооценивалось на предыдущих этапах развития нашего общества. На глазах участников игры формировался синдром «взрыва» этнического сознания малочисленных народов. Одновременно был поставлен вопрос о создании на Тюменском Севере новой русскоязычной межэтнической общности («северяне»). В этом процессе этногенеза могли бы обрести оседлость те из числа «пришлых», которые олицетворяют феномен «промышленного кочевничества» нашей цивилизации – опасный дестабилизирующий элемент не одних только районов нового освоения.

Игра выявила и сгусток бед и страданий, которые выпали на долю коренных народов Севера, но не обошли стороной и тех, кто уже обжился в регионе, и «кочевни-

ков». Игра вызвала чувство сопереживания, сострадания, желание без промедления протянуть руку помощи (не отсюда ли родилось название одной из инициативных групп – «Немедленное действие»?!). Усилия соавторов командных вариантов проекта «Возрождение» подхлестывались именно этими настроениями. Сопереживание выразилось и в максимализме требований некоторых команд (вспоминается лозунг молодежного движения 60-х годов – «будьте реалистами, требуйте невозможного!»).

Экспертиза в режиме ГДИ завершилась созданием платформы «Возрождение», которая в тот период истории страны и региона имела ряд перспективных аспектов и привлекательных сторон, не утративших, как нам думается, этих свойств и сегодня.

Еще один эффект этой игры заключается, видимо, в том, что не только представители национальной интеллигенции обрели большее чувство собственного достоинства, подкрепленное сочувствием всех участников игры, но и остальные участники оказались в выигрыше: хотя бы частично реализованное стремление оказать помощь является характерным свойством гуманитарной экспертизы.

7.2.5. Общественная экспертиза в режиме игрового моделирования: цикл «заказ – разработка – внедрение – рефлексия»

Большая телестудия «Останкино». Через несколько минут откроется общественная экспертиза в режиме деловой игры. На площадке – несколько длинных столов. Таблички на каждом из них – названия игровых команд: «регион N», «экспертный кабинет министров», «гражданская экспертиза». Отдельно – столик ведущих. Стол представителей заказчика общественной экспертизы, реальных членов Правительства России, в отдельной студии (они участвуют в игре с помощью видеосвязи).

Член Правительства РФ объявляет участникам игры о предстоящем наступлении «Дня X» – введения закона о либерализации цен – и говорит о заинтересованности Правительства в предварительной экспертизе вероятных последствий введения свободных цен и поиске в процессе экспертизы возможных средств смягчения этих последствий. Ведущий формулирует командам цель деловой игры: моделирование поведения «региона N» (читай: Тюменской области) в ситуации после объявления «Дня X»; одна из задач игрового моделирования – в условных (игровых) обстоятельствах «проживаются» различные варианты деятельности Правительства России с целью стратегической коррекции разрабатываемой программы реформ. Участники экспертизы занимают свои места в командах согласно сценарию. Микрофоны включены. Запущены часы (строго соблюдается регламент – игра «деловая» и в этом смысле). Деловая игра начинается. Пошла видеозапись.

Включаем запись видеопленки. На экране – команда «регион N», состоящая из четырех групп: «администрация», «Советы», «общественность», «газеты». В составе этих групп – реальные сотрудники администраций, советских органов, общественные активисты, журналисты.

Команда начинает решать первую задачу – «прожить» одну из ситуаций, конкретизирующих последствия «Дня X». Ситуация называется «Справедливые цены». Предстоит испытать морально-психологическую реакцию «региона N» на вводимые в «День X» «свободные цены», оценить способность государственных и общественных структур соотнести критерии распределительной и либеральной справедливости, разрешить или хотя бы правильно сформулировать неизбежный конфликт этих критериев.

Видеофильм демонстрирует, как моделирующая деятельность команды «регион Н» осуществляется в рамках особых «правил игры» – конструирования испытательного полигона, с жизнедеятельностью которого (прежде всего с непрерывно возникающими ситуациями выбора) соотносят свои действия и заказчик, сам косвенно участвующий в игре, и другие команды. Как работает команда? Судя по событиям на экране – проводит «эксперимент на себе». Неизбежный риск принимаемых в неожиданных ситуациях оперативных решений не только допустим, но и предусмотрен игровым сценарием. Возможность обнаружить и осознать допущенные ошибки, в том числе отмеченные командами «гражданская экспертиза» и «газеты», осознать и исправить их, показывая, хотя бы методом «от противного», альтернативы поведения различных структур региона и природу политического этоса в условиях либерализации цен – одно из условий игры. (При этом проверка рабочих гипотез исследовательского коллектива производилась таким образом, чтобы альтернативные решения ориентировались не на эталонный стандарт, но на средний уровень прогнозируемого управленческого потенциала региональных структур власти.)

Как возник заказ на эту экспертизу? События августа 1991 года и последующий вихрь перемен в духовной и политической жизни России, соответствующие (хотя и не всегда своевременные) преобразования в политической системе радикально изменили всю обстановку в стране. Что было только расшатано, рухнуло: шлюзов, сдерживающих обновленческий поток, больше не существовало. Во всяком случае, так казалось. В повестку дня был поставлен вопрос стратегического плана: «Что делать?».

Но либеральный проект коренного реформирования новой политической и хозяйственной системы страны

существовал в виде разрозненных идей и платформ, на уровне предугадывания и предчувствия. Были сделаны только первые шаги преобразования идей, живущих на уровне публицистических сюжетов, в более или менее стройную идеологию радикального либерального экспериментирования. Только позднее выяснилось, что идеология и практика либерализма, отменно «работавшие» на Западе, истолковываются у нас имитационно, скорее в духе вульгарного либерализма, и потому чуть ли не априорно были обречены на пробуксовывание в России. Еще далеко было (но речь идет – не забудем – о спрессованном историческом времени) до возникновения альтернативных или консервативно-либеральных проектов реформирования общества, до осознания необходимости скорейшего завершения жесткого экспериментирования над экономическими и политическими структурами страны, до появления национально-государственных проектов реформ и контрреформаторского проекта.

В возбужденной и неуправляемой ситуации в ноябре-декабре 1991 года Правительство РФ заказало Центру прикладной этики общественную экспертизу *вероятных последствий* намеченного на ближайшее время *политического решения о либерализации цен*. Запрос на общественную экспертизу был сформулирован заказчиком в двух аспектах. Первый из них, социально-философский, концентрировался в тезисе о либерализации цен как *первом шаге* в направлении к либерализации экономики, жизни общества в целом. В свою очередь, этот тезис сопрягался с оценкой либерализации цен как *«лучшего из худшего»*, что могут предпринять реформаторы в сложившихся обстоятельствах. Второй аспект, организационно-управленческий, фокусировался в тезисе о необходимости срочного испытания эффективности структур, созданных первым постсоветским правительством России, и, в случае их неэффективности, проведения опережающей управленческой коррекции.

Интерпретация заказа как экспертной проблемы

выразилась в выборе в качестве предмета экспертизы *«правил игры» переходного периода к правовому государству и гражданскому обществу, иначе говоря – конфликтологии норм и ценностей взаимодействия субъектов рыночных реформ в ситуации формирующегося политического этоса гражданского общества*. В соответствии с замыслом экспертного коллектива в аванпроекте экспертизы были сформулированы три гипотезы.

Первая из них требовала ответа на вопрос о *допустимости идеи намеренности в формировании гражданского общества*, т.е. известного проектирующего воздействия на самоорганизующийся в нормальных (естественных) исторических условиях процесс, и о конкретных способах ее реализации в деятельности властных структур.

Вторая гипотеза – о возможности и целесообразности самого процесса прогнозирования поведения в условиях либерализации цен не в привычных как для заказчика, так и для большинства участников экспертизы социальных характеристиках (профессиональных ролях, социально-демографических параметрах и т.п.), а в *морально-психологических, этико-культурных идеализованных типах*. Предполагалось, что экстремальная ситуация, в которой окажется российское общество после «Дня X», будет соответствовать двум противоположным моделям поведения. И это не «сторонники» или «противники» реформ, «инноваторы» или «реваншисты», и даже не «рынкофилы» и «рынкофобы». Массовая ситуация может быть понята путем различения типов «человека рискующего» – и «человека, стремящегося к гарантиям и стабильности», иначе говоря, *«людей игры»* – и *«людей порядка»*.

Третья гипотеза заключалась в том, что для реализации идеи намеренности важно *знание реального этоса, «правил игры» субъектов рыночных реформ и, что особо значимо, культивирование «честных правил» взаимодействия этих субъектов*. Способом выявления

практикуемых норм и влияния на них является игровое моделирование поведения субъектов и органов государства и гражданского общества.

Зачем для экспертизы был избран метод гуманитарных деловых игр? Для решения задач общественной экспертизы творческим коллективом была разработана игровая модель *экспертной системы*. Три элемента этой системы – «модель региона Н», «экспертный кабинет министров», «гражданская экспертиза» – выступали своеобразными «зеркалами», стимулирующими и организующими рефлексии представителей заказчика.

Экспертная подсистема «регион Н», характеристика которой дается ниже, действовала в условном режиме открытой радиостудии и этим приемом технологизовала заданный игровой фактор – принцип гласности в процессе подготовки управленческих решений. Второе условное обстоятельство поведения этой подсистемы заключалось в декларируемом «администрацией региона» намерении визировать все принимаемые решения у научных консультантов – психологов, социологов, этиков. В целом «регион Н» («администрация», «Советы», «общественность», «газеты») был основным испытательным полигоном, репрезентирующим⁸⁵ поведение государственных и общественных институтов после «Дня Х»; именно эта экспертная структура «должна» была совершить возможные ошибки и испытать разнообразные реакции на них.

Подсистема «экспертный кабинет» моделировала поведение условного «теневое правительство» и стимулировала экспертную рефлексии и оценочную (в отличие от прескриптивной) функцию. Задача этой структуры на игре – наблюдать за ходом конфликта *внутри* самого

⁸⁵ Напомним, что достоверность общественной гуманитарной экспертизы определяется потенциалом прогнозирования поведения различных морально-психологических и этико-культурных типов внутри обычно выделяемых социологами социально-демографических структур общества.

«кабинета» с точки зрения интересов условно выделенных в составе правительства «идеологов» и «прагматиков».

Организованная в соответствии со сценарием структура «гражданская экспертиза» моделировала идею «гражданского парламента», модифицированную из оппозиционной политической формы в чисто экспертную, выражающую этико-культурные позиции нарождающегося гражданского общества. Соответствие и представительство в этой подсистеме определялись не личной принадлежностью к какой-либо из структур («от рабочих», «от интеллигенции» и т.п.); в модельный парламент входили эксперты по структурам – публицисты, известные своими профессиональными работами по проблемам фермерства, власти, учительства, предпринимательства и т.п. Режим деятельности «гражданской экспертизы» аналогичен деятельности «Римского клуба».

Моделирование поведения участников экспертизы концентрировалось в игровом проживании двух ситуаций, конкретизирующих последствия «Дня X». Первая из них, как уже было отмечено выше, имела название, прямо ориентирующее на гуманитарную экспертизу экономических реформ: *«Справедливые цены»*. Вторая ситуация – *«Фиксированные цены»*. Здесь моделировалось возможное забастовочное движение на предприятиях, связанное с фиксируемыми «сверху» ценами на их продукцию (прежде всего на нефтяных предприятиях); особое внимание было уделено вопросу о том, являются ли фиксированные цены данью популизму или же они обусловлены экономической и социальной целесообразностью первого этапа реформ.

В соответствии с разработанным алгоритмом игровой экспертизы, ориентированным на испытание гипотезы *намеренности*, первый этап игры был по преимуществу мягко организованным внутренним взаимодействием структур «региона Н». «Чисто» стихийное становление регионального «гражданского парламента» сравнивалось

с «чисто» проектировочным способом изначально организованной структуры «гражданская экспертиза». В этой связи важен вывод участников послеигровой рефлексии о том, что заложенный в сценарии для игрового испытания контраст между «хаосом» первого этапа игры и «порядком» второго этапа показал, как и прогнозировалось, способность обеспечить лишь минимум эффективности, соответствующий скорее стандартам командной системы, принимающей оперативные решения, но не достаточен для стратегического управления, призванного реализовать социально-философский смысл реформ, ориентированный на взаимодействие государства и гражданского общества. Административный подход к либерализации цен обрекает ее на отрыв от более широкого смысла идеи либерализации общества.

Алгоритм работы экспертной системы «регион Н» трехэтапный: подготовка к «Дню X»; оперативная реакция на первые последствия либерализации цен; «проживание» более отдаленных последствий.

В моделировании проблемной ситуации «Справедливые цены» региональная команда продемонстрировала *нереальность* выбора модельными участниками рыночных реформ позиции самостоятельных субъектов решения, освободившихся от патерналистских идеологии и психологии. Это обнаружилось уже в искренней готовности большинства членов данной экспертной группы принять именно то название ситуации, которое намеренно было предложено сценарием, даже не поставив под сомнение соответствие рыночному мышлению самой постановки вопроса о «*справедливости цен*».

Отсюда вывод послеигровой рефлексии: региональным администрациям, заказчику необходимо отслеживать аналогичные попытки оценивать рыночные шаги в терминах патерналистской идеологии, морали уравнительности. Даже идя на вынужденные компромиссы, принимая паллиативные решения (вроде фиксированных

цен), следует различать новую и старую моральные идеологии и психологию.

В моделировании поведения структур «региона Н» во второй проблемной ситуации было испытано решение о реализации идеи либерализации цен собственно рыночными методами. Решение «администрации» о выпуске акций условной «Народной нефтяной компании» моделировало намеренность государственного института стимулировать – идейно и материально – формирование субъектов гражданского общества. Рекомендация из послеигровой рефлексии: для профилактики возможных конфликтов Центра и региона целесообразно, во-первых, стимулировать повышение ответственности администрации путем расширения ее свободы и, во-вторых, помочь чиновникам Центра отличать владение собственностью от управления ею. За таким подходом и обнаружится смоделированное экспертной подсистемой «регион Н» постепенное делегирование ответственности от государства региональным общностям.

В соответствии со сценарием из всего многообразия структур модели «регион Н» особое внимание уделялось деятельности именно администрации региона и поведению управленческого корпуса, который принимает решения на местах. Ведь наибольшее число ошибок вероятно как раз в этом звене, да и наибольшее число конфликтных (вполне возможно, что не намеренных) шагов будут совершаться тоже здесь.

Моделируя ситуацию незавершенности формирования новых структур исполнительной и законодательной власти, неопределенности их положения, авторы проекта общественной экспертизы предполагали, что мало кто «на местах» захочет в сложной реформаторской ситуации брать на себя ответственность за решение конкретных вопросов.

Оказавшись в нестандартной игровой ситуации, «администрация региона» часть возникающих проблем брала на себя, решая их именно на региональном уровне.

не, другую часть – формулировала для «правительства», передавая их в компетенцию Центра. Определенную часть своих вопросов «администрация» намеренно пропускала «наверх» (этот управленческий «прием» использовался из-за физической невозможности освоить шквал навалившихся задач и забот, в надежде затянуть время и отвести удар от себя). Еще одна группа вопросов объективно, из-за нехватки времени и сил, просто повисала в воздухе – их количество не контролировалось «администрацией» (о них не узнавало и «правительство»).

Это модельное состояние заслуживало особой рекомендации в случае усвоения «уроков» игры в реальной работе: здесь содержится опасная группа проблем, ибо не успевая ни решить их, ни даже делегировать решение другим, региональные политики накапливают критическую массу. Такая ситуация складывалась, например, в процессе работы «администрации» в режиме свободного микрофона. Конечно, «население» считало, что «администрация» не хочет слышать их насущные заботы, но не менее вероятна другая причина, удачно смоделированная на игре. Речь идет об ограниченной пропускной способности управленческой системы, в которой не налажены механизмы сбора и обработки информации в условиях, когда процесс подготовки решения открыт.

В ходе игры «администрация региона» изобрела ход – прямо выйти «на народ». Этот точно смоделированный популистский прием показал, что настоящая демократия невозможна без создания посредников между «государством» и «народом», которые компенсировали бы неэффективность существующих органов представительной власти. Но как только в общение с «администрацией» включалась региональная «гражданская ассамблея» – возникший на игре орган общественной инициативы, диалог становился более эффективным (в том числе за счет уменьшения количества и повышения качества подобных обращений к администрации). При этом сам по себе прием, примененный «главой администрации» –

превращение своего кабинета в «радиостудию», – по мнению, высказанному в процессе послеигровой рефлексии, целесообразен именно в чрезвычайных ситуациях, требующих особых способов общения власти и народа. Разумеется, необходим и известный опыт диалога для обеих сторон. Другое дело, что без развитых гражданских структур этот диалог может обернуться ловушкой, способной «утопить» благие намерения администрации и породить дополнительные фрустрации населения, в очередной раз обнаружившего декларативность «открытости» органов власти.

Моделирование взаимоотношений региона и Центра привело участников общественной экспертизы к выводу о необходимости тщательно разработанной региональной политической системы, специальных «правил игры». Отсутствие этих правил, которые подразумевают перераспределение прав и ответственности, на деле порождает безответственность региональной власти. Например, в ходе экспертизы «администрация» получила от «правительства» прежде всего такие «вводные», как аварии, «ЧП» и т.п., которые предписывали ей лишь роль «пожарников» и не позволяли действовать в качестве самостоятельных органов власти. Такого рода «вводные» не учитывают наличие у региональной администрации собственного опыта решения проблем (в том числе и в чрезвычайных ситуациях), порождают подозрение в недоверии Центра к позитивному опыту управленцев, накопленному ими на прежних ступеньках карьеры.

Эксперты, моделирующие поведение населения «региона N», отметили, что «администратор» был не просто распят между «молотом» и «наковальней» (властью Центра и своим населением), но больше всего был озабочен неполным доверием правительственных структур этому назначенцу президента, давлением «сверху».

В начале игры команда «регион N» решила выстроить свою структуру тривиально, рутинно: «зам. по экономике», «зам. по социальным вопросам», «зам. по связям

с общественностью» и т.д. Ход игры показал, однако, что нестандартная ситуация, порождаемая либерализацией цен, диктует и нестандартные способы ее решения. Так, специально смоделированная сценарием игры «кадровая революция» открыла ненадежность ставки на включение в аппарат «чистых» теоретиков – они не справились с управленческими процедурами, не смогли взять на себя груз личной ответственности, скомпрометировав при этом саму идею кадрового обновления.

Неслучайно, но по логике сценария и по собственной логике игры в ее финале «администратор» остался один, без команды, без поддержки населения, защищаемый лишь авторитетом назначившего его президента.

В ходе игры потребовалось испытать нормы взаимодействия администрации «региона Н» и его законодательной власти. Традиционный вариант распределения функций между ними обнаружил свою неэффективность в решении и первой, и второй проблемных ситуаций. Например, на третьем этапе игры, после «Дня X», «Совет народных депутатов» по привычке продолжал брать на себя заботы, отошедшие к исполнительной власти (заслушивал заместителя главы администрации, не выработав при этом упреждающих – по отношению к программе мер администрации – законодательных стимулов и санкций, не очертив их условия). Внеочередная сессия Совета состоялась не в процессе подготовки ко «Дню X», а лишь в первый день либерализации цен.

Вывод-рекомендация аналитиков: на следующих этапах либерализации необходимо обеспечить готовность законодательных институтов регионального уровня к опережающему обеспечению каждого реформаторского шага. Особенно важно для Советов помочь администрации удержать позицию последовательного проведения реформ – при всех соблазнах к отступлениям в популистском стиле под давлением «снизу». И при всех неизбежных сменах команды администратора поддержать его личный авторитет (до тех пор, пока он из «назначенца»

не будет переведен в ранг избранного народом губернатора). Особая рекомендация: необходимо немедленное выстраивание «законодательной вертикали», которая должна сопровождать «вертикаль» исполнительную. А Президент России должен в равной степени заботиться о развитии обеих «вертикалей»; его «команда» должна иметь влияние как на ту, так и на другую власть.

В чем эффект экспертизы? Вряд ли стоит с моралистским пафосом упрекать тех участников игры, чьи поиски сосредоточились прежде всего на прагматических целях: трудно думать о высших потребностях, когда под угрозу поставлены первичные. Этим же, вероятно, объясняется и склонность части экспертов к пессимистической оценке способности властей обеспечить тот минимум социальной защиты, без которого рискованна любая намеренность государства в модернизации общества.

Особый исследовательский и политический интерес представляет дифференциация разных этико-культурных типов людей с точки зрения готовности и способности принять на себя ту или иную меру тягот либерализации цен, ожидать возможных положительных эффектов от первого шага рыночных реформ. Конфликты между этими группами могут и должны составить предмет выработки «правил игры» уже для реальной действительности.

Едва ли не главная проблема становления гражданского общества – координация разнонаправленных интересов его структур. Они оказались глухими друг к другу, а для разрешения внутренних конфликтов обращались только... к власти. Вероятно, реализация идеи намеренности в формировании гражданского общества предполагает взаимодействие государственных структур не с «населением», «массами», а с малыми группами гражданского общества, наиболее расположенными к риску, к негарантированным результатам. Такого рода адресности каждого шага государства может способствовать определение сферы, в которой даются гарантии, и сферы, в которой стимулируется гражданская ответственность.

До гуманизма ли в ситуации тотального конфликта по поводу тягот либерализации цен между всеми слоями и группами, стремящимися переложить эти тяготы на чужие плечи? Можно ли согласовать правила игры всех этих субъектов? Ктоотрегулирует шаткий баланс интересов? Возможно, смоделированный на игре «гражданский парламент»? Но можно ли забыть фактически пренатальное состояние структур гражданского общества и их склонность апеллировать к власти? Между тем политический истеблишмент разного калибра – прежде всего в региональной модели – обнаружил низкую готовность к возмущениям в силовом поле перемен (независимо от того, решалась ли первая или вторая игровая ситуация). Он был более склонен либо к инертности, либо к импровизационным решениям в контролируемых секторах жизни. Доминировала ориентация на оперативные решения в ущерб стратегическим целям и ценностным основаниям рыночных реформ.

Проведенная без апологии и предубеждений общественная экспертиза в режиме ГДИ выявила глубокий провал в «идеологическом обеспечении» реформ в целом, либерализации цен – прежде всего. Может ли «нехватка времени и сил» распространяться на этот предмет, если морально-психологическая неготовность к либерализации – вполне материальная сила? Не следует разворачивать знамена казенного оптимизма, но как обойтись без преодоления некомпетентности на уровне прописных истин, без воскрешения веры в ненаяспасность жертв, без демонстрации перспективы – не светлого будущего, но просто будущего, т.е. формирования убежденности в том, что выход не позади, а впереди?!

Среди сформулированных в процессе общественной экспертизы задач конструктивного плана – не допустить превращения потенциальных союзников либерализации, тех слоев и типов людей, которые ориентированы на перемены, в реальных противников. Важно укрепление позиций такого рода групп, при этом в первую оче-

редь тех из «людей игры», кто готов не к дикому, а к цивилизованному рынку.

Очевидна сопряженность этой задачи с заботой о противостоянии и правому, и левому популизму, о культивировании социального партнерства (в решении второй ситуации с этой точки зрения примечательно моделирование организации «Народной нефтяной компании»).

При этом либерализация цен требует заботы об экзистенциальных проблемах личности, например, учета опасности безадресного «попечительства». В этой связи экспертиза сама стала стимулом моральной критики реформаторского прогрессизма в его «чисто» прагматическом проявлении.

Акцентируя проблему «правил игры» субъектов рыночных реформ, экспертиза показала, что проявившиеся на игре «правила» оказались весьма старомодными: в кардинально изменяющейся ситуации и органы государства, и структуры гражданского общества отягощены менталитетом и инструментарием предшествующей системы. Дальнейшая работа над «идеологическим обеспечением» либерализации требовала не только прогнозов несомненных конфликтов по поводу этих «правил игры», отражающих конфликт государственной морали и морали рыночного общества. Заказчику экспертизы было рекомендовано участие в арбитраже и в предоставлении форума по определению этих правил – трактовке правил и обеспечению их соблюдения.

Глава 8

«ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ»: АНАЛИЗ СЛУЧАЯ

На этапе становления гражданского общества для его институтов особенно важны намеренная рефлексия идентичности, в том числе активное *самопознание*, прояснение не только целей, но и смысла их деятельности, самоопределение к ценностям гражданского общества.

В этой главе представлен *анализ случая* – описание процесса и результатов конкретной попытки инициировать *самопознание* представителей двух пассионарных институтов гражданского общества – некоммерческих организаций (НКО) и средств массовой информации (СМИ), входящих в Гражданский форум Тюменской области, и опыт (само)идентификации этого форума как института взаимодействия власти и общества.

Почему для активизации самопознания избраны НКО и СМИ, а, например, не бизнес? Кроме простого аргумента типа «ограниченный объем книги», уместно обратить внимание на распространенный аргумент, согласно которому НКО является ядром гражданского общества уже потому, что в сообществе НКО «с наибольшей полнотой сохранились моральные ценности и можно надеяться, что именно отсюда пойдут распространяться реальные моральные стандарты – на аморальные политику и бизнес»⁸⁶. Суждение требует полемики – с нашей точки зрения, *этос* и тем более *нравы* любого общественного института всегда далеки от их *этических* оснований. А с точки зрения этических оснований *моральная миссия* бизнеса ничем не ниже миссии НКО и бизнес в гражданском обществе не менее пассионарен, чем, например, СМИ. В то же время особое место НКО в культивировании ценно-

⁸⁶ Сунгуров А. Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 56.

стей гражданского общества несомненно: в НКО зарождается и развивается *культура участия*.

Попытки инициировать самопознание представителей таких институтов, как СМИ и НКО, весьма важны, если иметь в виду нередкие случаи заблуждения, а то и самообмана, проявляющиеся в идентификации и самоидентификации отечественных институтов гражданского общества и институтов взаимодействия власти и общества. Понятие гражданского общества выступает здесь в качестве *идеального типа*, а соотнесение с ним *реальных* процессов помогает проявить «болевые точки» и «точки роста» процесса *становления* гражданского общества.

Разумеется, постановка цели для представленных в этой главе проектов предполагала понимание и описание ценностей, на которые ориентированы институты гражданского общества. Но самопознание представителями этих институтов мотивов и ценностных ориентиров своей деятельности – не менее значимо, чем познание. Более того, исследовательский потенциал в определенном смысле подчинен здесь задаче самопознания.

8.1. Кто мы такие, в чем наша роль, каковы наши ценности?*

Один из наших проектов, инициировавших самопознание институтов гражданского общества, был реализован в режиме экспертного опроса лидеров некоммерческих организаций – участников Гражданского форума Тюменской области.

Цель экспертного опроса – инициировать процесс самопознания некоммерческих организаций через рефлексию позиций и оценок их лидеров в отношении ориентиров деятельности руководимых ими НКО, других НКО в Тюменской области; процессов становления гражданско-

* Параграф написан в соавторстве с М.В. Богдановой.

го общества в современной России. Для решения этой задачи в процессе интервью с участниками экспертного опроса обсуждались прежде всего такие темы, как обстоятельство и мотивы создания организации, цель и направления ее деятельности, мера подлинности-неподлинности общественных организаций как институтов гражданского общества; образ гражданского общества, в том числе отличие гражданского общества от советского, и шансы на построение гражданского общества в современной России; вклад НКО в «копилку» передового опыта «третьего сектора».

Особенность предъявления представленных здесь материалов, прошедших пока лишь стадию первичного анализа – стремление сохранить «картину самопознания» участников экспертного опроса.

В ЭКСПЕРТНОМ опросе приняли участие руководители двадцати общественных организаций Тюменской области, что составляет 29% от общего числа участников Гражданского форума Тюменской области. Выбор организаций обусловлен такими критериями, как публичность их деятельности и экспертные заключения специалистов Комитета по делам национальностей администрации Тюменской области, координирующей деятельность НКО.

По обстоятельствам возникновения общественные организации, представленные в этом проекте своими лидерами, могут быть охарактеризованы следующим образом. Одна из общественных организаций создана на территории Тюменской области пятьдесят лет назад (*областной Совет профсоюзов*). Некоторые организации, созданные 15 лет назад, являются правопреемниками советских общественных организаций (например, *областное отделение благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья»; областное отделение общественной организации «Союз женщин России»*). В экспертном опросе представлены и общественные организации, возникшие в 1989-1991 годы, то есть в начале формирования постсоветского об-

щества (например, «Общество защиты прав потребителей», «Особый ребенок», областная организация Всероссийского общества инвалидов). Часть НКО была создана в кризисные (так их характеризуют сами участники экспертного опроса) годы середины 90-х (например, *Аграрно-академический союз области, областная общественная организация «Комитет солдатских матерей», совет территориального органа общественного самоуправления «Совет п. Тура»*). Еще одна часть общественных организаций возникла на рубеже XX и XXI веков (например, *областная общественно-политическая организация советских женщин, областная общественная благотворительная организация «Мост надежды», Тюменское областное отделение союза общественных объединений Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство»* и др.).

Как можно заметить, общественные организации возникали с определенной периодичностью, совпадающей с переломными обстоятельствами в жизни страны. Одна из участниц экспертных интервью, лидер областной общественной благотворительной организации «Мост надежды», характеризуя свою общественную организацию, сказала: *«Мне нравится одно выражение у протестантов: “молиться – в проломе стоять”. Такие организации, как наша, возникают не на пустом месте, они возникают в “социальном проломе”*». Можно с определенной уверенностью сказать, что большинство участников экспертных интервью представляли организации, которые возникли и действуют в «социальном проломе».

Вероятно, именно ситуация «социального пролома» и предопределяла *мотивы создания и цели деятельности* этих организаций. При этом отметим, что руководители ряда НКО непосредственно соприкоснулись с этим «проломом» в своей профессиональной или личной

биографии. Приведем примеры личностной мотивации экспертами своей общественной деятельности.

Лидер НКО «Особый ребенок»: *«Мы все родители детей-инвалидов, у нас у всех это личное, и мы понимаем, что если не мы, то никто. Поэтому работаем бесплатно, работаем безвозмездно и все это делаем для того, чтобы нам легче было жить»*. Лидер областной общественной организации «Комитет солдатских матерей»: *«Мы потеряли своих детей: их увезли на Северный Кавказ и мы не могли найти их в воинских частях, поэтому организовали Комитет солдатских матерей»*. Руководитель Тюменского областного отделения союза общественных объединений Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство»: *«В моем батальоне было убито 44 человека. И, естественно, я считаю своим долгом помогать их семьям, независимо от того, в организации я или не в организации. У нас в Тюмени много людей, которые готовы оказать помощь»*.

Применяя метафору «социальный пролом» к ситуации социальной аномии, характерной для постсоветского общества, переживающего глубинные социокультурные изменения, нельзя не обратить внимание на то, что в некоторых сферах жизни общества этот «пролом» обозначился настолько остро, что активизировал созидание социального ресурса добровольных ассоциаций, «закрывающих» этот «пролом». Обращение к характеристикам уставных целей деятельности НКО, сформулированных участниками экспертного опроса, дает основание для выделения прежде всего таких целей, как выживание (физическое и социальное) в критических условиях переходного периода и развитие социальных институтов.

К первому «полю» можно условно отнести следующие самохарактеристики избранных некоммерческими организациями целей. Руководитель областного отделения благотворительного фонда «Российский фонд мило-

сердия и здоровья»: *«Кто-то может всего добиться сам, кому-то просто надо дать возможность, чтобы он себя реализовал, а кому-то надо прямо помогать. Наша цель – объединить усилия по оказанию помощи тем, кто в ней нуждаются. В нашем обществе были, есть и будут социально активные люди и организации, которые стараются что-то сделать, организовать какую-то структуру для того, чтобы помочь людям жить достойно. Мы стараемся консолидировать и направлять их усилия»*. Руководитель организации солдатских матерей: *«Призыв в армию – это исполнение гражданского долга, но в то же время молодых ребят как граждан надо защитить, чтобы они не пострадали во время исполнения этого гражданского долга. Мы напоминаем призывникам и их матерям о том, что у них есть гражданские права и они могут защитить себя»*. Руководитель Совета коалиции некоммерческих общественных организаций «Мы, граждане»: *«Цель – объединить усилия некоммерческих организаций правозащитного и социального плана для взаимной поддержки. У нас общая задача – защитить людей от натиска несправедливости»*. Председатель Совета территориального органа общественного самоуправления «Совет п. Тура»: *«Одна из наших целей – координация усилий учреждений всех форм собственности, расположенных в микрорайоне п.Тура, по профилактике безнадзорности, преступности»*. Лидер областного отделения общественной организации «Союз женщин России»: *«Среди наших программных целей: занятость женщин, борьба с бедностью, материнство, укрепление семейных отношений и т.д.»*

Ко второй группе условно можно отнести следующие самохарактеристики описания избранных некоммерческими организациями целей. Руководитель межрегионального общественного фонда «Сибирский центр поддержки общественных инициатив» и Благотворительного

фонда развития города Тюмени: *«Первое – формирование взаимодействия органов власти, бизнеса и некоммерческого сектора для решения социальных проблем путем грантовой, конкурсной поддержки социальных проектов. Второе – привлечение в город новых социальных технологий именно в социальную сферу»*. Лидер областного Общества защиты прав потребителей: *«Создание институциональной оболочки по защите экономических прав не какой-то кучки, а всех граждан. Самое важное во всем этом – повернуть сознание потребителей в сторону уважения к себе»*. Председатель областного совета профсоюзов: *«В современных условиях, когда собственник думает только о своих интересах, должна быть четко сформирована мощная структура наемного работника»*. Руководитель Тюменского регионального отделения общероссийского общественного движения «Женщины России»: *«Основная цель – достижение паритетной демократии, чтобы между мужчинами и женщинами в гражданском обществе существовали равные права и возможности в отношении достижения общезначимых целей: работа, карьера, политика, управление общественным сознанием»*.

Если процесс самопознания НКО не ограничится участием его лидеров только в этом проекте, они могут использовать нашу версию идентификации деятельности участвовавших в проекте НКО с помощью типологии А. Сунгурова, в основу которой положены различия *фокусных групп*, на которые направлена деятельность такого рода организаций⁸⁷. В соответствии с этой типологией участвующие в проекте общественные объединения можно охарактеризовать следующим образом.

⁸⁷ Эта типология рассмотрена в обзоре литературы, представленном в первой главе нашей книги «Гражданское общество: новая этика».

Организаций *«клубного» типа* – объединений людей по интересам – среди представленных в экспертном опросе НКО нет.

Выделяя общественные организации, изначально созданные людьми *для решения собственных проблем* (например, «Особый ребенок», областная организация Всероссийского общества инвалидов), отметим, что некоторые организации из этого класса в дальнейшем, в связи с изменившимися социально-политическими обстоятельствами и открывшимися новыми проблемами, постепенно трансформировались в организации, нацеленные на *решение проблем других людей* (например, «Комитет солдатских матерей», областное отделение союза общественных объединений Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство»). Можно предположить, что данные организации, обладая уникальным опытом решения собственных проблем, видят более широкий социальный контекст, причины и следствия проблемных ситуаций, с которыми к ним обращаются другие люди, и, соответственно, имеют достаточный ресурс для того, чтобы помочь другим.

К классу НКО, миссией которых является *содействие деятельности других некоммерческих организаций* в самом широком смысле, можно отнести межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив» и, вероятно, региональную общественную организацию «Женская инициатива».

К классу *правозащитных организаций* можно отнести совет коалиции некоммерческих общественных организаций «Мы, граждане», областное Общество защиты прав потребителей.

К классу общественных организаций, *изначально направленных на помощь другим людям*, можно отнести, например, Тюменский областной Совет профессиональных союзов; областное отделение благотворительного Российского фонда милосердия и здоровья; областное

отделение общественной организации «Союз женщин России». Подчеркнем, что эти организации либо были созданы в советское время, либо являются правопреемниками советских общественных организаций.

В программе экспертного опроса особое место занимала гипотеза о том, что бывшие советские организации, сохранившись в современном, именуемом «постсоветским», обществе, чаще всего оказываются квазигражданскими организациями: как и прежде, они сориентированы на роль «приводного ремня» от власти к объединенному в общественные организации населению. Полученные в опросе материалы дают основания для некоторых выводов, значимых для идентификации и самоидентификации НКО.

Начнем с того, что, вероятно, квалифицируя общественные организации как квазигражданские, основной акцент следует делать не на эпохе создания данной организации, а на ее актуальной идеологии: ряд общественных объединений, созданных в постсоветское время, например, радикалистские структуры, вряд ли можно называть полноценными гражданскими организациями.

Далее. Можно предположить, что особенностью бывших советских общественных организаций, действующих в постсоветском пространстве – в отличие от организаций, созданных в перестроечное и постперестроечное время, – является переживаемый ими процесс «ресоциализации». Так, один из наших экспертов, председатель областной организации профсоюзов, отметил: *«Ранее мы получали поручения и выполняли их, и с нас за это спрашивали. А сегодня, безусловно, другое. Мы пытаемся строить партнерские отношения. А на случай, если партнерские отношения с властью и с работодателями не получаются, мы добились права воздействовать на власть и на работодателей через жесткие меры – забастовку, приостановку работы, пикет, демонстрацию, шествия».*

Жизнеспособность и полезность ряда организаций, созданных еще в советскую эпоху, определяется мерой их (не)востребованности в современных условиях. Например, известное в советские годы общество «Знание» сегодня можно отнести скорее к невостребованным. Так, по мнению руководителя правления областной организации российского общества «Знание»: *«Если вы хотите оскорбить или обидеть человека, назовите его председателем правления областной организации общества “Знание”. Общество “Знание” сейчас не востребовано; не понятно, кому оно нужно. На общероссийском уровне ситуация такая же. Это умирающая организация».*

В то же время некоторые эксперты, отвечая на вопрос о том, являются ли бывшие советские организации действительно некоммерческими, гражданскими, отмечали, что они не видят особых различий между организациями, которые были созданы в советское время, и теми, которые возникли в постсоветское время. Характерное суждение: *«Я бы так резко не судила даже и бывшие советские организации. Если такие формы востребованы, нужны кому-то, то пусть это так и будет. Я знаю одного мальчика, который хочет возродить Тюменскую пионерскую организацию, ну и хорошо, пусть возрождает, если есть желающие».*

Есть и иная позиция, согласно которой советские и постсоветские общественные организации существенно различаются. Пример обоснования этой позиции: *«Я рада, что есть организации, которые сегодня реально отличаются от своих старых прообразов. Рада потому, что первый постулат, с которым я пришла к коллегам, таков: наше участие, наша работа заключается не в том, чтобы просить, а в том, чтобы предлагать. Умение предложить и достичь понимания – это главное. И второй постулат: не жалобы, слезы, а умение работать. В рамках наших грантовых конкурсов это особенно заметно. Есть организации, представители*

которых бывают на наших семинарах и никогда не пишут заявки на проекты, потому что им гораздо проще прийти и попросить. И вот эта ситуация, когда ты просил и становился в позицию ниже того, с кем ты ведешь диалог, у многих сохраняется. Многим она выгодна – сегодня она приносит больше. А мы говорим, что сегодня должно быть иначе. Мы не хотим быть просителями, у нас есть ресурсы, которые мы вам предлагаем. Это ваш выбор – будете вы работать с нами или мы будем это делать в одиночку».

НЕСОМНЕННО, что самопознание НКО не может свестись только к анализу мотивов и целей их деятельности и требует самоидентификации по критериям гражданского общества.

Правда, переходя к анализу представлений экспертов об образе гражданского общества, мы должны начать констатации сомнения в этом тезисе: некоторые участники опроса считают рефлексию природы гражданского общества неактуальной. Аргумент: само такое общество – скорее утопия, а потому все рассуждения о нем носят идеологемный характер. *«Гражданского общества нет не только у нас, но, я уверен, нигде в мире. Гражданское общество – это общество, где человек в состоянии влиять на общественные и властные структуры, а он нигде не может на них влиять. Наверное, мы запутываем вопрос о гражданском обществе в той части, где говорим, что где-то оно есть. Его нет нигде. Это идея, такая же привлекательная, как коммунизм, но и такая же неосуществимая. Ее осуществить нельзя, как и всякую идеологему».*

Согласно точке зрения других экспертов, гражданское общество – реальность, другой вопрос – степень его развитости. *«Считаю, что гражданское общество у нас есть. Может быть, оно не развито, может быть, не так хорошо структурировано, как в европейских странах. Индикаторами его наличия у нас являются обще-*

ственные организации, общественно-политические движения, митинги, даже гражданские войны – их признаки у нас есть».

Пытаясь представить свой образ гражданского общества, эксперты выделяли те или иные характеристики, наличие или отсутствие которых и является, с их точки зрения, индикатором наличия или отсутствия гражданского общества. Первичная группировка этих характеристик выглядит следующим образом.

Стратифицированная целостность: *«Для меня гражданское общество – это все. Только я делю его для себя на разные отрасли. Ведь власть – тоже гражданское общество, она живет в том же социуме, что и мы, только на другой площадке. Я воспринимаю гражданское общество как дом, большой, многоэтажный, и у каждого этажа своя, определенная площадка. У “бомжей” подвал, но они в том же гражданском обществе живут, они члены этого общества, а органы власти – где-то там, на двадцатом этаже. Дом один».*

Нормальное человеколюбивое общество: *«Это общество, где не то, что всегда всем хорошо, но хотя бы что-то делается во имя человека. А у нас всегда почему-то получается наоборот: если у нас есть лозунг “Все лучшее детям”, то дети ничего не увидят. Меня возмущает цифра расходов, которые уходят в Тюмени на строительство дорог, в сравнении с объемом финансирования, который уходит на детские программы: на дороги выделяется из бюджета 609 млн. рублей, а на программу “Наши дети – наше будущее” – два миллиона. Так же нельзя: мы “закатываем” в дороги свое будущее. Дороги рано или поздно придут в негодность, а если пришли в негодность наши дети, то зачем дороги, для кого они?». Далее автор выделяет некоторые ценности гражданского общества. «Человек в гражданском обществе более профессионален – его жизнь заставит быть профессиональным, непрофессионалы уже нигде*

не нужны. Нужно быть мастером своего дела, чтобы хорошо жить. А хорошо жить стремится любой человек, какой бы он ни был и как бы ни относился к гражданскому обществу. ...Человек в гражданском обществе более индивидуалистичен. Раньше объединялись в общественные организации по возрастным, идейным, политическим, профессиональным признакам, а сейчас в этом нет нужды, поскольку есть ряд таких профессий, которые не требуют других качеств, кроме высокого профессионализма. ...Сейчас на первое место вышла ценность семьи. ...Все это – главные, неистребимые ценности, которые как раз и олицетворяют гражданское общество, а не то, что мы на каждом перекрестке будем кричать, что у нас очень много структур, которые работают над тем, чтобы создавалось в России гражданское общество. Гражданское общество – это просто нормальное, человеколюбивое общество».

Ответственное общество: «Синоним понятия гражданского общества – ответственное общество, во всех проявлениях этого слова. Здесь власть ответственна перед обществом, бизнесом; бизнес ведет себя ответственно и осознанно по отношению к обществу, в котором он черпает свои ресурсы – и трудовые, и денежные, – поскольку это главный получатель и покупатель им производимой продукции. Мне понятно и близко представление о том, что гражданское общество – это общество с развитым средним классом, общество собственников и т.п. Люди среднего класса ответственны не потому, что им есть что терять, а потому, что им есть к чему стремиться. Человек без цели и без мечты – это мертвый человек. Он не просто не интересен другим, он, наверное, не интересен и себе».

Общество, в котором его члены имеют выраженную гражданскую позицию: «Если мы применяем определенные “гражданское” для характеристики общества, то

это, наверное, означает, что в таком обществе явно выражена гражданская позиция человека в отношении всего того, что происходит в стране в целом или на его малой родине. Гражданская позиция не совместима с созерцательностью, она проявляется в желании человека сделать конкретные практические шаги во благо людей».

Государством управляет мнение народа: *«Гражданское общество будет создано тогда, когда люди, стоящие во главе страны, станут заниматься проблемами народа, а не своими собственными. Управлять государством будет мнение народа. Когда у нас правители будут выражать интересы народа, тогда и будет гражданское общество».*

Общество неравнодушных людей: *«Для меня человек гражданского общества – это, прежде всего, неравнодушный человек. Неравнодушный человек умеет отстаивать свое “я” – нельзя давать “ездить” на себе. Он умеет строить диалог как с окружающими людьми, так и с властью. Нельзя быть равнодушным, нельзя быть малодушным, надо бороться за свои права. Если человек равнодушен, то не бывает так, что он равнодушен, например, только к чужим детям, которые копаются в грязи или “бомжуют”, такой человек равнодушен и к своим собственным детям, и к своей судьбе. Равнодушие убивает».*

Общество свободных людей, стремящихся к достижению. Эта формула представлена в суждениях экспертов многопланово. Первый план: *«Мы в свое время работали не выше “планки”. Были какие-то ориентиры, одинаковые для всех, например, к пенсии ты заработаешь квартиру. А современные молодые люди умеют мыслить конструктивно, умеют созидать и строить, иной раз жестко сбивая все “планки” и разрушая различные “табу”. Еще одна особенность современности – ты сам ответственен сейчас за свою жизнь, за свою судьбу».*

бу, за своих детей». Второй план: «Да отстаньте вы от людей и дайте им возможность заработать – и они построят гражданское общество и для себя, и для своих детей. От денег зависит очень многое. Денег должно быть достаточно для нормальной человеческой жизни, для своей гражданской позиции, которую тебе не страшно высказать, отстоять, пойти наперекор кому-то, не поступиться своими принципами. Это очень важно. Независимый человек – это свободный человек, а свободу дает нормальное, устойчивое финансовое положение, как ничто другое. Если я не самодостаточный человек, если у меня нет средств обеспечить образование своим детям, оплачивать нормальное жилье, о каком гражданском обществе можно говорить?». Третий план: «Гражданское общество предполагает, что человек знает свои права и в то же время свои обязанности, поэтому он не просто надеется, что кто-то придет и сделает для него, а сам что-то делает – “под лежащий камень вода не течет”. Человек должен быть хозяином своей жизни».

Общество, состоящее из граждан. Один вариант трактовки этой формулы: «Общество, члены которого чувствуют себя гражданами этой страны. Общество таких граждан, которые способны реализовывать свои права через знание конституции. Общество равноправных граждан». Второй вариант: «Человек чувствует себя гражданином только тогда, когда он понимает, что конституция дает ему права и свободы, ответственность и обязанности. Я понимаю, что не все гражданские свободы уже реализованы, не все из них я могу реализовать сегодня (например, я ущемлена в каких-то правах как женщина). Но я как гражданка знаю, что у меня есть права. Кроме того, я осознаю, что как гражданка имею обязанности перед обществом, что, собственно, у нас многие даже в ум не берут».

Отдельно стоит выделить суждения экспертов, в которых дается оценка шансов на формирование гражданского общества в нашей стране. Причем подчеркиваются необходимые условия и ценностные ориентиры, влияющие на реализацию этих шансов.

Шансов пока мало, но... Варианты по поводу «но» как скептические, так и конструктивные. Скептические: «Я часто задумываюсь о гражданском обществе, будет ли оно у нас? Честно вам скажу: думаю, что я до этого не доживу». Конструктивные, даже если о необходимом говорится скорее методом «от противного»: «Если это будет дорога со встречным движением, шансы у нас определены есть. Кто кому должен идти навстречу? И бизнес, и власть, и некоммерческий сектор. А пока шансов мало, потому что нет воли – ни у общества, ни у конкретных людей, нет осознания собственной ценности: как индивида, личности, как субъекта, который вступает во взаимодействие. Сегодня мы пока демонстрируем полное безразличие к себе и к собственным детям. Кто сегодня реально принимает участие в работе родительских комитетов? Кто пойдет на баррикады, на демонстрации, когда идет сокращение реальных, продекларированных государством и ничем не обеспеченных прав? Закон “О ветеранах” принят и не работает до сих пор. Ряд других законов присутствуют в нашей жизни в виде деклараций».

Шансов много: «Я считаю, что у нас много шансов построить гражданское общество, общество людей здравомыслящих, которые трудятся во благо себе, своей семьи, во благо общества. Я уверена, что Россия будет таким обществом».

Наиболее распространенная позиция: Шансы есть, но при условии...

Одно из условий – формирование гражданского общества «снизу»: «Шансы на формирование гражданского общества у нас есть. Но если гражданское обще-

ство начнут форматировать “сверху”, это будет искусственно. Если же ему дадут вырасти «снизу», это будет естественно, как в лесу – мы же не контролируем, сколько травы и какое дерево выросло на этом склоне, у этой реки, на этой поляне. Природа сама распоряжается. И она делает все оптимально. И в обществе то же самое: дайте людям возможность проявить свои потребности, проявить свои инициативы – и вот вам гражданское общество».

Другое условие: «Когда мы подвигнем массы к самоуважению, тогда и достигнем общества. Не знаю, гражданское оно будет, не гражданское, но это будет общество людей, которые будут уважать себя. Наша молодежь – это люди другого поколения: у них уже есть достоинство, они начинают уважать себя как личность. Вот из них и получится то самое общество, гражданское оно или какое-то иное по названию».

Еще одно: «У нас есть шанс построить гражданское общество. Но его строительство может начаться только тогда, когда для всех и каждого закон будет один – что для президента, что для Алеши Солнцева».

ОДИН ИЗ инструментов самопознания НКО – рефлексия их лидерами практического опыта деятельности этих организаций, как собственного опыта, так и опыта коллег по Гражданскому форуму. Разумеется, вопрос о «копилке опыта» достоин специального исследования, предполагающего и включение внешних экспертов. В данном же случае задача заключалась в попытке введения этой темы в процесс самопознания НКО и Гражданского форума в целом. Какие моменты из предложений в «копилку опыта» стоит выделить?

Активная гражданская позиция может идти только из души человека: *«Уже несколько лет говорится о современных технологиях в работе НКО – как сделать прибыльной неприбыльную организацию, как научиться находить деньги. Все это у нас есть. Но если рабо-*

тать только по этим технологиям, получится казенно. Если человек, которого ты приглашаешь к сотрудничеству, сразу спрашивает: “А что я буду иметь, какие выгоды?” – это не очень милосердный человек. Наша задача – повлиять на душу этого человека. Современные технологии эту задачу не ставят. Я знаю это как врач-психиатр, как психолог. И действительно активной гражданской позиции они не выработают» (Областное отделение благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья»).

Возможность за чашкой чая рассказать о своих интересах, о том, что «болит»: «У нас есть объединение “Клуб лидеров некоммерческих организаций”. Мы стараемся раз в месяц дать возможность людям собраться на нашей площадке, но не для того, чтобы дать какие-то указания, а чтобы за чашкой чая у них была возможность рассказать о том, чем они интересуются, что у них “болит”. Иногда это выглядит таким образом: встает кто-нибудь и говорит: “Сейчас я занимаюсь этим и этим, и не могу идти дальше, потому что столкнулся с такой-то ситуацией”. А кто-нибудь кричит: “Мы это уже проходили, я сейчас тебе это объясню”. После они остаются, договариваются, рождаются замечательные партнерские вещи. Чаще всего это связано не с деньгами» (Клуб лидеров некоммерческих организаций).

Растить больших бизнесменов как партнеров для всего сообщества НКО и на конкурсной основе продвигать их средства для всех: «Мы не работаем с мелкими, малоресурсными партнерами по той причине, что к ним не зарастает тропа наших коллег, нами опекаемых партнерских организаций, которые занимаются инвалидами, престарелыми и т.п. К руководителям малых предприятий они всегда могут прийти и получить поддержку в виде товаров, услуг, денег. А мы к ним не ходим по той простой причине, чтобы не пересекались

интересы. Мы поставили для себя задачу растить больших бизнесменов, выращивать из них партнеров для всего сообщества НКО и на конкурсной основе продвигать их средства для всех» (Сибирский центр поддержки общественных инициатив).

Стратегический план развития, матрица ответственности, мониторинг проблем: *«Мы начали у себя потихонечку прорабатывать внутрикорпоративные стандарты. У нас есть стратегический план развития до 2006 года. У нас есть проработанная матрица ответственности. Каждый человек знает точно, что делать, если к нему обратится клиент по такой-то тематике, как с ним разговаривать, какие услуги у нас платные, какие бесплатные. Мы четко все это разграничили, потому что там, где задействуется время, анализ, надо, конечно, платить. Мы ведем мониторинг проблем, потом все это аккумулируем и направляем общие предложения в органы власти – чтобы решать проблему целого слоя. Сейчас мы прописываем стратегию работы и с клиентом, и с властью, и со СМИ, для каждого дела в отдельности. Никто до нас не проводил общественные слушания в Тюменской области, мы первые их проводили. Никто до нас не проводил переговорные площадки, мы первые пробиваем их» (Общественный фонд Тюменской области «Институт развития бизнеса).*

Удачное сочетание для лидера НКО – общественная деятельность и муниципальная должность: *«Не считаю, что наша общественная организация сделала прорыв и может быть примером того, как должна работать общественная организация. Но у меня как лидера НКО, считаю, удачное сочетание: кроме общественной деятельности, я имею профессиональную должность. Я работаю в той сфере, которая близка и понятна каждому – занятость, рабочее место, доход, спокойствие семьи и стабильность каждого человека, у меня огромный круг деловых связей, знаю практически*

весь город. Мне это очень сильно помогает. Например, когда я прихожу решать какие-то вопросы в администрацию – городскую, областную, – всегда заявляю себя в двух ипостасях: я замдиректора Центра занятости и председатель общественной организации («Женская инициатива»).

У нас двери не закрываются: «Во-первых, мне бы хотелось воздержаться от высоких слов, но наша организация действительно миссионерская по духу. Призывать остальных подражать нам, жертвовать своими жизнями, судьбами членов своих семей мы не вправе и в этом смысле не являемся “примером для подражания”. Во-вторых, у нас двери вообще не закрываются: каждый день, каждый, кто считает необходимым, сюда приходит за помощью. Мы вообще проповедуем идею, чтобы все двери не закрывались» (Совет коалиции некоммерческих общественных организаций «Мы, граждане»).

Новый опыт организации людей: «Мы можем передать “в копилку” опыт организации людей, начиная с инициативной группы, заканчивая – организацией любого вида и рода. Обозначить ее цели, структурировать действия хаотично инициативных граждан, объединить их под общую идею, создать базис, найти корневые признаки, как объединить этих граждан, – вот это мы можем» (Тюменское региональное отделение общероссийского общественного движения «Женщины России»).

Характерно и то, за какие достоинства лидеры НКО выделяют деятельность своих коллег по Гражданскому форуму. За лидерские качества организаторов НКО: «Выделю ТОСы окраинных районов со всем “букетом” социальных проблем – когда появляются лидеры (видимо, есть золотинки в нашем обществе), тогда начинает преобразовываться та или иная территория». За инициативы: «В “Женской инициативе” – опыт проведения

конкурса “Женщина года”». За целенаправленное саморазвитие: «Очень сложно оценивать другие общественные организации. Я знаю, например, что Благотворительный фонд развития города Тюмени – это организация, стремящаяся к саморазвитию». За живую работу: «Если там есть работа живая, не с бумагами, не с начальством вышестоящим, то это организация, на которую надо равняться хотя бы в том смысле, что она имеет свои позиции, имеет свое направление работы, может помочь конкретному человеку».

В ЦЕЛОМ уже первичный анализ материалов экспертного опроса позволяет сделать определенные выводы. Первый: попытка инициировать самопознание НКО состоялась уже потому, что была принята лидерами этих организаций. Второй: Лидеры НКО приняли идею самосознания не только как актуальную, но и методологически определенную, ориентирующую самоидентификацию НКО на ценности гражданского общества. Третий: Участники проекта рационально взвесили шансы на развитие в нашей стране гражданского общества. И, наконец, последний: предпринятая попытка утратит свою эффективность, если акт самопознания не станет регулярным в практике НКО.

8.2. *Пассионарии гражданского общества: от самоидентификации к выработке «повестки дня»*

Очевидно, что шансы на успешное становление российского гражданского общества во многом связаны с развитием двух его институтов – НКО и СМИ. Менее очевидно, что надежда общества на эти институты предполагает осознанное стремление СМИ и НКО к кумулятивному эффекту от своего взаимодействия. Взаимодействие с какой целью? С самой банальной – для «пиара» деятельности НКО через СМИ? Она, конечно, весьма важна. Но значим и другой эффект: НКО и СМИ могут (и должны?) быть *соавторами гражданской «повестки*

дня».

Осознают ли себя таковыми СМИ и НКО *на самом деле*? Вероятно, прежде чем думать о влиянии на процесс формирования гражданского общества, как для НКО, так и для СМИ, необходим процесс *самопознания* каждого из этих институтов и, исходя из этого, их самоопределение и проектирование задач взаимодействия.

Так выглядела гипотеза проекта, предполагающего совместный семинар лидеров тюменских НКО и тюменских журналистов, призванный послужить *экспертной системой* двух институтов гражданского общества на региональном уровне, испытывающих эту гипотезу на самих себе.

ЧТОБЫ конкретизировать мотивацию выбора задач семинара – собственно *самопознание* НКО и СМИ; самопознание-самоидентификация НКО и СМИ как *институтов гражданского общества*; попытка проектирования *взаимодействия* этих институтов, – обратимся к заранее разосланной его участникам программе, содержащей *предварительную* проблематизацию темы. Вот ее фрагменты.

Зачем собирать вместе НКО и СМИ? О чем можно рассуждать на *совместном* семинаре НКО и СМИ?

Обычно совместные семинары СМИ и НКО мотивируются двумя видами интересов. Активисты и лидеры НКО говорят, что роль СМИ – возбуждать общественное мнение, помогая своим ресурсом влияния решать проблемы НКО. И СМИ в этом случае – инструмент. Причем, по мнению активистов НКО, пресса пока не соответствует этой роли: многие журналисты плохо понимают природу НКО и потому их самих надо просвещать в этом плане.

В свою очередь, журналисты полагают, что активисты НКО должны обладать навыками PR-деятельности, чтобы предлагать свои материалы в СМИ. Уметь создавать информационный повод. Понимать природу аудитории, на которую работает конкретное СМИ. Вести ин-

формационную кампанию и т.д.

В итоге обычный общий мотив организаторов совместных семинаров: «Вы нужны друг другу». И, казалось бы, нет предмета для дискуссии: НКО и СМИ действительно нужны друг другу. Дело лишь в освоении эффективных технологий.

Но в кажущемся очевидным тезисе «нужны друг другу» многого не хватает. Ясно, что СМИ нужны активистам НКО как средство «пиара», но нужны ли НКО средствам массовой информации за рамками инструментального обеспечения PR-деятельности НКО? Ясно, что некоммерческие организации нужны прессе как один из источников информации и информационных поводов, но нужны ли они прессе за рамками этого интереса? Неясно: *зачем* СМИ и НКО могут быть нужны друг другу за пределами взаимной полезности? Иначе говоря: не хватает постановки сверхзадачи, сверхцели, искомой взаимной «необходимости» НКО и СМИ.

Есть ли цель, выводящая сотрудничество СМИ и НКО за пределы их *взаимной полезности*? Может быть, такая цель, сверхзадача, связана с ролью НКО и СМИ в формировании гражданского общества? Вполне вероятно. Но и решившись на рассуждения на эту тему, легко впасть в банальность. Банальность потому, что: тезис о необходимости формирования в России гражданского общества давно уже очевиден; тезис о важной роли СМИ в формировании такого общества – тоже; очевиден и тезис о роли НКО в этом процессе, в том числе и значимости слоя гражданских активистов (и тех, кто состоит в НКО, и тех, с кем работают НКО); (г) не менее тривиально и суждение о необходимости сотрудничества СМИ и НКО; даже суждение о том, что у НКО и СМИ есть не только взаимная полезность, но и общая миссия – быть пассионариями, продвинутыми субъектами развития гражданского общества – содержит момент тривиальности.

Что же в таком случае необходимо обсуждать? Обсуждать феномены *не* очевидные. Прежде всего, есть ли

общепринятое толкование прилагательного *гражданское* применительно к понятию «общество»? А если нет, то какие *неочевидности* мы должны не упустить в отношении этого прилагательного?

(А). Не слишком ли мы *самоуверенны*, полагая, как и в не столь давние советские времена, что «цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!»? Не кажется ли нам по инерции, что для формирования правильных представлений об этом обществе вполне достаточно нашего житейского опыта и здравого смысла? А ведь мы – лично и многие наши институции – еще и не жили в условиях *гражданского* общества, поэтому наш опыт в понимании и осознании природы и ценностей этого нового явления не очень-то поможет. Тем более, что мы долго жили в условиях советского общества и, несмотря на прошедшие полтора десятилетия, многие из нас двумя ногами все еще стоят в прошлом, в том числе и в (не)понимании природы гражданского общества.

Пока же самоуверенность (или беспечность?) доминирует.

(Б). Не *наивны* ли мы, полагая, что тезис верховной власти о необходимости формирования в России гражданского общества декларируется искренне? Не слишком ли мы наивны, доверяя утверждениям власти, что речь идет о *подлинно* гражданском обществе? Не показывают ли некоторые тенденции *реальной* политики, что суть «декларации о намерениях» – *симуляция* заинтересованности власти в формировании гражданского общества? При практике создания гражданского общества «сверху» не решается ли на деле задача создания *квазигражданского* общества? А может быть, *реалистичность* этой политики и проявляется в том, что само общество еще не готово к тому, чтобы быть именно гражданским?

(В). Но не приведет ли заключающийся в этом вопрошании гиперскепсис к «греху уныния»? Не упустим ли мы шанс на реализацию *позитивного* сценария развития

страны? А если не хотим этот шанс упустить, то готовы ли преодолеть *и* самоуверенность, *и* наивность? Преодолеть, соблюдая важное условие реализации этого шанса: отрефлексировать образ гражданского общества и его ценностей? Образ человека гражданского общества? Образ гражданского активиста?

(Г). Видим ли мы в своих попытках разобраться в природе гражданского общества опасность его *идеализации*, придания ему образа Утопии? Не впадаем ли мы в обожествление гражданского общества и его человека? Осознаем ли важность *критики* процесса формирования гражданского общества? А важность критики и *самокритики* таких институтов гражданского общества, как НКО и СМИ? Например, осознаем ли, что многие НКО не умеют, как отмечают аналитики, профессионально выступить ни партнером, ни оппонентом, ни экспертом проводимых властью реформ?

(Д). Но такая самокритика – не полдела ли? От нас ли – от СМИ и НКО – зависит перспектива гражданского общества в России? В условиях управляемой демократии? Не очевидно. Ставя себе вопрос о подлинности «строящегося» в стране гражданского общества, готовы ли мы на скепсис по поводу *подлинности* таких институтов гражданского общества, как НКО и СМИ?

ДЛЯ АНАЛИЗА хода и результатов состоявшегося на семинаре процесса *рефлексии* целей и ценностных ориентиров каждого из этих институтов в отдельности – и в их взаимодействии обратимся к стенограмме⁸⁸.

Предлагая на первом этапе семинара заняться «взаимным аудитом», ведущий (один из авторов этой книги) попросил представителей тюменских НКО и СМИ сформулировать свои ожидания от деятельности друг друга. Что журналисты ждут от НКО, чтобы посчитать их деяния достойными присутствовать на страницах газет?

⁸⁸ Обзор семинара проведен в соавторстве с В.А.Кабаковой, И.А.Пермяковой, Л.А.Серых.

Что НКО ждут от журналистов? Но при этом попытаться не сводить свою задачу к простой «взаимопроверке» деятельности друг друга и обмену упреками. Конечно, важно сформулировать самим и услышать от других претензии, вытекающие из реальной практики взаимодействия. Но не менее важно попытаться подняться над повседневностью, задуматься о *смысле* и даже *предназначении* деятельности своего института и деятельности другой стороны. И для этого пойти в своем «аудите» дальше «утилитарных» взаимоотношений, задавшись вопросом: нужны ли эти институты друг другу для чего-то большего, чем, например, сделать сенсационный материал (элементарный интерес СМИ) или получить громкий «пиар» (элементарный интерес НКО). И, самое трудное, соотнести свою реальную деятельность с этим смыслом.

Броский образ «взаимный аудит» попал в цель и побудил участников семинара к активной работе, в том числе к взаимной критике. Не потерялся ли при этом *сверхзамысел «аудита»*?

ЛИДЕРЫ НКО, именно им первым предложили порассуждать на тему «аудита», достаточно быстро включились в работу, словно ответ у них был заготовлен ранее. Возможно, некоторые из вопросов программы семинара лидеры НКО нередко задавали себе сами?

Начиная с позитивных суждений «аудиторов», отмечающих, что в отношении НКО СМИ в целом играют положительную роль, мы находим подтверждение высказанных в программе семинара предположений: СМИ понимаются руководителями НКО прежде всего как *инструмент* реализации их интересов. С его помощью, во-первых, широкая общественность узнает о деятельности НКО. Как говорит председатель Совета территориального органа общественного самоуправления «Совет п.Тура»: *«Работаешь у себя в поселке, а за его пределами никто и не знает о твоей работе. СМИ выступают не только партнерами, они помогают нам самоутвердиться»*.

Во-вторых, СМИ поставляют информацию для работы НКО. *«Нам бы хотелось воздержаться от каких-либо претензий. Ради бога, все как есть, так пусть и будет, – сказал руководитель Совета коалиции некоммерческих общественных организаций «Мы, граждане». – Передавайте на страницах газет и в эфире все, что говорят они (власть), а мы из этого вытянем информацию».* Фактически лидер НКО предложил ничего не менять в отношениях СМИ и НКО. Позитив? Да, если считать позитивом трактовку СМИ как информатора НКО. В то же время, нет ли в таком подходе желания все сделать самим, не передоверяя другим? Может быть, даже сводя все гражданское общество лишь к «третьему сектору»? *«Для нас, чем больше информации, тем лучше, – говорит он. – СМИ, информируйте, остальное мы делаем сами».* В этой позиции лидера организации можно услышать скептические нотки: вероятно, в прессе ему не хватает оппозиционности, решительности и даже агрессивности в отстаивании гражданских прав. А раз так – зачем ему такой «травоядный» соратник?

Попытка классифицировать критические замечания лидеров НКО в адрес СМИ дает следующую картину выводов «аудиторов».

В работе с НКО СМИ поверхностны. *«Я хотел бы, чтобы журналисты, занимающиеся освещением проблематики НКО, прочитали законы, которые касаются данной сферы, – начал свое выступление руководитель ТРОФ «Развитие народных промыслов и ремесел “Страна Тюмени”». – Тогда мы будем говорить на одном языке, термины будут совпадать».* Казалось бы, частная реплика. Но она не случайна: вот и руководитель Благотворительного фонда г.Тюмени отметила: *«Ненормально, когда журналисты, приходя к тебе, не дают себе труда вникнуть в то, о чем они собираются писать. Если они проявляют интерес к определенной теме, они должны очень профессионально к этому подой-*

ти».

Для СМИ деятельность НКО – сиюминутный информационный повод. Судя по выступлению лидера общественной организации детей-инвалидов «Особый ребенок», в общении с журналистами она непосредственно столкнулась с этой проблемой. По ее словам, журналистам интересна деятельность ее организации только как сиюминутный информационный повод: например, возможность сделать трогательный сюжет к Новому году, Дню защиты детей, Дню инвалида. *«А какие-то глубинные проблемы и, не дай бог, идущие вразрез с позицией власти, – это им уже не интересно; говорят: “Давайте отложим”».* Сходные претензии к журналистам высказала руководитель «Историко-родословного общества»: *«В последнее время стало скучно общаться с журналистами, – отметила она. – Традиционные вопросы журналистов ко мне: “Как пришли к составлению своей родословной?”, “С чего эту работу надо начинать?”. Будто проблем других нет. Стоит мне раскрыть рот про духовно-нравственную профилактику общества, про семейные проблемы – интерес журналиста сразу затухает».*

Как видим, эти критические суждения в адрес СМИ не в связи с большим или меньшим «пиаровским» потенциалом материалов СМИ о НКО. «Аудиторы» апеллируют к глубине профессионального подхода журналистов. В суждениях лидеров НКО артикулировалось достаточно резкое мнение о том, что журналисты не рассматривают деятельность НКО как основание для написания серьезных, в том числе публицистических и аналитических, материалов, во всяком случае, не связывают место некоммерческих организаций в диапазоне журналистских интересов с анализом социальных проблем, на решение которых как раз и направлена деятельность НКО.

Социальная ответственность СМИ за представление обществу миссии НКО. В процессе «аудита» были высказаны предложения, которые не только укоряли СМИ

в том, что они «не интересуются» глубинными социальными проблемами, решением которых занимаются общественные организации, но и прямо предъявляли тезис о *социальной ответственности СМИ* за то, какое место и роль занимают НКО в общественном мнении. Как категорично заметила руководитель Благотворительного фонда г.Тюмени, *«у НКО нет проблем – проблемы есть у общества, а НКО пытается их решать. С государством ли, без государства»*. Соблюдение прав человека, нравственное здоровье общества и др. – в этом роль СМИ и НКО как институтов гражданского общества должна совпадать.

Четко сформулировано и суждение о том, что социальная ответственность СМИ проявляется в соблюдении приоритетов, иерархии тем, в уходе прессы от властно-центричной тематики. Какая из тем важнее для гражданского общества: власть или жизнь самого общества? По мнению лидеров НКО, пока, к сожалению, на первом месте у журналистов – деятельность власти. Более того, приоритетным в информационной политике становится освещение деятельности власти, а не общественных организаций. Руководитель организации «Особый ребенок» подчеркивает: *«Мы хотим от вас равенства во внимании: освещаете ли вы поездки губернатора, миссии больших зарубежных гостей или небольшое событие в жизни общественной организации. Если мы приглашаем журналистов, но в это время происходит, как они говорят, важное мероприятие в городе, то к нам никто не приходит. Таким образом журналисты показывают нам наше место в своей информационной политике»*.

Итак, обращение к критической части «аудита» подтверждает точку зрения ряда выступавших на семинаре – проблемы деятельности НКО именно как институтов гражданского общества в тюменских СМИ стоят далеко не на первом плане. Разумеется, есть отдельные журналисты, которые постоянно контактируют с НКО, описывают не

только события, но и проблемы; но даже они в большинстве случаев не позиционируют героев своего материала именно как агентов гражданского общества. Пока преобладающий образ журналиста, нарисованный «аудиторами» из НКО, представляет собой журналиста-информационщика, гонящегося за информационным поводом, за новостями, не вникающего при этом в суть затрагиваемых проблем.

Лидеры НКО были готовы дать этому объяснение. По мнению некоторых из них, самое легкое объяснение поверхностности ряда материалов СМИ о НКО – ограниченность ресурса времени, отдаваемого теме НКО, не позволяет СМИ глубоко проникать в суть конкретных проблем, которыми занимаются НКО. Более строгое объяснение – с помощью однотипных репортажей с благотворительных акций, не «копая вглубь», журналист и не может раскрыть смысл деятельности НКО. Еще более строгое объяснение – порой СМИ даже и не пытаются понять деятельность НКО более основательно, то есть осознать реальную проблему, общественную задачу, ради решения которой люди собираются вместе. В том числе и потому, что пресса ангажирована, СМИ не освещают позицию НКО по какой-либо проблеме, если эта позиция идет вразрез с позицией власти: *«Из-за “общественников” они не хотят портить отношения с властью».*

Общее сравнение содержания в «аудиторских» заключениях позитивных оценок и критики открывает парадокс: выход за пределы инструментального подхода НКО к роли СМИ обнаруживается скорее в критических оценках в адрес СМИ, чем в позитивных. Именно в своей критике лидеры НКО показывают, что СМИ все же воспринимаются ими не только как помощник для решения конкретных трудностей в их деятельности, но именно как институт гражданского общества, несущий по отношению к этому обществу и его гражданам социальную ответственность. В этом смысле СМИ, как это следует из выступлений лидеров НКО, не должны ограничивать свою дея-

тельность выполнением только *информационной* функции, а призваны обратиться к миссии *социальной ответственности*.

ЛОГИКА «аудиторов-журналистов», возможно, была бы иной, выступай они первыми. А так для начала им пришлось отреагировать на претензии, поступившие со стороны лидеров НКО.

«Аудит» деятельности НКО со стороны журналистов начался с комментария на одно из замечаний лидеров НКО о том, что *«СМИ должны помочь НКО встать на ноги, не зависеть от власти»*. По мнению журналиста газеты «Тюменские известия», СМИ не участвуют и не должны участвовать в процессе становления НКО. Свои проблемы НКО решают и должны решать сами, поскольку они формируются в условиях конкуренции (кстати, как и само гражданское общество). *«К одним НКО журналисты идут сами, а другие их зазывают, – подчеркнула журналист. – И дело не в “пиаре”, а в том, что из себя представляет эта организация»*. В городе работают самые разные НКО, и те из них, кто ясно представляет свою цель и роль *«найдут, как реализовать свои интересы»*. По словам журналистки, каждая НКО отстаивает определенную позицию, будь то здоровый образ жизни или способ решения той или иной социальной проблемы. И чьи-то идеи в обществе оказываются востребованными, а чьи-то нет: *«Все идет нормально. Если бы еще власть не мешала своими попытками направить нас»*.

Реакция журналистов на требование от имени НКО «помочь стать на ноги» отличалась остротой, которой не наблюдалось в ответах на другие замечания в адрес журналистов. Вероятно, в замечании о том, что *СМИ должны помочь НКО*, журналисты услышали в свой адрес директивные интонации. Судя по реакции журналистов на самом семинаре, а также по результатам бесед с ними после семинара, многие из них услышали отзвуки советской системы «долженствования».

Неслучайно особую дискуссию вызвало заявленное от имени НКО мнение о том, что СМИ и НКО следует объединиться для того, чтобы привлечь государственные средства на начальный период становления гражданских институтов.

К сожалению, участниками семинара не был четко сформулирован тезис о том, что брать деньги у государства вовсе не зазорно: если НКО выполняют социальные программы, до которых у государства не доходят руки, то почему бы не получить на это деньги из бюджета? Ведь с этим связана идея государственного социального заказа на конкурсной основе: государство может делегировать какую-то свою функцию конкурентоспособной НКО; бюджетные средства направляются той организации, которая предложит более эффективную и экономную программу решения некой социальной проблемы.

Положительный факт – журналисты интуитивно пришли к теме конкуренции между НКО: если организация действительно эффективная, то есть механизмы, которые привлекают к ней не только внимание СМИ, но и финансовые средства. Идея верная, но ее конструктивность затерялась в повышенных тонах дискуссии, в подспудном противостоянии «слишком активному» в отношении к НКО государству.

Интересное объяснение «жалобам» НКО на недостаточное финансирование, невнимание в этом отношении со стороны властей, сформулировал журналист газеты «АиФ» в Западной Сибири». По его мнению, в период естественного формирования в стране гражданского общества (а это, считает журналист, период с 1986 года по 1993 год) работа СМИ с НКО не вызывала вопросов: *«Допустим, N приходил ко мне со статьей, которая взбудоражила меня, я ее публиковал. Мне это было интересно, важно, я абсолютно был уверен в том, что мы все делаем правильно, так, как надо»*. Когда же, по мнению журналиста, власть заговорила о строительстве гражданского общества в приказном порядке, возникли неко-

торые общественные институты, которые, не стесняясь, требовали от журналистов: *«пишите про нас, подскажите власти, что нас надо профинансировать. Ведь мы же хорошее общество, гражданское. Мы такое хорошее дело делаем»*. Такие общественные организации журналист считает никому неинтересными, кроме самих лидеров НКО. А один из признаков таких НКО – излишняя склонность к бюрократизации, что затрудняет обращение к НКО простых граждан: *«Зачем же я должен защищать такие НКО и их проблемами проникаться?»*

Для эффективных взаимоотношений у НКО и СМИ, по мнению журналиста, должны совпасть интересы. Как можно предположить из его суждений, «точка» этого совпадения и есть гражданское общество, его ценности. Таким образом, тема природы гражданского общества, запланированная организаторами для обсуждения во второй части семинара, еще раз появилась уже на первом этапе работы.

Ответить на вопрос: что может побудить профессионально писать о НКО, за пределами яркого информационного повода, попыталась журналист газеты «Тюменский курьер»: *«Журналист рассуждает так, – говорит она. – Всем нам выгоднее, чтобы гражданское общество было не квази-, а настоящим. Каждый из нас может что-то для этого сделать. Чтобы кто-то не обскакал и не устроил общество авторитарное, лишь внешне похожее на гражданское. Что мы для этого можем сделать? Журналист не знает, что он для этого может сделать, потому что его повседневное бытие не связано с этими проблемами. Соответственно, чтобы лоббировать интересы на высоком уровне, ему нужна поддержка. Здесь должно начинаться партнерство между СМИ и НКО»*.

Поскольку образ НКО, обсуждаемый журналистами на этом этапе семинара, получился несколько размытым, была предпринята попытка обратиться к материалам об-

зора, содержащего «портрет» НКО, созданный СМИ на страницах тюменских газет.

Согласно сделанному В.А. Кабаковой обзору, чаще всего НКО представлено в СМИ в жанре информационного сообщения, рассказывающего о какой-либо акции НКО, либо приуроченного к какой-либо дате (в этом смысле претензии лидеров НКО к журналистам вполне обоснованны). Нередко такие информации заканчиваются перечислением «бытовых» проблем организаций (здесь правы журналисты, говоря, что с их помощью НКО пытаются решить собственные вопросы). Например, активисты клуба молодых инвалидов «Оптимист» жалуются на отсутствие офиса («Тюменская правда»). ТОС «Надежда» – на отсутствие телефона, кабинета. «Возрождение плюс» – на отсутствие средств на питание для реабилитантов, на зимнюю одежду.

Читая тюменские СМИ, – продолжает автор обзора, – задаешься вопросом: почему журналисты не рассматривают НКО именно как институт гражданского общества, не акцентируют внимание читателей на такую, например, ценность гражданского общества, как гражданская инициатива? Не обращают внимание на то, что эффективность деятельности НКО связана с высокой мотивацией их работы? Что герои журналистских материалов – агенты гражданского общества, а гражданская инициатива – кирпичик гражданского общества?

Возможно, – предположила автор обзора, – потому, что в материалах о работе НКО журналиста прежде всего интересует то, как решается конкретная проблема, которой занимается данная организация. И, наверное, потому, что журналисты слишком вникают в обстоятельства конкретной проблемы и из-за этого абстрагироваться, выйти на смысловой масштаб этой проблемы не могут. Возможно, потому, что хочется (и это важно, необходимо) рассказать о найден-

ных подходах в решении какой-то конкретной проблемы, чтобы: (а) власти увидели, что такая проблема есть, (б) нашлись единомышленники и нуждающиеся в помощи, (в) нашлись люди, готовые помочь. В итоге, проблемы, решаемые НКО, «засасывают» журналиста. Он больше думает о том, как можно помочь этим людям. Чувство соучастия побуждает журналиста к активным действиям. Кстати, иногда журналисты сами вступают в НКО. Например, Ольга Чухачева («Тюменские известия») работала пресс-секретарем БФРГТ. Светлана Клименко («Тюменская область сегодня») стала участвовать в работе «Наследников» (клоунотерапия), позже перевела по этой теме книгу американского доктора-клоуна. Но все же самая эффективная помощь со стороны журналиста – это разносторонняя информация, в том числе и аналитического, и публицистического характера.

Подводя итог «взаимного аудита», можно, разумеется, подчеркнуть, что он заключается в пристрастной взаимной критике недостатков взаимодействия СМИ и НКО, выделяя, например, тот факт, что журналисты остро восприняли попытку некоторых из лидеров НКО возложить на них некие обязанности и категорично отстаивали концепцию «будем писать про то, что реально интересно». Важнее – тот итог «взаимного аудита», что НКО и СМИ начали рефлексировать взаимную необходимость за рамками инструментального интереса друг к другу. Показательно в этом плане суждение редактора газеты «Тюменский курьер» в конце первого этапа семинара: «Мы не обслуга друг для друга, мы – партнеры. У нас разные функции в создании пространства, в котором формируется гражданское общество. Но мы вместе должны вырабатывать кислород, которым дышит гражданское общество. Без этого мы не сможем ни создавать условия для существования гражданского общества, ни защищать ценности гражданского общества».

Как видим, сверхзамысел аудита не потерян. Не потерян уже потому, что «аудит» дал мотивацию и некоторые аргументы для более глубокой (само)идеентификации НКО и СМИ. А ориентиры (само)идентификации были отрефлексированы на следующем этапе семинара.

МОТИВИРУЯ тему второго этапа семинара, ведущий отметил, что мы как граждане, как гражданские институты нередко бываем либо равнодушны в отношении своих представлений о гражданском обществе, либо излишне самоуверенны. Мы слишком часто равнодушны и к процессу самопознания, самоосознания себя как институтов гражданского общества. Чем это оборачивается? Вольной-невольной потерей лица, утратой – или пренебрежением – своей подлинности.

И в публицистике, и в исследовательской литературе остро ставится вопрос о массовом феномене *неподлинности* отечественных институтов гражданского общества. Иначе: о *мнимости* этих институтов. И даже об их *ложности*: квази-НКО, квази-СМИ. Поэтому важно попытаться поискать критерии, по которым НКО и СМИ могли бы идентифицировать себя как институты гражданского общества.

Лидеры НКО и журналисты, еще на первом этапе семинара спонтанно вышедшие на тему природы и ценностей гражданского общества, достаточно активно включились в обсуждение темы. Они пытались рассмотреть понятие «гражданское общество», критически отнестись к разным его трактовкам, «мифам», отмечая в каждом положительные и отрицательные стороны, попытались проанализировать исторические корни гражданского общества. Способом такого рода работы послужил коллективный анализ *состояния* гражданского общества в нашей страны, степени его (не)развитости.

Мнения выступающих о том, на каком этапе формирования находится гражданское общество в нашей стране, каковы его ценности, разделились. Первая обобщенная позиция: Гражданское общество находится на ста-

дии становления. Представитель одного из ТОСов считает, что *«гражданское общество у нас уже формируется, подтверждение тому – работа ТОСов как ростков гражданского общества».* По мнению редактора электронной газеты «Вслух.ги», *«никто никогда не прекращал строить гражданское общество»*, при любом строе были люди, придерживающиеся ценностей гражданского общества и отстаивающие их. По мнению руководителя объединения «Мы, граждане», наглядный пример становления гражданского общества – в день проведения семинара, после трех дней несанкционированных митингов, общественность добилась приостановки рубки парка в городе, а оценкой действий властей занялась прокуратура.

Вторая позиция – Гражданского общества нет. *«Гражданского общества нет не только у нас, но нет и в мире. У нас нет примера уже сформированного в мире гражданского общества. Но это очень хорошая идея, хорошее стремление к идеалу»*, – считает президент Аграрно-академического союза Тюменской области. *«Гражданское общество – это такой “идеальный газ”, которого не существует»*, – полагает редактор газеты «МК» в Тюмени».

Третья позиция, которая не отрицает и не подтверждает ни одно из предыдущих суждений: Гражданское общество – процесс. Так, по мнению редактора газеты «Тюменский курьер», гражданское общество – это движение. Причем результат такого движения непознаваем. И нельзя с уверенностью утверждать, на каком этапе гражданское общество уже настоящее, а на каком – нет. *«Поэтому наши и ваши попытки наколоть эту бабочку на булавку и разобрать ее на части – квази-, неквази – мне представляются неприемлемыми».*

Характерные черты гражданского общества: эскиз. При всей неакадемичности предложенных формулировок, критерии оценки или хотя бы характерные черты,

присущие гражданскому обществу – в понимании участников семинара – вполне ясно складываются из эпизодов различных выступлений. Главный редактор «Радио-7»: *«Гражданское общество – не только активность ожидания, но еще и активность действия. И ответственность личная, общественная, корпоративная»*. Журналист газеты «Тюменская область сегодня»: *«Гражданское общество вырастает из общества корпоративного... Ключевым критерием институтов гражданского общества становится финансовая и этическая независимость»*. Важную черту гражданского общества обозначила председатель родословного общества: *«необходимо возрождение интереса к персоне»* (до ее выступления тема ценности индивидуализма, уважения к личности оставалась на заднем плане, отодвинутая рассуждениями о финансовой дилемме «брать или не брать деньги у государства» и выражением недовольства вездесущим государством). Руководитель организации «Мы, граждане» акцентировал внимание на возможности выбора при делегировании государством своих функций в социальной сфере некоммерческим организациям: *«В цивилизованном обществе бизнесмен может выбирать, отдать деньги государству или благотворительным организациям, в фонды. В нецивилизованном – государство не позволяет бизнесу распорядиться своей прибылью»*. Журналист газеты *«АиФ» в Западной Сибири*, говоря о критерии подлинности гражданского общества, во главу угла ставит гласность, *«доступ СМИ и общественности к информации о решениях власти»*. Важное проявление гражданского общества – *активная позиция граждан, осознание собственных прав и ответственности*. Об этом рассуждали два руководителя органов ТОС: *«Становление гражданского общества зависит от инициативы жителей, потому что самоорганизация граждан на территории, принятие под свою ответственность каких-то инициатив – это и есть ростки гражданского общества»*.

общества. Причем важно, чтобы жители поняли, что именно они, народ, влияют на всю жизнь в обществе.

СЛЕДУЮЩИЙ шаг работы семинара – диагностическая попытка самоидентификации НКО и СМИ, оценка возможности считать себя институтами гражданского общества. Анализ стенограммы позволяет выделить несколько вариантов диагноза.

Один из них: наши СМИ и НКО как потенциальные институты гражданского общества переживают этап становления. При этом некоторые участники семинара посчитали возможным принять в качестве адекватной характеристику отечественных институтов гражданского общества и самого общества в целом с помощью приставки «квази». Примечательно выступление руководителя «Радио-7». *«Мы все здесь “квази”: квази-НКО и квази-СМИ. Давайте в этом признаемся. Один из коллег сказал, что гражданское общество у нас было с 86-го по 93-й. Неправда. Это тоже было квазигражданское общество. Да, оно было связано с некими ожиданиями: вот мы что-то скажем, крикнем, рявкнем Горбачеву, Ельцину, и посыплется манна небесная. Но гражданское общество – не только активность ожидания, но еще и активность действия. И ответственность личная, общественная, корпоративная.*

А у нас звучит: “Власть должна дать”, “Власть – это мы”, “Деньги наши она должна отдать”. Я себе представить не могу, чтобы в США НКО обвиняла Буша, Шварценеггера в том, что они не дают деньги на их работу. То же касается СМИ. Надо ли нам искать темы, если мы живем за счет другого? Есть среди нас СМИ, которые являются достаточно самостоятельными, достаточно ответственными, но, простите, зависимы от власти. Мы не совсем профессионально состоятельны. Мы – квази-НКО и квази-СМИ. Это не наша вина. Надо путь пройти. Но надо сознавать, куда идем».

«А стоит ли обзывать себя “квази”, если движение вперед все же осуществляется? – спрашивают другие участники семинара. – Ведь как вы лодку назовете, так она и поплывет». Прозвучало предложение отказаться от характеристики «квази», заменить ее на другой диагноз: становящиеся или формирующиеся институты гражданского общества. *«Нельзя говорить про все НКО и СМИ, что они поголовно “квази” или “лже”. Можно привести примеры вполне успешных НКО, которые, например, научились работать сами, без обращения за помощью к властям. И есть СМИ, которые, несмотря на то, что получают деньги от власти, принимают ориентиры гражданского общества. Хотя лучше говорить не вообще о СМИ, а о конкретных журналистах».* Редактор «Тюменского курьера»: *«Мне совершенно не нравится термин “квази”, он представляется некорректным. Как бабочка формируется? Личинка – куколка – бабочка. На каком этапе мотылек настоящий, а на каком он – квази? Куколка? Личинка? То же самое в обществе: где начало того конца, которым заканчивается начало? Не знаем».*

Второй вариант диагноза в вопросе о самоидентификации: наши СМИ и НКО вполне можно назвать институтами гражданского общества. Во всяком случае, в целом СМИ являются институтом гражданского общества, даже если этого не скажешь про каждое отдельно взятое СМИ. С точки зрения редактора газеты «Вслух.ги», является ли СМИ подлинным институтом гражданского общества или нет, зависит от людей, которые работают в этом СМИ.

Один из аргументов в пользу второго варианта диагноза, опираясь на опыт своей НКО, привела руководитель историко-родословного общества: *«Мы занимаем определенное место в фундаменте гражданского общества, хотя и очень скромное, маленькое место: мы возрождаем и культивируем такую ценность граждан-*

ского общества, как индивидуализм, потому что акцентируем внимание на личности, на персоне. Нам нужна реальная история, индивидуализированная».

Третий вариант диагноза: СМИ или НКО не могут быть институтами гражданского общества без самостоятельной финансовой основы. Лидер одной из женских организаций специально подчеркнула, что «*институты гражданского общества, зависящие от власти, не могут быть институтами гражданского общества*». Каковы аргументы? «*Гражданское общество – это общество, которое не зависит от власти, а строит свои отношения с ней на партнерских началах. Сегодня у нас такого нет. Есть какие-то попытки, не больше. Нужны механизмы, нужна прозрачность, четкость и ясность. Чтобы не зависеть от государства и не ходить с протянутой рукой. Формы и методы работы общественных формирований, которые были при социализме, устарели, всему нужно учиться заново. В Благотворительном фонде Тюмени, например, это получается. Но нам надо, чтобы таких некоммерческих формирований было как можно больше*».

Четвертый вариант: необязательно ставить крест на тех СМИ или НКО, которые получают помощь от государства. Журналист газеты «Тюменская область сегодня» четко проводит связь между финансовой поддержкой и давлением власти: «*Этика западного мира: я даю деньги, контролирую их расход, но не вмешиваюсь в дела НКО. У нас деньги даются для того, чтобы проводить свою политику*». Руководитель историко-родословного общества: «*Далеко не в каждом случае пожертвования корыстные. Наше родословное общество привыкло быть свидетелями очень достойных инициатив*». Руководитель Аграрно-академического союза: «*В самых демократических странах Европы имеется практика финансирования и таких организаций, которые в некоторых аспектах выступают против действий власти*».

Возьмите движение зеленых в Германии – оно финансируется государством через дотации». Редактор электронной газеты: «Да, газете “Тюменская область сегодня” деньги дает областная администрация, но если ее сотрудник пишет вещи, которые способствуют, хотя бы немножко, формированию гражданского сознания, что особенного? В конце концов, эти деньги даются не из чьего-то частного наследства, эти деньги наши, мои. Деньги одни и те же, но газеты разные. Это о чем говорит? Все зависит от журналистов, которые там работают». Иначе говоря, финансируемые из одного госкармана СМИ работают по-разному: одни не забывают свой профессиональный долг, другие – сами готовы плясать под дудку.

Фактически тема взаимоотношений с государством оказалась ключевой в самоидентификации НКО и СМИ. При этом становление сектора НКО и сферы СМИ для одних участников семинара связано с государственной поддержкой, для других – с противостоянием государственному патернализму. В целом же можно отметить, что большинство из участвовавших в семинаре журналистов и представителей НКО в той или иной форме выражали настороженное отношение к роли власти (государства) в формировании гражданского общества, а вопрос о финансовой зависимости институтов гражданского общества от власти оказался весьма болезненным.

Интересный поворот этой темы произошел вокруг вопроса об общественном контроле за деятельностью СМИ. Дискуссию инициировала редактор газеты «МК» в Тюмени». *«Есть популярная идея общественного контроля над СМИ, который должен заменить государственный. Я не считаю, что какая-то общественная организация вправе контролировать мою газету, потому что они нам ни копейки не дали – ни государство, ни общественная организация. Нас контролируют читатели, которые в киоске платят восемь рублей. Граж-*

данское общество начинается с кружки, как в приходе: собрались, скинулись. И это проконтролировали». По мнению журналиста, «идеализировать общественный контроль не следует. Есть такое понятие, как общественный рэкет, есть такие общественные организации, которые созданы для этого. Вспомните “Тюмень-2000”. Что это было, как не общественный рэкет? Право контроля не дается просто за то, что ты – “общественник”. Контролируют то, за что сами заплатили. К вопросу о деньгах: можно брать или нет? Да, можно! Но контролируй только то, за что ты свои пять рублей отнес».

С этой позицией соглашается и редактор «Тюменского курьера», что показательно, поскольку его издание признается одним из самых демократичных, несмотря на некоторый муниципальный капитал, участвующий в газете: «Соблюдение закона – это единственный корректор. Если вышли за рамки закона, то читатель рублем действует».

Как видим, идея самоидентификации оказалась для представителей НКО и СМИ вполне актуальной, а конкретная попытка самоидентификации и самоопределения – весьма продуктивной. Хотя бы с точки зрения самокритичности институтов гражданского общества.

ОБОСНОВЫВАЯ заключительный этап семинара, ведущий сказал, что предстоящий разговор о «повестке дня» как *совместном* продукте НКО и СМИ нарушает привычное словопотребление, ибо о проблеме формирования повестки дня обычно говорят только применительно к миссии СМИ. Участникам семинара предстоит проверить содержащуюся в его замысле гипотезу о том, что НКО и СМИ могут и должны быть *соавторами* гражданской повестки дня.

Ни НКО, ни СМИ в своей повседневной работе *такими* соавторами себя не осознают. В лучшем случае СМИ *объективно* устанавливают пункты повестки дня на

свой страх и риск. Сможет ли семинар поколебать эту тенденцию? Вероятно, сможет, если его участники мотивируют свою работу тем, что именно содержание повестки дня – один из важных критериев подлинности-неподлинности обоих институтов гражданского общества. Возможный адресат этой повестки – реальный исполком Гражданского форума Тюменской области и пока условная газета «ГРАЖДАНСКИЙ ФОРУМ».

Вопрос о допустимости совместной повестки дня дискуссии не вызвал: журналисты не посчитали необходимым отстаивать свой приоритет в выработке такой повестки. Скорее можно говорить о соревновании представителей СМИ и НКО за число предложенных пунктов.

Журналист газеты «АиФ» в Западной Сибири» сразу предложил в качестве пункта совместной повестки дня общественную экспертизу новых проектов, подготавливаемых властью. Правда, общественная экспертиза выглядела в этом предложении скорее как стихийное широкое обсуждение темы, та самая гласность, в которой журналист видит главный признак гражданского общества. При этом, во-первых, актуальные вопросы необходимо обсуждать до официального принятия решений, и, во-вторых, общественная экспертиза трактуется как площадка для переговоров, двустороннего разговора. *«Надо, чтобы все было прокатано, отдискутировано, отспорено в СМИ. Чтобы власть тоже имела свой голос и убедила нас в том, что она нам счастья желает. Обсуждать нужно, например, видение интерьера города, куда потратить профицит в 1,5 млрд. руб. и т.д. Все, что касается бюджета города, поселка, области, должно обсуждаться».*

Опережая предложение ведущего, журналист высказывает идею создания общественного фонда, из которого финансировалось бы специальное СМИ, посвященное работе общественной экспертизы, дебатам. В таком фонде не исключается участие государства. Роль журналиста в этих дебатах сводится к трансляции и граммати-

ческой коррекции высказываний спорщиков. Участники семинара сошлись на том, что в числе спорщиков могут быть лидеры некоммерческих организаций, профессиональные эксперты и др.

Сразу же обострился вопрос о финансировании общественных экспертиз как важнейшего пункта повестки дня. Журналист «МК» в Тюмени»: *«Я очень скептически отношусь к идее общественной экспертизы на деньги власти. Если бы власть хотела слышать критику, она бы дала газетам, которые финансирует, это право. Мэр хочет слышать – и у “Тюменского курьера” есть право высказывать критику в отношении чиновников. Областная администрация не хочет – и она этого права своим СМИ не дает. В качестве альтернативы я предлагаю всем присутствующим НКО: ваше мнение, я гарантирую, на страницах нашей газеты найдет отражение».*

Параллельно встали вопросы: насколько уместно сводить институт общественной экспертизы к достаточно стихийной процедуре дебатов в СМИ, к спонтанным актам народного волеизъявления, проявляющегося в пикетах, открытых письмах и т.п.? могут ли быть экспертами не профессионалы, а обычные граждане и т.п.? не должна ли экспертиза быть официальной, а ее процедура – четко прописанной? Перевешивала то идея «стихийной» экспертизы, то четко расписанной процедуры.

Журналист «Тюменских известий»: *«В общественной экспертизе в зависимости от того, какой вопрос обсуждается, могут быть те или иные группы населения. Например, в экспертизе ЕГЭ – учителя, родители, преподаватели вузов. В решении вопроса о Дворце пионеров – родители, дети».* Руководитель правозащитной организации: *«В законе об окружающей среде продекларирована обязательность проведения общественной экспертизы. Обязательность! Значит, если не сделали ее – рубим любой проект».* Журналист «Тюменского

курьера»: *«Формализация общественной экспертизы сразу дает массу поводов для коррупции. Механизм, на мой взгляд, должен быть такой: НКО знают о какой-то проблеме в силу того, что сталкиваются с ней повседневно, но пусть они не рассчитывают только на свои силы и призовут на помощь СМИ, а те, в свою очередь, с вниманием отнесутся к призыву. В этом и есть неформальное партнерство».*

Последовали предложения в повестку дня общественных экспертиз. Лидер Благотворительного фонда г. Тюмени: *«Начинается процесс разгосударствления социальной сферы. Вы об этом знаете, журналисты? Я подозреваю, что на деле будет реализован вариант “прихватизации” этой сферы – без учета того, как социальные проблемы будут решаться в дальнейшем. Прошел год, а нам об этом еще никто не рассказал. Наконец я получила документ департамента соцзащиты, из которого следует: те, кто возьмет на себя это бремя, становятся специализированными некоммерческими организациями. Они получают в оперативное ведение государственную собственность и сохраняют за собой обязательства сохранить весь списочный состав работников этого учреждения. То есть, взяв на себя смелость выживать в новых ситуациях, они должны работать по старым правилам? Сегодня процесс разгосударствления этой сферы идет без учета мнения заинтересованных людей, без их участия».* Редактор газеты «МК» в Тюмени» поддержала лидера НКО: *«Ради этой темы я даже такой животрепещущий вопрос, как свобода прессы, поставила бы в конец нашей “повестки дня”. Мне кажется, можно сделать специальный раздел в этой повестке – “Реформы в социальной сфере Тюменской области”. Это раздел самый животрепещущий».*

Предложения следовали за предложениями. *«Нужна экспертиза и реализация программы “Здоровый ре-*

бенок». Программа есть, она действует не один год, а вот экспертизы ее не было и нет. Куда эти деньги пошли, насколько наши дети стали более здоровы? Это большой вопрос. Есть программа, но кто что знает об этой программе?». «В повестку дня нужно внести такую тему, как “Разработка программы обеспечения прав человека”. А в рамках программы предусмотреть: проведение мониторинга о положении прав человека; обеспечение беспрепятственного доступа гражданина к международным организациям (ООН, ЮНЕСКО), контролирующим обеспечение прав человека; обеспечение расследования каждого случая нарушения прав человека высокопоставленными чиновниками; поддержку НКО в виде двух процентов бюджета; поддержку независимых СМИ». «Я бы предложил Гражданскому форуму возбудить вопрос о заполнении вакансии “уполномоченного по правам человека Тюменской области”. Функция должна работать».

«Мозговой штурм» на тему формирования повестки дня вообще, общественной экспертизы прежде всего, продолжается. В числе предложений такие разные вопросы, как: обсудить статус Гражданского форума Тюменской области; встать на защиту права на родство («Я, как историк, изучала исторические материалы Чертищевых в Тюмени. На ксерокопирование четырех страниц к “Словцовским чтениям” с меня содрали 680 руб. И все по решению нашей архивной власти. Так мы закрываем дорогу к развитию генеалогической культуры»); провести экспертизу постановления губернатора «О мерах по организации предоставления услуг дополнительного образования детей», в частности вопрос «О переводе финансирования учреждений дополнительного образования со сметного на соцзаказ».

Прозвучала и идея создания некоего печатного органа, на страницах которого проходила бы эта общественная экспертиза, дебаты о повестке дня. Участники се-

минара «прикинули», как могла бы финансироваться такая газета (например, с помощью власти, частного инвестора, бизнесмена – за рекламу его предприятия). Но, поостыв, задумались над конкретным воплощением идеи. Когда пыл совсем остыл (и хорошо, что это случилось), появилось скептическое настроение: *«Боюсь, что наши власти общественность слушать не будут, потому что не слушают и специалистов»*, – сказала редактор «МК» в Тюмени». В качестве примера она приводит ситуацию с повсеместным внедрением тестов на наркоманию. Несмотря на то, что врачи-наркологи не считают этот способ выявления больных эффективным, борцы с наркоманией используют его в своей практике, несмотря на побочные действия (переживания тестируемых, их родителей и близких). И в заключение: *«если бы власть хотела слышать критику, она бы дала газетам, которые финансирует, это право»*.

Впрочем, это настроение журналисты сами и преодолели. Как мы уже отметили, свое решение проблемы (экспертиза проектов решений власти) редактор «МК» в Тюмени» нашла в том, что пригласила лидеров НКО на страницы своей газеты. А журналистка «Тюменского курьера» сказала, что журналисты, каждый в своей газете, могут открыть специальную рубрику, посвященную общественной экспертизе. Причем темы этой рубрики должны быть не второстепенными в информационной политике газеты. В конце концов, это совпадает с миссией СМИ как институтов гражданского общества.

ЗАВЕРШАЯ работу третьего этапа семинара, ведущий отметил, что задачей дальнейшей работы НКО и СМИ над общей повесткой дня (не сводимой к общественным экспертизам) является, с его точки зрения, *проблематизация* ценностных ориентиров деятельности этих институтов гражданского общества, прояснение ее смысла, миссии, социальной ответственности. И отдельно – образа адекватного гражданина (ведь сами по себе НКО – еще не гражданское общество, все зависит от то-

го, из кого они созданы).

Может быть, ближайшим пунктом повестки дня станет программа общественных дебатов как предпосылки общественных экспертиз? Может быть, проект программы работы СМИ по культивированию деятельности НКО?

Результаты семинара можно условно разделить на две рубрики – практика и теория. С одной стороны, представители СМИ и НКО смогли оторваться от рутинного восприятия своей деятельности, как бы подняться над повседневными заботами и осмотреть общественный ландшафт, оценив, кто действительно является гражданским институтом, а кто – только кажется таковым «с земли». Подобная сверка часов позволит усовершенствовать практическое исполнение той миссии, которая соответствует статусу СМИ и НКО как институтов гражданского общества. С другой стороны, журналисты получили достаточно конкретную программу действий и актуальных тем для своих материалов, а лидеры НКО обрели возможность расширить свои партнерские контакты со СМИ.

Итоги семинара с точки зрения эффективности идеи именно совместной выработки повестки дня отметил ведущий. *«Во-первых, хотя мы работали над острыми вопросами взаимодействия СМИ и НКО, но не свели свою работу к взаимным упрекам. Получился диалог, в результате которого сформулирован тезис: мы не обслуга друг друга, а партнеры. Фактически это девиз для будущего сотрудничества. Во-вторых, хотя и нельзя сказать, что мы сформировали некую идеальную повестку дня, но были сформулированы вполне рациональные предложения, которые стоит учесть исполкому Гражданского форума».*

Уроки рефлексии участников семинара о природе гражданского общества и его ценностей: *«Важно не впасть в грех идеализации гражданского общества и его ценностей, не “прозевать” их внутреннюю конфликтность».*

Как быть с широким распространением скепсиса по поводу перспектив гражданского общества в нашей стране? *«У каждого из нас достаточно скептических оснований, чтобы надеяться на то, что мы сильно повлияем на процессы формирования гражданского общества. Но, может быть, лучше, чтобы это был не скепсис, а ирония. Ирония не отбивает желания действовать.»*

А по поводу критериев результативности работы по формированию гражданского общества хорошо сказано в эпиграфе программы семинара – в строчках из стихотворения Вл. Савельева “Сизифов труд”: Он катит камень в гору, в гору, в гору. / Он этот труд предпочитает спору / О результатах этого труда... / Сизифов стиль. Сизифово терпенье. / Сизифов труд. Сизифова тропа».

8.3. Взаимодействие институтов гражданского общества и власти: ориентиры обновления «правил игры»

Включая в название главы в целом такую характеристику, как *анализ случая*, мы стремились представить в данном параграфе попытку описания процесса самопознания конкретного института взаимодействия гражданского общества и власти – Гражданского форума Тюменской области (далее – ГФ ТО), в том числе и перехода собственно процесса идентификации и самоидентификации в проектирование процесса обновления «правил игры» такого рода взаимодействия.

Оправдана ли эта задача? Стоит ли выделять идентификацию и самоидентификацию Гражданского форума Тюменской области в качестве самостоятельной задачи нашего проекта? Разве природа такого рода института не очевидна в своей элементарности, в ее позитивной ипостаси и в ипостаси, показывающей ограниченность «позитива»?

Не оправдана, не стоит – если *кажущаяся* «очевидность» лишь провоцирует априорную уверенность в об-

реченности ГФ ТО на «коварную имитацию» властью своей заинтересованности во взаимодействии с «общественностью». При такой-то нерассуждающей «уверенности» что конструктивного могут дать инвективы журналистов и гражданских активистов по поводу «грехов» этого института (он создан «сверху» для имитации и манипулирования и работает в стиле «партхозактива»)? Ничего. Только уныние и апатию.

Вполне оправдана – если, во-первых, признать необходимость рефлексии даже кажущегося очевидным института, чтобы идентифицировать его как одну из давних социальных технологий взаимодействия власти и общества, создаваемую с вполне конкретными целями, и тем определить интервал ее эффективности; если, во-вторых, попытаться увидеть внутренний потенциал обновления «правил игры», трансформации этой технологии, в том числе за счет ее конвергенции с иными (прежде всего характерными для «снизу» инициированных советов, ассоциаций, ассамблей) основаниями создания, «правилами игры» и гражданскими технологиями взаимодействия общества с властью.

Иначе говоря, тема оправданна, если не впадать в равнодушие, вялонейтральную позицию (вспомним слова журналиста «Тюменского курьера»: уже сам факт инициированности ГФ ТО властью «дает основание быть любопытным»). Если уклониться как от безудержной апологии (и здесь вспомним журналиста, отметившего, что способ создания ГФ ТО дает основание «быть скептическим» и уже поэтому попытаться понять настороженность общественности, ее беспокойство за свою репутацию: не окажется ли она вассалом власти), так и от безудержного алармизма и отрицания, исходящих из рискованной дилеммы «либо вассал власти, либо враг власти». Если избрать позицию понимания и рефлексии.

ДЛЯ АДЕКВАТНОЙ (само)идентификации ГФ ТО уместно предпринять процедуру, которой обычно пренебрегают в дискуссиях, порождаемых любой демонст-

рацией власти проявить *намеренность* в отношении развития институтов гражданского общества. Речь идет как раз о теме *социальных технологий*, о характеристике такого вида социальной технологии, как «общественный совет». Правда, и характеристика этой технологии межсекторного взаимодействия может быть воспринята как очевидная, ибо известна она со времен анекдота о «стране советов». Однако деятельность разного типа общественных советов в советские времена при всех известных ограничениях заслуживает не только иронии. Тем более заслуживает понимания природа технологии «общественный совет» в ситуации становления гражданского общества.

При всем разнообразии конкретных форм – собственно Общественный совет, Общественная палата, Гражданский форум, Координационный совет, Экспертный совет, Круглый стол и т.д. – технология «общественный совет» имеет инвариантные признаки. Представляется удачным определение, согласно которому «Общественный совет – это коллектив представителей некоммерческих и/или коммерческих организаций, а также широко известных, но не входящих в организации лиц, приглашенных государственным или муниципальным органом или должностным лицом, либо делегированных самими организациями для осуществления консультативных и/или экспертно-аналитических функций»⁸⁹.

В то же время это определение требует уточнения относительно тезиса о том, что организации и лица либо *приглашаются* в общественный совет органом власти, либо *делегируются* самими организациями. Фактически в этом определении речь идет только об одном типе технологии общественного совета – «при власти». Направление уточнения задают сами авторы, когда они в другом

⁸⁹ Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / Под общей ред. А.С.Автономова. М.: Фонд НАН, 2003. С. 179.

разделе книги говорят о *двух способах* создания общественных советов, о возможности существования *двух типов* общественных советов – не только «при власти», но и автономно от нее⁹⁰.

Первый тип – широко известные *совещательные* институты при органах власти, способ создания которых и описан в приведенном выше определении. Одна из особенностей этого типа советов в том, что «повестку дня» для них определяет орган власти или должностное лицо. Другая – в использовании патерналистских «правил игры», технологий взаимодействия с общественностью. Полезность (далеко не беспредельная) такого типа общественных советов взаимна и для властных структур, получающих эффект обратной связи, и для общественных организаций, получающих дополнительный источник информации о планах и решениях власти. Второй тип – общественные советы, создание которых инициировано самими НКО. Особенность этого типа советов – самостоятельность формирования «повестки дня», по результатам работы над которой формируются предложения в адрес власти. Другая особенность – применение гражданских технологий взаимодействия с властью.

Одна из задач нашей попытки стимулировать (само)идентификацию ГФ ТО и заключается в обсуждении возможности и желательности «прививки» «правил игры», по которым действуют советы второго типа – к первому. Такой, например, нам видится возможная и желаемая тенденция практики Гражданского форума Тюменской области.

Акцентируя этическую проблематизацию нашего проекта в целом, отметим, что пример формулирования ценностных ориентиров технологии «общественный совет» второго типа представлен в возникшей в годы пере-

⁹⁰ Там же. С.39-40.

стройки идее Гражданского парламента⁹¹. В концентрированном виде эта идея представляет собой демократически инициированный «снизу» *диалоговый* форум власти и общества. Установка на гражданскую активность, *партнерское* взаимодействие представителей власти и гражданского общества, процедура диалога, конструктивный поиск решений, *живой консенсус*, фиксирующий ситуационный этап согласия и в то же время развивающийся с учетом обновляющейся ситуации, открытый новой игре сил – параметры эффективности института «гражданского парламента». Готовность власти к такому диалоговому форуму – или отказ от него – показывает на практике, ориентирована ли власть в своей реформаторской политике лишь на реакцию «населения» или на самодетельную активность, неадаптивность граждан.

Авторы учебника «Социальные технологии межсекторного взаимодействия» отмечают сходство второго типа общественных советов с коалициями некоммерческих организаций⁹². И для этого наблюдения есть убедительные основания. Достаточно обратиться к практике создания такого института, как открытое партнерство неправительственных организаций, например, Пермской ассамблеи. В декларации этой ассамблеи отмечается, что «активисты и члены гражданских организаций – участников "Пермской ассамблеи" – это люди с разным жизненным опытом, политическими взглядами, стремлениями и интересами. Наша сила – не в механической консолидации и единогласии. Наша сила – в свободной и плодотворной кооперации вокруг общих задач... По каждому партнерскому проекту на базе конвенций строятся вре-

⁹¹ См., например, Библиер В.С. О гражданском обществе и общественном договоре (размышления философа) // Будь лицом: ценности гражданского общества / Под ред. В.И.Бакштановского, Ю.В.Согомонова, В.А. Чурилова. Т. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. С. 36, 39.

⁹² Указ. соч. С. 40.

менные рабочие структуры, основную роль в которых играет тот, кто готов нести основные издержки»⁹³.

Ценностный потенциал технологии «общественный совет» определяется степенью реализации в этой технологии ценности *гражданского участия*. Величина этого потенциала может быть весьма различной (в зависимости от способа создания общественных советов, от степени зрелости взаимоотношений власти и гражданского общества, выражающейся в разных принципах их взаимодействия): в диапазоне от принципов, характерных для административно-командной системы, до принципа *субсидиарности*⁹⁴. При сегодняшней степени (не)зрелости этих взаимоотношений, весьма далеких от отношений *партнерства*, роль технологии «общественный совет» первого типа не может быть высокой. В том числе потому, что одним из признаков деятельности таких советов является, *дефект сложившегося стереотипа*⁹⁵.

Речь идет о том, что практика советских времен «сформировала стандарт, не предусматривающий реального интерактивного партнерского взаимодействия между общественностью и органами власти». Именно поэтому множество советов, созданных и в наши дни, организованы и работают «так, как это было принято в СССР, т.е. на основе старой административно-командной модели». А значит, «в момент создания общественных советов, а также в ходе их деятельности задача включения принципа субсидиарности и не ставилась» и сформировавшийся стереотип, «как правило, не предусматривает возможности реального влияния общественно активных структур на процесс государственного (муниципального)

⁹³ См. сайт www.prgc.ru.

⁹⁴ Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. С.181-184.

⁹⁵ Указ. соч. С. 198.

управления». Соответственно он и малоэффективен как инструмент демократии участия⁹⁶.

Роль ценностных ориентиров технологии «общественный совет» – и в позитивном, и в негативном отношении к этой технологии, каждое из которых обостряется при любой заметной попытке учредить еще один общественный совет первого типа, – наглядно проявляется в современных дискуссиях по поводу масштабных проектов, инициированных федеральной властью, – Гражданского форума и Общественной палаты.

В определенном смысле эти проекты, первый из которых кажется уже угасающим, во всяком случае, по накалу публичных страстей вокруг него (на самом деле проект существенно трансформируется), а второй еще только осмысливается, – проблематизируют одну идею. Речь идет о такой *намеренности* государства в развитии институтов гражданского общества, которая отдает приоритет технологии «общественный совет» первого типа. Правда, применительно к идее «Общественной палаты» на момент завершения нашей работы над книгой обсуждались сразу две версии, соответствующие двум типам технологии «общественный совет», при этом в Госдуму был предложен проект закона об Общественной палате, более соответствующий второму типу технологии «общественный совет».

Суть публичных дискуссий сводится к обсуждению либо самой (не)возможности и (не) допустимости инициирования гражданских институтов «сверху», либо (не)*опасности* такого рода инициатив государства для судеб гражданского общества. При этом представляют интерес не только радикальные позиции по вопросу о (не)возможности и (не)опасности намеренности властей, но и попытки поиска путей сотрудничества власти и гражданского общества. В этом плане характерен заголовок одного из подготовительных материалов к федеральному

⁹⁶ Там же. С. 198-199.

Гражданскому форуму, представленного в книге Н.Беляевой о гражданской экспертизе: «К модели Гражданского форума: искусственно созданный орган может быть стоек и эффективен»⁹⁷.

Что касается развернувшейся публичной дискуссии по поводу идеи Общественной палаты, то даже если в законе она окажется ближе к технологии «общественный совет» второго типа, сам по себе анализ аргументов участников дискуссии весьма важен. Необходимо взвесить каждое из прогнозируемых участниками развернувшихся дискуссий *опасений* по поводу идеи Общественной палаты и выдвинутые контраргументы. В этом плане примечателен подзаголовок публикации о заседании совета экспертов в редакции «Российской газеты», посвященном анализу этой идеи (13.09.04): «Чего хотеть и чего опасаться?». Историческим (в том числе и «данным нам в ощущении») опытом реального воплощения таких идей нельзя пренебречь безнаказанно. Не менее значимы и вопросы, адресуемые участниками дискуссий авторам идеи, и конкретные предложения по ее развитию и реализации. Например, вопросы и предложения, которые представлены в публикациях Д. Драгунского в журнале «Новое время» (10.10.2004), В. Третьякова в «Российской газете» (23.09.04), упомянутого выше совета экспертов в той же газете, в Заявлении пермских гражданских организаций и т.д.

В то же время стоит отметить, что на существование опасности *манипулирования* со стороны власти идеями Общественной палаты, на весьма реальные основания *имитации* Общественной палатой роли института гражданского общества и т.п. можно реагировать по-разному. Один вариант – доминирование алармизма, стремящегося предупредить о коварстве замысла этой идеи, возможности превращения палаты в «ученый совет

⁹⁷ Беляева Н. Гражданская экспертиза как форма гражданского участия. М.: Фрегат, 2001. С.11.

при Чингисхане». Другой – взвешенная реакция (еще один подзаголовок в упомянутой выше публикации о совете экспертов в «Российской газете»: «*Повод для пессимизма и оптимизма*»). Третий вариант, близкий ко второму, – трезвая, рациональная попытка использовать каждый шанс на укрепление ростков гражданского общества. В том числе и шанс, который – не больше, но и не меньше – дает идея Общественной палаты, если она способна трансформироваться под влиянием дискуссий.

Приведем аргументы в пользу третьего варианта. Во-первых, характерно заявление пермских гражданских организаций, размещенное на сайте www.pgrc.ru 12.10.2004. Его авторы вполне реалистично осознают такую возможность, что «инициатива президента Путина по созданию Общественной палаты может реализоваться фиктивно», а также то обстоятельство, что «создание Общественной палаты может преследовать цели, нам не известные и не имеющие никакого отношения к налаживанию созидательных взаимоотношений между верховной российской властью и активной частью общества». Однако, подчеркивается в Заявлении, «в современных российских условиях наделение любой властной инициативы презумпцией зла – не только наивно, но и безответственно. Мы не можем приветствовать фанатичную ненависть к государству и к конкретному режиму со стороны части гражданских организаций. Российское общество не находится в состоянии гражданской войны с российским государством, более того – в обществе нет оснований для такой войны. Современная российская власть отчуждена от общества, некоторые ее инициативы общественно опасны, но она не является принципиальным врагом общества».

Во-вторых, это аргумент, совмещающий представление об идеальной ситуации формирования гражданского общества, в которой путь «сверху» считается рискованным, ибо «мала дистанция до профанации, бюрократизации и подмены целей функционерством»

(Н. Гребенщикова), – и представление о допустимости этого пути в конкретных условиях, характеризующих сегодняшнюю отечественную ситуацию. Так, например, колумнист «Российской газеты», Л.И. Радзиховский, в статье с характерным названием «Гражданская обломовщина» полемически утверждает, что «реально строить гражданское общество в России может только власть – прокладывать дорогу к гражданскому обществу через трясину политической обломовщины общества».

В-третьих, это аргумент относительно создания Общественной палаты, который заключается в необходимости «не только считаться с реальностью, но и изучать» ее, «а изучив – предлагать пути коррекции» (другой колумнист «Российской газеты», А. Колесников).

Кстати, в давних дискуссиях о федеральном Гражданском форуме была подчеркнута возможность трансформации институтов взаимодействия власти и общества, сформированных «сверху». Так, например, Н. Гребенщикова в статье сетевого «Русского журнала» отмечает: «если уж избран патерналистский путь» формирования гражданского общества, «не нужно стесняться, нужно делать попытки, одну за другой, представить» все многоцветье гражданских организаций «в собрании, совете, палате. Пусть механизм формирования этого органа меняется каждый год, даже полгода. Пусть результаты деятельности этого органа станут предметом постоянного критического внимания общества и его гуманитарной элиты. Пусть это будет путь проб и ошибок».

В то же время еще одного – необходимого – аргумента в дискуссиях об идее Общественной палаты мы так и не нашли – аргумента о том, что ее надо рассматривать как вполне определенную социальную технологию с определенным – не больше, но и не меньше – интервалом эффективности. Интервалом, определяемым выбором одного из двух типов технологии «общественный совет». И то обстоятельство, что дискуссия об идее Общественной палаты привела к предпочтению второго типа

этой технологии, весьма важно в теме, которой посвящен наш параграф.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, что условием идентификации ГФ ТО как института взаимодействия власти и общества является его «примерка» к социальной технологии «общественный совет», отнесение его к одному из типов этой технологии (или преимущественно к одному из типов, или к гибридной модели). Тот или иной результат «примерки» прямо определяет потенциал трансформации ГФ ТО.

На настоящее время ГФ ТО – вполне соответствует первому виду технологии «общественный совет». Значит, следует вспомнить, что особенность совещательных институтов при органах власти заключается не только в том, что гражданские организации *приглашаются* органом власти для участия в деятельности этого института, но и в том, что «повестку дня» для этого института определяет инициатор его создания. Отсюда определенная полезность этого типа общественных советов: власть получает эффект обратной связи, а общественные организации – дополнительный источник информации о действиях власти. Но в этом же и минусы такого института: во-первых, ограничена возможность общественных организаций делегировать в совет своих представителей и, во-вторых, мала возможность определять «повестку дня». Соответственно при идентификации ГФ ТО необходима трезвая (само)оценка в отношении известного по советским временам стандарта общественного совета, который не предусматривал реального партнерского взаимодействия власти и общественности.

Такого рода идентификация ГФ ТО и побуждает нас к обсуждению потенциала его трансформации, мотивируя тезис о возможности и желательности – нет, о необходимости – стимулировать в деятельности ГФ ТО конвергенцию, гибридизацию первого типа общественных советов со вторым. В том числе «прививку» *способов* деятельности советов второго типа – к первому. А это зна-

чит обогащение деятельности ГФ технологиями гражданской экспертизы, гражданских переговоров, гражданских экспертиз и т.п.

Определенные перспективы трансформации ГФ ТО открывает анализ критических замечаний и конструктивных предложений, содержащихся в суждениях его участников, лидеров НКО, журналистов, пишущих о работе форума, прежде всего тех, кто стал явным и неявным автором нашего проекта.

КАКИМ представляется ГФ ТО его участникам и прессе? Процесс (само)идентификации ГФ ТО идет практически с самого момента его учреждения.

Актуальность этого процесса видна уже по направленности вопросов, которые журналисты задавали членам Совета ГФ ТО сразу после учредительного собрания. Возьмем достаточно характерный набор вопросов журналиста «АиФ» в Западной Сибири». Один вопрос: *«Создание Гражданского форума – событие неординарное. Но, честно говоря, реакция областных СМИ и самой общественности была вялой. Почему?»*, ведь она должна была быть *«любой, кроме вялонейтральной. Кого-то это событие должно было возмутить, кого-то вдохновить»*. Другой вопрос: *«если немного утрировать, власть создает некое учреждение под названием, допустим, “Гражданфорумстрой” и начинает сверху строить гражданское общество. Так?»*. Еще вопрос, заданный в ответ на напоминание о сказке про двух лягушек, попавших в кувшин со сметаной: *«А попади эти ваши лягушки в кувшин с водой или вином – и чем помогут терпение, упорство и труд, если эти жидкости в принципе не сбиваемые?»*.

Как видим, вопросы скептические. Довольно скепичен и вопрос журналиста газеты «Наше время»: *«Если говорить о Гражданском форуме Тюменской области, то и по отношению к нему надо ответить на вопрос: может быть, наша любимая власть, инициализировав Гра-*

жданский форум Тюменской области, просто хотела быть “в струе” и даже немного впереди Центра? Ведь у нас эта структура появилась раньше, чем на федеральном уровне. Или это был либеральный порыв продвинутой власти, которая хотела в хорошем смысле слова опередить всю страну, создав Гражданский форум?». И еще пример скепсиса, пусть не в форме вопроса, а замечания журналиста «Тюменских известий». По поводу прозвучавшего в одном из выступлений на учредительном собрании ГФ предупреждения об опасности иллюзии в том, что к гражданскому обществу легко прийти, журналист отмечает, что эту «достаточно неприятную правду» наглядно иллюстрировали выступления некоторых представителей НКО: «их суть сводилась к поддержке “генеральной линии” власти», а «стиль первых же строк, принятых собранием резолюции... свидетельствует о том же».

Скепсис прессы (разумеется, часть прессы реагировала на акцию властей вполне апологетически) не исчез и в дальнейшем. Журналист газеты «Вслух о главном» спрашивает одного из членов Исполкома ГФ ТО: «В Тюменской области результатом двухгодичной деятельности Гражданского форума стало то, что определились с его составом. Или я передерживаю?».

Предъявляя вполне определенный набор вопросов журналистов, не выступаем ли мы против критики со стороны СМИ в адрес ГФ ТО? Ни в коем случае. Напротив. Даже тогда, когда о членах ГФ журналист пишет в газете «Вслух о главном» таким образом: «Те, кому власть дала почувствовать возможность – самую минимальную – участвовать в решении проблем, концептуально уже определенных самой властью, чувствуют себя очень важными персонами с легким налетом гениальности».

Более того. В ответ на часто задаваемый вопрос: «А какой прок от ГФ»? и недвусмысленные намеки насчет виртуальности феномена, у нас тоже появлялся соблазн

занять скептическую позицию в отношении ГФ, тем более что нашей самоиронии вполне хватит, чтобы поязвить по этому поводу. Но занять такую позицию слишком легко. Что удерживает?

Во-первых, самокритика членов ГФ ТО не менее эффективна, чем критика со стороны СМИ. Например, по поводу стиля «партхозактива». Члены ГФ отмечают, что на заседаниях ГФ силен элемент жесткой заданности, организованности, что эту тенденцию надо преодолевать. В том числе и уходом от монотехнологичности в работе ГФ, использованием всего спектра социальных технологий гражданской активности. Ведь сами по себе заседания исполкома и Совета и даже подготавливающая эти заседания деятельность рабочих групп – слишком традиционная форма работы. Ей далеко от реального потенциала таких технологий, как общественная экспертиза, переговорные площадки и т.п. Кстати, когда наша книга уже была готова к печати, в этом направлении произошел определенный сдвиг – начал формироваться проект «Гражданская трибуна», предполагающий ряд форм активизации работы ГФ.

В то же время сами члены исполкома ГФ не проявляют достаточной инициативы, чтобы кроме организационного потенциала, который задан администрацией, внести свой, «незаорганизованный», потенциал. Справедливо опасение, что ГФ, организованный «сверху», станет «карманным». Но разве у членов ГФ не должен сформироваться комплекс неполноценности: ведь они сами слишком инертны (хотя есть и самокритичные высказывания, например, об учредительном заседании ГФ: *«ну какое же мы гражданское общество, если мы просто болванчики? Болванчики потому, что решения Гражданского форума готовятся до того, как собирается Гражданский форум. Мы приходим, нас знакомят с проектами решения, мы дружно голосуем и уходим»*), инертны, в том числе и в отношении эффективности решений, принимаемых исполкомом. Насколько они ини-

циативны в разработке механизмов реализации решений?

Во-вторых, ГФ не равнодушен к своей судьбе. Исполком решил не просто исследовать природу гражданского общества (не ждать, когда приедет кто-то из Москвы и скажет: «гражданское общество – это то-то, то-то»), а попытаться самим понять, на каких принципах мы строим отношения между гражданами и гражданскими организациями, с одной стороны, между обществом и государством – с другой), но инициировать процесс самопознания ГФ.

В-третьих, было бы несправедливо сосредоточивать внимание лишь на скептической – кстати, просто необходимой для этой профессии – позиции журналистов. Вполне конструктивна такая интерпретация в СМИ работы ГФ ТО. Журналист «Тюменского курьера», рассказывая о совместном семинаре СМИ и НКО, проведенном в рамках проекта ГФ ТО, подчеркивает его результат следующим образом: *«Три часа обсуждений были тем самым лягушечьим барахтаньем – на первый взгляд бесполезным. “Маслом” семинара стали те формулировки, которые его участники сделали для себя и для всего Гражданского форума, и “повестка дня”, которая через форум ли, через газеты ли станет достоянием общественного обсуждения».*

ПЕРЕХОДЯ к более систематической характеристике потенциала трансформации ГФ ТО с точки зрения возможной «прививки» ему элементов технологии «общественный совет» второй модели, обратимся к анализу критики и самокритики (ибо она идет от членов ГФ) форума, полученных в рамках акций, описанных в первых двух параграфах этой главы. При этом подчеркнем, что ряд направлений трансформации деятельности ГФ обнаруживается не только в прямых конструктивных предложениях, но и методом «от противного».

Основная группа критических суждений, на наш взгляд, как раз и связана с последствиями создания ГФ

ТО «сверху», по технологии «общественного совета» первой модели, наиболее выпукло проявляющимися в зарегулированности (*«работа форума – при всей его нужности – слишком зарегулирована»*), заформализованности (*«в практике этой властной машины я как член исполкома вижу очень много огрехов, например, заформализованность»*) работы ГФ. Речь идет прежде всего об отсутствии в работе ГФ таких важных признаков, как дискуссии, диалог; таких технологий, как переговорная площадка; и, соответственно, о низкой эффективности работы ГФ в принятом режиме.

Характерна ситуация, возникшая на совместном семинаре СМИ и НКО. Как только один из журналистов сказал, что полезность ГФ проявляется в диалоге, осуществляющемся на его заседаниях (*«полезность института Гражданского форума Тюменской области в том, что происходит диалог – с корыстными или некорыстными целями»*), лидеры НКО, непосредственные участники Гражданского форума, незамедлительно возразили: на заседаниях ГФ нет дискуссии, диалога, переговорной площадки. Тогда как именно эти составляющие могут придать форуму ценность института гражданского общества.

Кстати, отсутствие дискуссий в работе ГФ объяснялось не только формальной организацией заседаний, но и «внутренним цензором» участников форума, который не позволял им высказывать свою точку зрения. Так, с замечанием другого журналиста об одном из заседаний Гражданского форума: *«такое было ощущение, что у присутствующих есть некий внутренний цензор, потому что были вполне очевидные вещи, которые так и не были произнесены»*, члены ГФ ТО согласились: *«Наверное, мы выступаем очень мягко. Чего мы боимся – каждый про себя знает. Если бы мы в своих выступлениях острее говорили и примеры приводили, может, власть лучше понимала наши проблемы»*.

В материалах экспертного опроса лидеров НКО находим суждение о неэффективности и даже бессмысленности принятого на заседаниях ГФ стиля организации работы (например: *«заседание Совета форума, посвященное женским вопросам, превратилось буквально в научную конференцию»*), ибо обсуждение вопросов *«никого ни к чему не обязывает, ни тех, кто говорит, ни тех, кто слушает – ведь реальный механизм взаимодействия не формируется»*.

Справедливости ради необходимо отметить и иные точки зрения членов ГФ по поводу эффективности принятого в его работе стиля. Так, например, одна из оценок подчеркивает неадекватность упреков в том, что власть руководит ГФ: *«Да не руководит она, а пытается помочь. Закритиковать можно все, что некоторые и пытаются сделать, а зачем? Если власть помогать не будет, то все так же развалится, как это произошло в российском масштабе»*. Еще одна близкая по смыслу оценка заключается в констатации эффекта упорядоченности взаимодействия власти и общественных организаций: *«Если будет таких гражданских форумов двадцать, я готов входить во все двадцать. Это нужное и полезное дело установления формы взаимодействия с властью»*.

В критических и самокритических суждениях по поводу ГФ явно читается стремление совершенствовать его работу: *«Многое будет зависеть от того, хватит ли ему терпения развиваться»*.

Совершенствовать за счет ухода от заформализованности и выработки механизмов реализации решений ГФ: *«А где механизм реализации того, что мы предлагаем на гражданском форуме?»*.

Совершенствовать за счет изменения «правил игры»: *«Существование взаимоотношений подразумевает выработку правил. И если власть хочет сотрудничать с нами, должна нас рассматривать не свысока, а*

хотя бы постараться сделать вид, что мы партнеры. Раз уж вы нас собрали в форум, раз уж мы пытаемся сформировать какие-то партнерские отношения, вы тоже соблюдайте правила игры. Исполком должен не просто готовить какие-то вопросы, но и доводить их не только до тех, кто приходит на Гражданский форум, потому что их позвали, потому что там будет губернатор, вице-губернатор, телевидение и все такое, но и до гражданских активистов. А иначе – выслушали выступающих и разошлись».

При этом предложения вовсе не исчерпываются декларациями о необходимости развивать ГФ и не сводятся только к «косметическим преобразованиям». Одно из направлений развития – превращение ГФ в площадку, на которой можно *«не просто говорить и даже не просто учиться договариваться, а именно договариваться о совместном действии».*

Радикальное предложение *«перевернуть работу ГФ, “как песочные часы”: исполком не должен находиться под крышей администрации. Исполком должен ставить вопросы перед администрацией. И председатель исполкома должен быть независимым человеком».*

И снова – как и в анализе дискуссий об Общественной палате – нам не хватает в рассмотренных выше (само)критических замечаниях и предложениях попытки авторов осознанной и систематической постановки вопроса об идентификации ГФ с точки зрения социальной технологии взаимодействия власти и общества и вытекающего из такой постановки вопроса о «прививке» к деятельности ГФ новых социальных технологий. Кстати, не отрефлексировав свой статус с точки зрения социальных технологий, ГФ ТО «подставляется» под сверхкритику, т.е. под претензии, выдвигаемые в связи с несоответствием его некоему абстрактному – не привязанному к этому образу «общественного совета» – и потому «не оправдывающему ожидания общественности». В том числе ин-

ституты и организаций, составляющих сам ГФ и СМИ. А ведь часть этих ожиданий – при (само)идентификации ГФ ТО – могли быть отклонены аргументом «не по адресу». Или приняты, но с установкой на трансформацию ГФ ТО.

ВЫДВИНУТЫЙ нами тезис о желательности и реальной возможности стимулировать в деятельности ГФ ТО конвергенцию первого типа технологии «общественный совет» со вторым находит свою конкретизацию в попытке формирования «повестки дня» ГФ при активном авторском участии НКО и СМИ.

Как уже было отмечено в обзоре стенограммы семинара, самым первым пунктом такой «повестки дня» была названа общественная экспертиза новых проектов, подготавливаемых властью. Казалось бы, власть и сама считает общественные экспертизы важной технологией – это видно и по положению о ГФ ТО, и по проектам Общественной палаты. Но, как подчеркивали участники семинара, формальной готовности власти еще недостаточно. И предложения участников семинара оказались вовсе не «маниловщиной».

Во-первых, общественная экспертиза – вопреки распространенной практике – должна проходить до принятия решения: *«все должно быть прокатано, отдискутировано, отспорено в СМИ»*. Поэтому *«нужно прежде всего добиться, чтобы у нас была предварительная информация о выдвигаемых проектах»*. При этом информация должна идти не только «сверху», например, *«НКО знают о какой-то проблеме в силу того, что сталкиваются с ней повседневно, но пусть они не рассчитывают только на свои силы и призовут на помощь СМИ, а те, в свою очередь, с вниманием отнесутся к призыву»*.

Во-вторых, важна степень влияния результатов общественной экспертизы на реальные решения власти. Приведем фрагмент выступления одного из участников семинара: *«Два года назад государство через федеральные органы заказало общественную экспертизу за-*

конов о социальной защите инвалидов. Мы провели свою экспертизу, написали отчет. Государство ин-формацию приняло, и что было потом? Наши льготы заменяют денежным выражением, то есть государст-во уже пользуется механизмом, не беря во внимание ре-зультаты экспертизы».

Принципиально важен гражданский характер техно-логии общественных экспертиз. Для этого *«мы сами дол-жны сказать, что нам важнее: наука или строительст-во бульвара, бульвар – или отдать деньги, чтобы бла-гоустроить санитарную зону и т.д.»*. Гражданский ха-рактер экспертиз, с точки зрения авторов предложений в «повестку дня», прямо связан со степенью свободы вы-бора гражданских организаций в определении предмета экспертизы. И, вспомним, на семинаре были сформули-рованы конкретные предложения в «повестку дня» обще-ственных экспертиз.

ОТДЕЛЬНО отметим такой пункт в «повестку дня», как обсуждение статуса Гражданского форума Тюменской области. В чем роль этого «пункта»? Осознание Граж-данским форумом своей природы и ценностных ориенти-ров, идентификация форума как определенного вида со-циальной технологии «общественный совет», намерен-ность трансформировать существующую модель за счет освоения преимуществ второй модели «общественного совета» даст форуму значительные шансы на успех. Именно *шансы*, ибо ГФ ТО – испытание как для институ-тов власти, так и для институтов гражданского общества. Одни люди лишь используют выпавший им шанс. И мы говорим о них – «это люди удачи». Другие – стремятся сами создать шанс. И мы говорим о них – «это люди ус-пеха».

Какие мотивы привели сегодняшних членов ГФ ТО в его состав? Как показывает экспертный опрос лидеров НКО, одни эксперты полагали, что Гражданский форум – это площадка для диалога с властью, другие – видели в

нем возможность общения с коллегами, третьи – посчитали целесообразным участвовать в работе форума в качестве наблюдателей. Некоторые эксперты решили, что ГФ – это еще одна возможность публично выразить свою точку зрения на происходящее и свое видение перспектив развития общества. Есть эксперты, которые узнали о своем вхождении в Гражданский форум постфактум.

Выделим здесь суждения, в которых мы видим мотив повысить шансы на формирование в стране институтов гражданского общества. *«Созданную по предложению администрации области структуру, куда вошли общественные и политические организации, мы приняли как положительное и нужное явление. Отказаться от еще одной возможности “застолбить” свои вопросы, заставить услышать о нашей работе общественность, мы посчитали недопустимым»*, – говорит лидер профсоюзов. *«Это пока единственный инструмент разговора власти и общества – пока лишь инструмент разговора, так как его влияние очень незначительное»*, – говорит лидер НКО «Женская инициатива». Лидер правозащитной организации «Мы, граждане»: *«У нас даже не возникал вопрос: входить или не входить в Гражданский форум; нам казалось, что нельзя пренебрегать никаким вариантом, что мы должны использовать любую возможность для контакта и с властными, и с бизнес-структурами в целях создания гражданского общества. Мы выступаем на этом форуме, мы реагируем. Мы знаем, для чего какая-то структура создается “сверху”, мы знаем, как все делается, поэтому иллюзий не строим, но используем этот канал воздействия и на общественное мнение, и на наши деловые контакты»*.

Каким путем пойдут члены ГФ ТО дальше? Куда поведут его? Время покажет.

Необходимые условия создания шанса на трансформацию ГФ мы и попытались представить.

Вместо заключения

Критика охотно попрекает гражданское общество и его этику за самомнение, гордыню и нарциссизм. Однако при всем желании затруднительно отыскать в истории такую социальную систему, которая была бы столь расположенной к фундаментальной *самокритике*, иронически, иногда эпатажно и даже алармистски настроенной по отношению к царящим порядкам и к ожидаемому будущему.

Не испытывая особой нужды в рукоплесканиях идеологических клакеров, гражданское общество умело преобразовывает самую острую критику и самокритику в средство, ведущее к его развитию и самосовершенствованию, способствуя «расширению» узких мест развития – властного, экономического и духовного.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. **Гражданское общество: этика публичных арен** / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. – 268 с.

Редактор выпуска И.А. Иванова.

Оригинал-макет И.В. Бакштановской.

Художник М.М. Гардубей.

В подготовке выпуска участвовали:

М.В. Богданова, В.А. Кабакова, И.А. Михайлова,

А.П. Тюменцева.

Подписано в печать 21.12.2004.

Формат 62x90/16.

Гарнитура Arial.

Усл.печ.л. 17.

Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №

ISBN 5-88465-592-2

Издательство «Нефтегазовый университет» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет». 625000, г.Тюмень, ул. Володарского, 38.

Отпечатано с готового макета в издательско-полиграфическом центре «Экспресс». г.Тюмень, ул.Минская, д.3, корпус 1. Лицензия ПД № 17-0033.